

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования
Семинар «Фундаментальные вопросы развития сложных
социальных систем»

Витальный подход к сложным социальным системам

*Материалы
постоянно действующего
научного семинара*

Выпуск № 6

Москва
Научный эксперт
2013

УДК 316.33(063)

ББК 60.02я431

В 54

Научный руководитель семинара: С.С. Сулакшин

В 54 **Витальный подход к сложным социальным системам.** Материалы научного семинара. Вып. № 6. М.: Научный эксперт, 2013. — 144 с.

ISBN 978-5-91290-199-7

УДК 316.33(063)

ББК 60.02я431

ISBN 978-5-91290-199-7

© Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого
проектирования, 2013

Содержание

С.С. Сулакишин. Вступительное слово научного руководителя семинара	5
Тема семинара	
Витальный подход к сложным социальным системам	
Доклад	7
В.Э. Багдасарян. Витальный подход к сложным социальным системам.....	7
Вопросы к докладчику и ответы	71
Выступления	
С.А. Кравченко. Востребованность комплексного, междисциплинарного подхода к анализу сложности	88
С.Г. Кирдина. В поисках методологии анализа сложных систем	91
Д.С. Чернавский. Что есть живое и что такое духовность	93
С.С. Сулакишин. Жизнь — категория всеобъемлющая	94
Т.А. Чикаева. Витальный подход к исследованию сложных социальных систем — принципиально новое слово в методологии	98
Н.В. Асонов. Мы вышли на финишную прямую! Пора одуматься!.....	103
С.И. Реснянский. «Сцилла» и «Харибда» сложной социальной системы.....	111

<i>В.Н. Шевченко. Необходимо продолжение исследований.....</i>	113
<i>Д.Н. Замятин. Пространство жизни / жизнь пространства.....</i>	116
<i>И.Л. Андреев. От проблемного анализа — к государственно-управленческому проектированию.....</i>	118
<i>Заключительное слово докладчика.....</i>	129
<i>Темы семинара.....</i>	137
<i>Список участников семинара.....</i>	138

Вступительное слово научного руководителя семинара

*С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук*

Уважаемые коллеги! Мы продолжаем работу нашего семинара «Фундаментальные вопросы развития сложных социальных систем». Мы в его рамках проходили с вами непростые вызовы категориальной определенности в вопросе о том, что это такое и какова творческая повестка научных вызовов относительно этой категории. Мы убеждались, что богатство русского языка и тонкости смысловых нагрузок иногда порождают псевдопроблемы; но порождают и самые настоящие проблемы, требующие осмысления, препарирования в той области, которая связана с научным постижением.

Сложная социальная система — она всегда сложная, даже если слово «сложная» не употребляется. Социальная система, социум — это всегда больше одного. Мы, конечно, ограничиваем поле своих научных интересов большими системами масштабов стран, цивилизаций, человечества в пространстве мироздания, поэтому все-таки добавляем предикат «сложные» социальные системы, имея в виду прежде всего их масштабность.

Сегодняшнее заседание, доклад на котором делает доктор исторических наук, профессор Багдасарян Вардан Эрнестович, носит название «Витальный подход к сложной социальной системе». Из названия вытекает, что есть намерение сформировать некоторую модельную ситуацию. Один из серьезных вызовов в предметном поле, связанном со сложными социальными системами, заключается в создании адекватной модели субъектности сложных социальных систем. Нам достаточно хорошо понятна субъектность индивида, субъектность группы, но когда нарастает масштаб, то возникают какие-то новые, уже немасштабируемые обстоятельства, которые надо постигать. Сложные социальные системы в мировом пространстве взаимодействуют друг с другом. Кто-то

предлагает концепцию столкновения цивилизаций, т. е. сложных социальных систем. Поэтому до конца считать понятным, разработанным и приемлемым представление о субъектности сложных социальных систем, о возможных моделях для представления этой субъектности, в общем, нет оснований. Вызов налицо. Один из подходов сегодня будет предложен профессором В.Э. Багдасаряном.

Тема семинара

Витальный подход к сложным социальным системам

Доклад

Витальный подход к сложным социальным системам

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Научный вызов

Сложилась устойчивая традиция описания развития социальных систем в категориях, характеризующих существование живого организма. В ряде исследовательских проектов Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования применяется, в частности, понятие жизнеспособности. Насколько научно оправданно использование такого категориального аппарата? Признание научной состоятельности его применения будет означать целесообразность выдвижения критерия успешности сложных социальных систем по степени максимизации / минимизации ее жизненных потенциалов. Если страна снижает свои жизненные потенциалы, траекторно устремляется к гибели, то и оценка деятельности властей должна быть неудовлетворительной. Напротив, при возрастании жизненных сил страны оценка деятельности властной команды должна быть, соответственно, высокой.

Это, казалось бы, очевидное положение подменяется сегодня иными ориентирами — рост ВВП, модернизация, переход к постиндустриальному обществу и т. п. Успешность как жизнеспособность замещается пониманием успешности как прибыли. В денежном эквиваленте оцениваются сегодня и образование, и здравоохранение, и само государство («на кризисе мы заработали»). Но страна может прекратить свое существование и при высоких показателях дохода.

Еще Аристотель противопоставлял в свое время друг другу два типа хозяйственной деятельности — «экономия» и «хрема-

тистику». Под экономией подразумевалось обустройство «экоса» (дома), буквально — домостроительство. Главная цель для экономии — существование самого дома. Напротив, цель хрематистики заключается в получении прибыли, накоплении богатств. Прибыль в рамках этой парадигмы может быть и выше существования дома. Если дом, его существование мешают получению дохода, то, по хрематистской логике, он может быть упразднен, демонтирован¹.

Но не в этой ли логике мыслится современной российской властью государственное управление? Высказывания высших ее представителей иллюстрируют практические преломления хрематистского понимания. В.В. Путин: «На кризисе мы заработали». Д.А. Медведев: «Ученик должен являться источником благосостояния учителя и школы».

С опорой на аристотелевские рассуждения выстраивается проекция на наше понимание ценностей. Что является главной ценностью для страны? Это само ее существование. Страна должна существовать, максимизируя потенциалы своего существования.

Главная ценность для любого организма — это жизнь. Следовательно, высшая ценностная номинация государства заключается в целеполагании — «страна должна быть». Потенциалы ее существования в совокупности формируют степень жизнеспособности. Но применима ли категория жизни к социальным системам?

Витальный подход в методологии научного познания

В вопросе об определении источников генезиса сложных социальных систем сталкиваются три методологические позиции. В значительной степени различия между ними проходят по проблеме выявления первоконстанты.

Согласно первому — религиозному — подходу, человеческое сообщество является результатом Божьего замысла и действия, некой трансцендентной проекции. Существуют, таким образом, определенные, но непознаваемые основания бытия цивилизаций. Этот подход связан с идеей Бога (первоконстанта — это Бог), а потому выходит за рамки традиционного научного дискурса. Хотя

¹ *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376–644.

ничто принципиально не запрещает искать пути соединения этого подхода с классическим научным.

Второй подход представляет источник генезиса социальных систем в сознании, воле и действиях человека. Какая-либо константность в данном случае отсутствует. Генезис социума определяется здесь ситуативным конструированием. Отсюда прямой путь к постмодернистской релятивизации общественных наук. Ввиду общего стремления найти универсальные законы развития и катастроф социальных систем данный подход выглядит фрагментарным.

Третий подход заключается в установлении зависимости генезиса социума от средовых, а именно — природно-биологических и социальных условий существования. Константность оснований, формирующих генезис социального бытия, выводится в данном случае не от Бога (или не только от Бога), а от наблюдаемой природы, что выглядит устойчивым, перманентным и продуктивным, с точки зрения потенциала предмета и методов научного исследования.

Именно эта методологическая платформа и положена в основу проводимого исследования.

Выдвигаемый подход основывается на предположении о том, что цивилизации устойчивы в своей идентичности, и эта устойчивость определяется их витальными (жизненными) потенциалами. Цивилизации — в авторском понимании — это не только культурные различия народов, но и вырабатываемые тысячелетиями фундаментальные особенности жизни сообщества людей. В этом смысле можно говорить о социальных цивилизационно-ценностных генетических кодах, сходных, по существу, с биологическими кодами живых организмов. И если мы понимаем, что в биологическом случае генетические мутации приводят к уродствам и к гибели организма, то ровно так же попытки вторжения в социальный цивилизационно-ценностный генетический код приводят к не менее опасным последствиям (российский пример ярко говорит об этом).

Витальные основания социогенеза

Доказательством применимости витального подхода к категории социума может служить соотнесение социальных процессов с фазами развития живой природы. Задача заключается в провер-

ке тезиса о наличии связи между собой социогенеза с филогенезом и онтогенезом.

Мысль о подобии законов развития человеческих сообществ законам жизни человека как биологического вида высказывалась многими мыслителями в прошлом. Освальд Шпенглер уподоблял процесс онтогенеза с фазами развития идентифицированных им локальных культурно-исторических типов².

С другой стороны, триадный подход к определению фундаментальных оснований существования государственности (страны) — территория, народонаселение, государственное управление — может быть, с некоторыми оговорками, применен и в качестве универсалия характеристики живых систем.

Аналогом территории страны в животном мире служит ареал обитания. Он может расширяться при высоком силовом потенциале соответствующей видовой популяции и сужаться при ее болезненном состоянии. Однако при этом масштабы распространения задаются естественными границами ареала, за пределами которого активное биологическое существование вида невозможно. Так же и территория страны. Существуют естественные пределы территориального расширения. В то же время сужение территории может дойти до точки ее полного исчезновения, означающего гибель соответствующей государственности. Помещение животного за пределы заданного биологического ареала может обернуться для него гибелью. Первым симптомом ареальной несовместимости является прекращение размножения.

А человек? Как он реагирует на перемещение в чужеродную среду?

Человеческие способности к адаптации, безусловно, гораздо выше. Однако чувство психологического дискомфорта (осознанного или неосознанного), выражающиеся в различных социальных или ментальных девиациях, при смене территории проживания обнаруживаются и у человека.

Территория, как жизненно необходимое условие существования социума, сообразно с витальным подходом, объективно определяется к сакрализации. Наиболее аккумулятивным ее ценностным выражением является понятие «родина». Любовь к ней в данной

² Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.

постановке вопроса есть проявление заложенного в самой природе чувства охранительства. Размывание же патриотических настроений, напротив, объективно ведет к деструкции живой системы.

Второй составляющей формирования живых систем является сама биологическая популяция, совокупность особей. В преломлении к человеческому сообществу данная категория выражается понятием «народонаселение». Поведение животной популяции задано прежде всего биологической программой вида. В отличие от него, существование человеческого сообщества двухосновно. Наряду с биологическим оно содержит социальный компонент, что позволяет характеризовать народонаселение как социально-биологический феномен. Понятие «народ» в большей степени связано с социальным измерением, понятие «население» — с биологическим, тогда как «народонаселение» выражает их синтезированное нерасщепляемое единство. Но социальность не может быть реализована без наличия должного уровня духовности. Соответственно, на повестке стоит вопрос о третьей духовносодержащей компоненте человеческого бытия.

Методологическим ключом достижения такого синтеза явилось сформулированное В.И. Вернадским учение о ноосфере³. Введение понятия ноосферного уровня жизни определяло органическую объяснительную парадигму феномена социальности.

Ценности данного уровня структурирования живой системы связываются с самим функционированием популяции (человеческого сообщества). В соответствии с биосоциальной природой социума они функционально направлены на охранительство двух сфер бытия — жизни в ее биологическом видовом проявлении (например, ценности демографического воспроизводства) и жизнеобеспечения посредством различного ряда социальных интеграторов (например, ценности традиции).

Третий уровень организации человеческого сообщества — управленческий, в отличие от двух других он не имеет аналогов в живой природе. Впрочем, и в животном мире некоторые прообразы управления обнаруживаются в характере взаимоотношений вожака и стаи. Возможные открытия указанных аналогов в будущем только усилят доказательность применяемого подхода.

³ *Вернадский В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965.

Управленческие проекции и ограничители применения витального подхода

Развитие теории витального подхода предполагает анализ двух существующих в общественно-политической практике вызовов. Первый из них — это представление о возможности конструирования социальной реальности без соотнесения ее со спецификой цивилизации. Прямым его следствием является феномен «цивилизационного генного инжиниринга». Признание состоятельности витального подхода может послужить основанием для научного опровержения идеологии построения универсального общества.

Второй вызов, напротив, заключается в риске редуцирования сложных социальных систем до уровня биологических инстинктов. Следствием этой односторонности исторически стали ризм и социал-дарвинизм. В данном случае принципиальна логика развития, задающая вектор усложнения, а не упрощения форм жизни.

Продуктивность витального подхода по отношению к практике государственного управления может определяться разработкой методики диагностики социума, подобной «лечебной». Подход к рассмотрению государственно-управленческой деятельности как аналога лечебной практики, применяемого в отношении общества, дает возможность нового осмысления функций государства. В то же время констатация необходимости лечения и профилактики общественного организма может явиться существенным доводом против либерального концепта относительно эффективности саморегуляции общества.

1. Философско-мировоззренческие основания витального подхода

Категория «жизнь» в исторической проекции

Что такое жизнь в применении к социальной системе? Для ответа на этот вопрос следует первоначально определиться с категорией жизни в универсальном преломлении. Целевая установка состояла в данном случае в рассмотрении существующих подходов с точки зрения возможной аккумуляции заложенного в них потенциала.

Древнейший подход первобытной магии: универсальность жизни

Представление о том, что такое жизнь, исторически менялось в соответствии со сменой мировоззренческой парадигмы. Научный подход к рассмотрению феномена жизни — один из возможных, но не единственный. Наряду с наукой существуют и иные способы познания мира. Зачастую они позволяют осмыслить то, к чему наука, в силу временной ограниченности методического инструментария или эмпирической базы, еще не подступила. Такие познавательные перспективы предоставляет, в частности, религия. Многие религиозные откровения, считавшиеся первоначально проявлением мракобесия, нашли со временем научное подтверждение. Казавшийся одно время непреодолимым раскол между наукой и религией постепенно взаимно, с обеих сторон, преодолевается. Сегодня на повестке стоит вопрос о синтезе различных познавательных систем. Констатация данного факта заставляет со всем вниманием отнестись к исторически сменяемым донаучным и квазинаучным подходам к жизни.

Первоначально в рамках первобытной магии само деление на «живое» и «неживое» отсутствовало. Человек исходил из представления о всеобщности жизни⁴. Жизнь универсальна. Неживого нет, а есть лишь разные формы жизни. Эти представления были получены путем накапливаемого тысячелетиями практического опыта наблюдения за природой. В дальнейшем данный взгляд был перенесен во многие эзотерические учения.

Важно было природно-адаптивное понимание человеческого бытия. Человек, согласно ему, не может быть адекватно воспринят без связанной с ним среды существования. Утрата этого понимания привела в дальнейшем к деформациям либеральной теории.

Религиозный подход: многоуровневость форм жизни

Развитие представлений о жизни на следующем этапе связывалось с распространением теологических представлений. Прежний аниматистский взгляд о нерасчлененности живого и неживого уступал место идее о двух субстанциях. Данный этап был не только исторически, но и логически закономерен. Последовательность

⁴ Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939.

процесса познания предполагала проведение операции анализа, т. е. мысленного расчленения целого — в данном случае бытия — на составные части. Единое прежде бытие разделялось на этом этапе первоначально на две наиболее общие категории — «живое» и «неживое». Далее за анализом следует, как известно, стадия синтеза, которая пока есть лишь познавательный ориентир.

Ключевым на стадии дифференциации живого и неживого являлось учение о душе. Жизнь оказывалась тождественна одушевленности, т. е. наличию души. Соответственно с этим подходом проводилось разграничение на материю и дух, материальное и духовное. Утверждение жизни связывалось с ориентиром духа, в то время как материальность оказывалась синонимичной безжизненности. Отсюда основные положения этики, ориентированные на критерий духовности. Быть духовным целесообразно, поскольку дух есть жизнь. Бездуховность, напротив, синонимична смерти. Этот подход явился важнейшей мировоззренческой основой движения человечества по пути социализации. И наоборот, когда на волне секуляризма Нового времени жизнь и духовность оказались категориально разделены, катализируется процесс аномии.

Различались креационистская (от лат. «creare» — «создавать», «творить») и манифестационистская (от лат. «manifestare» — «проявлять», «проявляться») модели происхождения жизни. Креационизм основывался на идее сотворения мира. С креационистской линией связывалась авраамическая религиозная традиция (иудаизм, христианство, ислам). Манифестационизм выражался другой идеей — изливания, эманации Бога. С ним связывалась преимущественно линия индийской религиозной мысли (индуизм, адвайта-ведантизм). В обоих случаях зарождение жизни рассматривалось как Божественное одухотворение материального мира⁵.

Характерно, что наличие души у животных (в отличие, к примеру, от буддизма) христианство отвергало. Биологическая или растительная жизнь — так же как и духовная — даровалась Богом, но выражалась иным бытийственным типом. Способность души к познанию Бога через телеологическое сближение с ним определялась понятием «дух».

⁵ Дугин А.Г. Крестовый поход Солнца // Конец Света (эсхатология и традиция). М., 1997.

Сложившееся в рамках религиозного подхода представление о многоуровневости жизни раскрывается через концепты о структуре души. Чаще всего речь шла о трех ее составляющих⁶.

Представление о трех сущностях человека получило, в частности, развитие в рамках индийского учения о сансаре. Из учения «о переселении душ» следовало три вывода: во-первых, о многообразии форм жизни; во-вторых, об их иерархичности в зависимости от степени близости к Абсолюту; и в-третьих, о возможности уровневого восхождения и нисхождения.

В рамках христианской традиции универсальная (судя по различным религиям) идея трехуровневого бытия находила преломление в учении о «силах» души. Разумная сила души проявлялась в заложенной в ней способности к различению добра и зла. Это качество не тождественно рациональности. Суть состоит не в способности мыслить вообще, а в способности мыслить этически. Раздражительная сила души проявляется в эмоциональной реакции на добро и зло. Именно через нее реализуется рвение к свершению духовного подвига. Делом раздражительной силы души, полагали отцы Церкви, гневаться на дьявола. Эмоциональность духовная и эмоциональность сензитивная жестко противопоставлялись. Наконец, третья, вождевательная сила души проявляется в целевой духовной устремленности человека. Через нее человек лично устремляется к Богу и отвращается от дьявола.

Ортодоксальное христианство рассматривало различные формы жизни в их иерархической проекции. Духовная жизнь ставилась однозначно выше биологической. Но это не означало абсолютного отрицания ценности материального мира. Христос явился в телесном облике человека. Его природа двухосновна. Биологическое должно подчиняться духовному, тело управляться душой.

Однако обостренные проекции антагонизменного рассмотрения двух форм жизни — биологической и духовной — обнаруживается и в определенных направлениях христианской и мусульманской мысли. При радикальной постановке вопроса презрение к биологической жизни вело к утверждению биофобских установок и в итоге — к социальной дезорганизации. Л.Н. Гумилев определял

⁶ *Бадж Уоллис Е.А.* Путешествие души в царстве мертвых. Египетская книга мертвых. М., 1995.

мировоззренческие модели такого рода понятием «антиситемы»⁷. Идея антагонизменного дуализма материи и духа составила лейтмотив продуцирования средневекового еретичества и определила содержание инквизиционных процессов. Вопрос о соотношении духовного и биологического являлся едва ли не основной мировоззренческой проблемой Средневековья⁸.

Воплощение Христа дало два смысловых аспекта бытия человека. Императивы «спасения души» и «обожения» имели между собой фундаментальное расхождение. Спасение души подразумевало освобождение от бремени «первородного греха», возвращение к эдемическому состоянию Ветхого Адама. Спасенная душа возвращалась в кущи первозданного Рая.

Совершенно иные ориентиры устанавливает идея «обожения». Здесь уже речь идет не о проекции Первочеловека, Ветхозаветного Адама, а человека преображенного — Иисуса Христа⁹.

Характерно, что в западном христианстве идея преображения человека фактически нивелирована. Главная тема католической сотерологии — спасение души. Идея «обожения» получила развитие именно в православии. Особо значимый вклад в ее осмысление был привнесен св. Григорием Паламой, категорически отвергнутым на Западе¹⁰. И именно православная Россия брала, таким образом, на себя миссию цивилизационного утверждения задачи духовного преображения человечества.

Выше человеческого есть еще божественное бытие. Терминология его обозначения варьировалась. Вероятно, чаще других использовалось понятие «Мир Света». Это еще одна неведомая человеку форма жизни.

⁷ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 312–316.

⁸ Арну А. История инквизиции. Л., 1926; Бартинян Р.М. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961; Величкина В. Очерки истории инквизиции. М., 1906; Галлуа Л. История инквизиции. СПб., 1873. В 2 т.; Гусев Н.Н. Рассказы об инквизиции. М., 1906; Ланглуа Ш.В. Инквизиция по новейшим исследованиям. М., 1903; Лебедев А. Тайны инквизиции. М., 1912; Ли Г.Ч. История инквизиции в средние века. СПб., 1911–1912. В 2 т.; Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1965.

⁹ Дугин А.Г. Метафизика Благой Вести (православный эзотеризм). М., 1996. С. 69–73.

¹⁰ Палама Г. Беседы. М., 1994.

Какой будет природа преображенного человека? Различные богословские тексты противоречат друг другу. Ясно, что «обожение» — приближение к Богу, но, как подчеркивалось отцами Церкви, неслиянность с ним.

Исторически Церкви приходилось реагировать на два вызова в попытках переосмысления природы жизни. Первый связывался с парадигмой материализма. Его идейные истоки были сопряжены с секуляризационным направлением вольнодумства. Категория духовного в нем отрицалась в виду проявляемого скепсиса в вопросе о существовании Бога. Другой вызов, напротив, определялся выставлением знака «минус» по отношению к сфере материального бытия.

Таким образом, в рамках средневекового дискурса сложилось три основных подхода к феномену жизни. Первый — «дуалистическое еретичество», жестко противопоставлявшее духовную и телесную формы существования, ставя на духе «плюс», а на плоти — «минус». Второй — «материалистическое еретичество» (вольнодумство), которое признавало реальностью только материально-телесную субстанцию, рассматривая разум в качестве одной из функций материи. Наконец, третий подход, принятый Церковью и связываемый с традицией патристики, состоял в установлении иерархии различных форм жизни. Материя и дух не противопоставлялись друг другу, а соподчинялись иерархически. Применительно к земному бытию человека утверждалась невозможность жизни только в духовном проявлении, не связанном с телесным существованием. Вместе с тем, духу отдавался приоритет как ориентиру развития христианской личности.

Несмотря на видимое противоречие указанных выше ересей, они были сходны в том, что разрушали единую уровневую модель восприятия жизни. В дальнейшем с начала Нового времени утвердился именно этот, считавшийся прежде еретическим, подход.

Новое время: между механицизмом и витализмом

Концептуальным основанием утверждения материально одномерного взгляда на природу жизни явилась «теория двух истин». Она первоначально разделяла науку и религию как две различные сферы познания. За скобки научного познания оказался выведен весь трансцендентный пласт знаний. Теория «двух истин» была

дуальна лишь по названию. В действительности в ней утверждалась монистическая модель одномерного мира.

Итогом логического развития теории «двух истин» явилось сужение спектра познания границами Природы в ее сугубо материальном истолковании¹¹. От расщепления единого познавательного постижения мира, ограничивающегося теперь исключительно материальной сферой, оставался один шаг до собственно материалистической концепции жизни.

Своеобразной переходной формой от прежнего религиозного к новому естественнонаучному взгляду на жизнь явилась теория витализма (от лат. «vitalis» — «жизненный»). Согласно учению виталистов, живые организмы обладают особой «жизненной силой». Поэтому механистические — «машинные» объяснения к ним не применимы.

Вопрос о витальном подходе как методологии знаний о мире был уже сформулирован на ранней фазе выстраивания секулярных мировоззренческих концептов. Сталкивались две теоретические модели, связываемые, соответственно, с именами наиболее ярких их адептов — И. Ньютона и Г. Лейбница. Полемика шла между «механистами» и «организменниками». Согласно первой традиции, аналог мироустройства — часовой механизм. Разумность его функционирования могла определяться первоначальным Божественным установлением. Но сам он бездушен. Мир есть материальный субстрат. А потому объяснение всех сложных явлений редуцируется до физических причин. Соответственно, механистически объяснимы и сводимы до материальных элементов и жизненные процессы. Механическим конструктом является в сущности своей и человеческое сообщество¹². Не случайно с развитием механицизма соотносилось утверждение теории «общественного договора» (Т. Гоббс, П. Гольбах, Дж. Локк)¹³.

¹¹ The Works of Lord Bacon. London. Vol. 2. P. 433.

¹² Хеллман Х. Ньютон против Лейбница: Битва титанов // Великие противостояния в науке. Десять самых захватывающих диспутов. Глава 3. М., 2007; Кирсанов В.С. Научная революция XVII века. М., 1987; Кобзарев И.Ю. Ньютон и его время. М., 1978.

¹³ Гоббс Т. Избр. произв. М., 1964. Т. 1–2; Гольбах П.А. Избр. произв. В 2 т. М., 1963. Т. 1–2; Локк Дж. Избр. филос. произв. М., 1960. Т. 1–2.

Вторая лейбницевская традиция выдвигала в качестве аналога мироустройства образ дерева — некоего живого организма. Ключевым для «организменников» являлось выделение особой субстанции жизни. Полагая ее первоосновой бытия, применительно к ней использовалось понятие «монада», т. е. единица, простая сущность (Дж. Бруно, Ф. Суарес, Г. Мор, Ф.М. Гельмонт). Классически завершенный вид данный подход нашел в «Монадологии» Г. Лейбница¹⁴. Деление Г. Лейбницем монад по степени их сложности давало проекцию на различие проявляемых форм жизни. Первый монадологический тип характеризовался минимальным уровнем восприятия, второй (души) — появлением ощущений и памяти, третий (духи) — формированием сознания. Религиозная триадная модель рассмотрения жизни, таким образом, в лейбницевском учении сохранялась, хотя и приобретала совершенно иное, нежели в классической теологии, обоснование.

Нет двух одинаковых монад — утверждал Г. Лейбниц. Данная идея не только объясняла многообразие индивидуальных проявлений жизни, но и давала ключ к методологии вариативного подхода общественных наук. Из «часового» миропонимания у Дж. Локка следует выдвигание аналогии человеческого сознания с «чистым листом белой бумаги», а в латинской версии — с «выскобленной доской». Отсюда, применительно к обществу, будут производны проекты унифицированного глобального миростроительства. Дж. Локк, как известно, традиционно считается основоположником теории либерализма. Напротив, из организменного «монадологического» подхода Г. Лейбница следует, при обществоведческой проекции его идей, вывод о вариативности историко-культурных общностей и невозможности изменения фундаментальных основ их бытия. На этом столкновении лейбницевской и локковской философии выстраивалось впоследствии в интерпретации Л. Ларуша различие антропологических моделей («живой человек» в противоположность «экономическому человеку»)¹⁵.

¹⁴ Лейбниц Г.В. Соч. в 4 т. М., 1982–1984.

¹⁵ Ларуш Л. Физическая экономика. М., 1997; Ларуш Л. Место России в мировой истории // Шиллеровский институт науки и культуры. Бюл. № 8. М., 1998; Ларуш Л. О сущности стратегического метода // Шиллеровский институт науки и культуры. Бюл. № 9. М., 2000; Ларуш Л. О духе российской науки // Экология —

Раскрытие жизни как дихотомии смерти, а соответственно, живого как противоположности неживому, было представлено еще в трудах античных философов. В новое время оно составило основу танатологического подхода. Основоположником его считается выдающийся французский физиолог, анатом и врач XVIII в., отец современной гистологии и патологии М.Ф. Биша. Будучи сторонником теории витализма, Биша жестко дифференцировал органические и неорганические вещества, связывая жизнь исключительно со сферой органики. Однако в бишевских рассуждениях в плане дальнейшего развития теории витального подхода было принципиально важно указание, что целью всех процессов жизнеобеспечения является сама жизнь¹⁶.

Непоправимый удар по позициям витализма был нанесен в XIX в. получением Ф. Велером, а затем М. Бергто из неорганических веществ органических соединений. Характерный для виталистов дуализм живого и неживого посредством данного открытия опровергался. Граница между органикой и неорганикой оказывалась не столь жесткой¹⁷. Многие после этого объявили, что с витализмом покончено. Однако снятие дуалистического аспекта теории только усилило в итоге саму концепцию о существовании особой «жизненной силы». В XX в. она получила развитие в рамках курса о биоэнергии. Это давало понимание одного из качественных признаков жизни — универсального свойства обмениваться информацией и энергией с подобной и неподобной внешней средой.

Другим фундаментальным компонентом теории витализма стало почерпнутое из аристотелевского понятийного арсенала учение об энтелехии. Данное понятие подразумевало особую внутреннюю силу живого организма, потенциально заключающую в себе цель и окончательный результат. Это, согласно воззрениям виталистов, именно та сила, благодаря которой из семени вырастает дерево, а из эмбриона развивается зрелый организм¹⁸. Целевой

XXI век. 2003. Т. 3, № 1/2. С. 169–178; Тукмаков Д. Уподобление Богу (Физическая экономика Ларуша как преодоление энтропии) // <www.zavtra.ru>.

¹⁶ Биша М. Физиологические исследования о жизни и смерти. СПб, 1865.

¹⁷ Волков В. А., Вонский Е. В., Кузнецова Г.И. Выдающиеся химики мира. М., 1991.

¹⁸ Кнабе Г.С. Понятие энтелехии и история культуры // Вопросы философии. 1993. № 5.

ориентир — телеологичность — является, в соответствии с теорией витализма, качественным признаком жизни, отличием живого организма от неживой материи. К специфически жизненным проявлениям энтелехии относились способности регулировать нарушение целостности, самоусложнение пространственной организации, достижение одного конечного результата разными путями¹⁹. В дальнейшем все эти положения получили развитие в рамках теории самоорганизации сложных динамических систем.

Применительно к раскрытию категории жизни актуально разграничение трех выделяемых типов процесса самоорганизации:

- 1) самозарождение;
- 2) самовоспроизводство;
- 3) саморазвитие (способность накапливать и позитивно использовать накопленный опыт)²⁰.

Функциональный подход к жизни: дисциплинарные версии и перспектива междисциплинарного синтеза

В эпистемиологическом плане переход к рассмотрению жизни с позиций предметных областей различных наук был необходим в целях детализации знаний о протекании жизненных процессов. Происходит дифференциация наук через их предметную специализацию. В рамках различных научных дисциплин акцентируется определенная сторона жизни. В итоге понимание ее физиками и химиками, биологами и астрономами, социологами и психологами оказалось достаточно разнящимся. Были выдвинуты дисциплинарно-корпоративные версии определения жизни. Как следствие, общемировозренческое понимание — что же есть жизнь — все более утрачивалось. Соответственно, на сегодня все очевиднее становится задача междисциплинарного синтеза данных работок в рамках единой теории витальности мира.

¹⁹ Дриш Х. Витализм. Его история и система. М., 2007; Кремянский В.И. Структурные уровни живой материи. М., 1969; Хакен К. Синергетика. М., 1980.

²⁰ Самоорганизующиеся системы. Пер. с англ. М., 1964; Принципы самоорганизации. Пер. с англ. М., 1966; Эйген М., Винклер Р. Игра жизни. М., 1979; Николис Г., Пригожин И. Саморазвитие в неравновесных системах. М., 1879; Полак Л.С., Михайлов А.С. Саморазвитие в неравновесных физико-химических системах. М., 1983; Пригожин И. От существующего к возникающему. М., 1985; Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.

Рассмотрение жизни в рамках различных наук осуществлялось через раскрытие ее функций. Соответственно, утвердившуюся методологию можно определить как функциональный подход. И тенденции перехода к нему прослеживаются уже в ряде претендующих на универсальность учений XIX столетия. Среди них особенно значительное число сторонников приобрели марксистская и дарвиновская трактовка жизни.

Позиция «диалектического материализма» (марксизма) в вопросе о природе жизни традиционно раскрывается через понятие, данное Ф. Энгельсом в «Антидюринге»: «Жизнь есть способ существования белковых тел, и этот способ существования состоит по своему существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел»²¹. Термин «белок», поясняли впоследствии советские философы, еще в те времена не был точно определен и относился обычно в целом к протоплазме²². Но дело состояло не в белке. Акцентировка внимание на первую часть формулировки Ф. Энгельса искажала смысл его подхода, раскрываемого последующим пояснением. Главное для него свойство жизни состояло «в постоянном самообновлении» живого организма. Основная характеристика жизни по диамату — самовоспроизводство, осуществляемое посредством обмена веществ.

Многофункциональное понимание жизни было представлено Ч. Дарвином в «Происхождении видов». Для каждого живого организма, утверждал он, характерными признаками являются рост, воспроизводство, изменчивость, зависящая от прямого или косвенного действия жизненных условий, размножение, выражающиеся совокупно в борьбе за жизнь, и, как следствие, разверткой процесса естественного отбора. Борьба за жизнь выражается максимизацией своей способности существовать. Наличием данной установки, по Дарвину, живые организмы отличаются от неживой природы²³.

В развитии естественнонаучного знания в XX столетии при различии дисциплинарной акцентировки утвердилось несколько подходов к раскрытию категории жизни.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 82.

²² Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 192.

²³ Дарвин Ч. Происхождение видов // Дарвин Ч. Соч. М. — Л., 1939. Т. 3. С. 666.

С точки зрения **«физического подхода»**, жизнь есть прежде всего форма движения материи, в процессе которого осуществляется развитие живых организмов. Ее общие признаки: обмен веществ (внутренний и с внешней средой, сопровождается обменом энергией); коммуникативность — обмен сигналами (биоэнергетическими, электромагнитными, оптическими, химическими, акустическими, визуальными, тактильными); пространственная динамика (расширение, сужение).

В рамках **«химического подхода»** жизнь характеризуется прежде всего преобладанием процессов синтеза над процессами распада (ассимиляции над диссимиляцией). Ее протекание выражается во времени двумя циклами: циклом регенерации необходимых веществ и циклом регенерации механизма регенерации вещества.

«Физиологический подход» акцентирован на самом процессном состоянии организма от его рождения до смерти. Свойство живого организма состоит в том, что он рождается и умирает²⁴.

Развитие **«биологического подхода»** определяется открытием гена и генетической наследственности. Жизнь, согласно данной интерпретации, есть особый вид материального взаимодействия генетических объектов, осуществляющих синтез (производство) себе подобных генетических объектов. Принципиальное значение имело раскрытие в качестве имманентного свойства живых объектов феномена биологической памяти²⁵. Посредством механизма запоминания благоприобретенных признаков осуществлялся сам процесс эволюции. Если эта черта — неперенное свойство всего живого, следовательно, потенциал прогресса заложен в самой жизни. Выводы применительно к истории человечества здесь очевидны.

«Кибернетический подход» к жизни рассматривался как синтез и преодоление крайностей витализма и механицизма²⁶. Жизнь, согласно представлениям кибернетиков, есть особая кибернетическая структура, реализующая специфические информацион-

²⁴ Вейсман А. Лекции по эволюционной теории. М., 1905; Gaupp E., *August Weismann. Sein Leben und sein Werk*. Jena, 1917.

²⁵ Пармон В.Н. Новое в появлении теории жизни // Химия и жизнь. 2005. № 5. С. 11.

²⁶ Берталанфи Л. фон. Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов. М., 1969. С. 23–82.

ные функции живых организмов. Данный подход акцентирован на функциях восприятия и переработки информации (память, системы кодирования, записи, передачи, приема, декодирования, интерпретации и исполнения управляющих сигналов). Согласно определению, предложенному одному из основоположников кибернетики в СССР А.А. Ляпунову, жизнь — это «высокоустойчивое состояние вещества, использующее для выработки сохраняющих реакций информацию, кодируемую состояниями отдельных молекул»²⁷.

Обратимся теперь к предлагаемой нами дефиниции.

Жизнь — это сложная материальная система, нацеленная на максимизацию своей способности существовать, обменивающаяся с подобной и неподобной ей внешней средой информацией, веществом и энергией, способная на внутри себя организованные обратные информационные связи, самостоятельно и самоподобно воспроизводящая себя размножаясь и осуществляя экспансию в пространстве.

Данное определение оказывается интеграционным по отношению фактически ко всем обозначенным выше подходам. Вместе с тем, оно исключает детализирующие характеристики, производные от базовых, минимально достаточных для раскрытия дефиниции составляющих.

«Лучшее новое — это старое», — учил Конфуций. Действительно, то, что сегодня воспринимается как нечто принципиально новое, зачастую оказывается нераспознанным и забытым старым. Естественно, человечество не могло не задумываться и над таким фундаментальным для себя вопросом: что есть жизнь? Решение его проводилось с позиций распространенных в ту или иную эпоху мировоззренческих систем и при помощи связанного с ними гносеологического инструментария. Приходится удивляться, насколько глубоки и провидчески были отдельные идеи развития витального подхода в прошлом. Однако каждая новая мировоззренческая система в истории человечества низвергала, как правило, прежнее понимание природы жизни, выдавая его за принципиально ошибочное. Происходила неоправданная растрата накопленного знания. Наша задача состояла в том, чтобы синерге-

²⁷ Ляпунов А.А. Проблемы кибернетики. М., 1968. С. 184.

тически соединить все наиболее ценное в этих подходах, отделить зерна от плевел.

Древнейшее дорегигиозно-аниматистское понимание дает ключ к осознанию жизненного единства всего сущего, условности границы, разделяющей «живое» и «неживое». В рамках религиозного познания была разработана достаточно цельная система представлений об иерархии форм бытия, содержащей проекцию к высшим телеологическим для человечества типам жизни (перспективу преобразования). Наконец, в рамках различных научных дисциплин были, в соответствии с предметной специализацией, определены все функциональные признаки жизни (которые, правда, не были интегрированы через единую для всех наук дефиницию). Сегодня на повестке стоят задачи: во-первых, достижения междисциплинарного синтеза в вопросе о жизни различных наук; во-вторых, объединения в рамках витального подхода методологического арсенала научного и религиозного познания.

Проведенный анализ существующих подходов к раскрытию категории «жизнь» показал, что предложенная нами дефиниция не только не диссонирует с ними, но, напротив, способствует их творческому раскрытию. Из этого следует допустимость проверочного применения его к сфере социального бытия.

Обратимся к базовому феномену общественных наук — социуму. Какими качествами он может быть охарактеризован? Во-первых, социум представляет собой достаточно сложную систему различного рода общественных связей («сложная материальная система»²⁸). Во-вторых, каждый из социумов стремится максимально обезопасить свое бытие, минимизировав угрозы и риски, на что ориентировано действие институтов управления («...нацеленная на максимизацию своей способности существовать»). В-третьих, он не может не взаимодействовать с окружающим его внешним миром, будь то природная среда или иные — подобные и неподобные социальные общности («...обменивающаяся с подобной и неподобной ей внешней средой информацией, веществом и энергией»). В-четвертых, внутри самого социума, как сложной системы, протекают также определенные процессы эндогенных

²⁸ Здесь и далее в скобках проводится соотнесение с составляющими нашего определения категории «жизнь».

взаимодействий, которые могут быть перестроены по принципу вызов-ответ при действии внешних факторов («...способная на внутри себя организованные обратные информационные связи»). В-пятых, каждый социум воспроизводит себя как демографически, так и посредством межпоколенной передачи накопленного исторически опыта («...самостоятельно и самоподобно воспроизводящая себя размножаясь...»). В-шестых, социумы локализируются на определенной территории, стремясь геополитически расширить границы своего существования («...осуществляя экспансию в пространстве»). Таким образом, все базовые характеристики категории жизни в применении к социальным феноменам обнаруживаются. Следовательно, социальное бытие может быть рассматриваемо в качестве одного из витальных проявлений.

Что есть человек?

Необходимо в повестке решения задачи о применимости витального подхода к социальным системам определить, в чем состоит специфичность жизни человека. Для этого требуется первоначально установить: что есть «человек»? Через раскрытие данной дефиниции будут выявлены базовые качества человеческого бытия.

Традиционная антропологическая модель: идеал богочеловечества

Несмотря на воспринимаемую сегодня как очевидную данность тождества человека и индивидуума, такая тождественность не всегда была очевидна. «Индивид» — дословно в переводе с латинского означает «неделимый». Соответственно, «индивидуум» — это человек, обладающий только ему свойственными характеристиками как внешнего, так и внутреннего характера. Для выражения идеи неповторимости и уникальности каждой отдельно взятой личности данное понятие имеет безусловную практическую ценность. Однако для выражения родовых характеристик человеческого бытия, определения телеологических смыслов человека, его не достаточно. При существующей сегодня индивидуумной ориентированности оно может иметь даже деструктивные по отношению к человеку последствия.

Для архаических сообществ индивидуального субъекта в его современном понимании не существовало. Представление о субъектности человека возникло сравнительно поздно — в эпоху модерна. Человек в традиционном обществе воспринимался иначе. Главное в раскрытии природы человека было определение его тождества не с самим собой, а с неким надстоящим феноменом.

Традиционная модель утверждала принципиальную незавершенность человека, выдвигая одновременно ориентир его преобразования. Есть нечто выше человека, к чему он должен стремиться. Достижение тождества с этим надчеловеческим началом и составляло освящаемый традицией смысл бытия.

Основное различие между природой земного человека (современных людей), небесного человека (Адама) и богочеловека (Христа) состоит в пропорциях соотношения биологически-плотского и духовного начал. У деградировавших в результате грехопадения и последующей апостасии современных людей плоть доминирует над духом. Искажается сама первоначальная модель человека. Однако посредством праведной жизни отдельные люди («святые») восстанавливают в себе адамический первообраз.

В небесном человеке, безусловно, доминирует духовное начало. Но принципиально важно то, что он телесен. В мифологии сотворения подчеркивается материальность Адама — создание его Богом из глины. Третья, наряду с телом и духом, составляющая человеческого бытия — разум действует амбивалентно. Разум может быть подчинен как духовному, так плотскому в человеке. В первом случае происходит «обожение», во втором — «расчеловечение». В мифологеме о грехопадении Адама разум стал источником соблазна — искушение познания запретного плода. Но далее, в проекции земного бытия именно благодаря наличию разума происходит познание человеком Бога²⁹. В этом Гегель, как известно, видел высший замысел сотворения человека и смысл истории.

Наконец, в богочеловеке плотское, хотя и сохраняется, но достигает состояния абсолютной одухотворенности. Различия в понимании природы соединения божественного и тварного породили христологическую проблему. Главный теоретик концепта Святой

²⁹ Воробьевский Ю.Ю. Путь в Апокалипсис: Точка Омега. М., 1999; Гурьев Д.В. Бог, Адам и общество. М., 1962; Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. М., 1990.

Троицы Кирилл Александрийский ввел получившее широкое распространение понятие — «ипостасный союз»³⁰. Расхождения в вопросе о сочетании ипостасей не отменяли саму констатацию выраженной в Христе более высокой, нежели в Первочеловеке, духовноцентричной антропологической проекции.

Сложилось два цивилизационно различных антропологических подхода. Человек, в отличие от животного, существо становящееся. Его жизнь определяется не столько биологической программой вида, сколько приобретенными социально-формируемыми качествами. В чем же состоит в таком случае человеческое становление? Восточная традиция связывает ее обожением, качественным преобразованием на пути движения к Абсолюту. В этой же парадигме выстраивалась православная антропология. Для западного подхода идея «обожения» не актуальна. Сообразно с ним, чтобы быть человеком, индивидуум должен оставаться самим собой. Вместо принципа становления проводится, таким образом, принцип самоотверженности. Вместо императива «обожения» выдвигается императив индивидуализации. Отсюда производны многие фундаментальные различия цивилизационных типов. Представляемый нами витальный подход, распространяющий категорию «жизнь» на системы надбиологического содержания, соотносится, как мы видим, с традиционным знанием цивилизаций Востока. Западный же путь (точнее, путь современного секулярного дехристианизированного Запада) является, в плане восходящей мегаэволюции форм живого, тупиковым и во многих проявлениях инволюционным.

Западная традиция раскрытия сущности человека последовательно выхолащивала духовный аспект бытия. Манифестационировалась двух-, а не трехмерная антропологическая модель. Эти два компонента — тело и разум. Сфера Духа сказывалась либо была нивелирована в рамках второго компонента, либо вовсе выведена из рассмотрения. Человек предстал как оразумленное животное, но вовсе не как одухотворенное существо.

³⁰ *Миролобов А.* Проповеди св. Кирилла Александрийского. Киев, 1889; *Тихон (Лященко Т.И.).* Значение св. Кирилла Александрийского в истории христианского богословия. Киев, 1913; *Флоровский Г.В.* Византийские отцы V–VIII вв. М, 1992. С. 43–73.

Антропологическая модель эпохи модерна: человек как индивидуум

Одномерная материальная парадигма бытия соотносилась в эзотерике с выведением новой породы квазичеловека — голема. Големическая природа есть материальный субстрат. В отличие от человека божественного создания, у голема отсутствует духовная составляющая.

Секулярная система по своей культурно-антропологической направленности големична. Под лозунгом свободы личности осуществлялось ее освобождение от высших духовных нормативов. Дух, как изначально заложенный Богом компонент человеческой природы, у современного человека все более атрофируется. Реализуется глобальный проект антропологической инверсии. Человек превращается в голема. Важнейшую роль в големическую трансформацию внесли науки. Человеческий микрокосмос деконструировался ими в соответствии с дисциплинарными сферами. Человек как цельное существо, образ и подобие Божье оказывался вне рамок научного дискурса.

Характерно, что при детальной проработке анатомно-физиологических и психологических аспектов человеческого бытия, ни одна из наук не взяла на себя функцию исследователя духа. Дух, как самостоятельный предмет изучения, не закреплен ни за одной из современных научных дисциплин.

Обездушивание человека — основной вызов антропологии модерна. Р. Декарт, по праву считающийся основоположником модернистской ментальной линии, еще не отменял существования души. Но она взаимодействует с телом, согласно с декартовским видением, совершенно материалистично и даже физиологично — посредством особого органа — шишковидной железы. Действия человека, понимаемого в рамках картезианства в качестве сложного механизма, во всех своих проявлениях детерминируются воздействием окружающей внешней среды³¹.

³¹ *Декарт Р.* Сочинения в 2 т. М., 1989–1991; *Асмус В.Ф.* Декарт. М. 1956; *Матви-евская Г.П.* Рене Декарт. М., 1987; *Фролова Е.А.* Декарт и некоторые аспекты концепций человека в средневековой арабской философии // Сравнительная философия. М., 2000. С. 229–244.

Показательна в плане произошедшей в Новое время инверсии антропологическая концепция французского врача и просветителя Ж.О. Ламетри. Человек, в диссонанс с прежней религиозной традицией, провозглашался им машиной. Это название — «Человек — машина» получило программное сочинение Ж.О. Ламетри. Человеческий организм уподоблялся часовому механизму. Существование души — базового понятия для христианской антропологии — в машинной модели отрицалось. Жизнедеятельность человека редуцировалась во всех своих проявлениях до сугубо материальных процессов. В доказательство отсутствия души Ж.О. Ламетри ссылался на машинальные сокращения мускул животного, некоторое время после произведенного убоя. Материалистический механицизм все более утверждался в массовом сознании. По существу Ж.О. Ламетри своими эпатажными сочинениями предвосхитил грядущую тоталитарность идеологии неограниченного потребления. Если человек есть не более чем материальный субстрат, то и мотивы его поведения должны быть сугубо материалистичны³².

Материализация мироздания привела к выхолащиванию из антропологического дискурса категории духа. Человек трактуется теперь как особый, наиболее совершенный вид животного. Происходит редукция человеческой природы в направлении ее биологизации. Маркер «животное» становится типологической характеристикой, уточняемой видовым своеобразием. Различия подходов составляло именно это уточнение. В классификации Карла Линнея уже в XVIII в. человек как биологический вид был отнесен к классу млекопитающих отряда приматов³³.

Биологизация природы человека на соответствующем этапе развития науки имела важное значение для уточнения его видовых отличий от животных, эмпирической детализации естественно-научных знаний в сфере антропогенеза. Нивелировка духовного уровня человеческого бытия объективно потребовалась для сосредоточения на биологических параметрах жизни. Характерные

³² Ламетри Ж.О. Сочинения. М., 1976; Французские просветители XVIII в. о религии. М., 1960; Сережников В.К. Ламетри. М., 1925.

³³ Линней К. Философия ботаники. М., 1989; Бобров Е.Г. Карл Линней. 1707–1778. Л., 1970.

особенности Homo sapiens как вида обнаруживались в следующих эволюционно обретенных признаках:

- 1) увеличение мозговой полости и головного мозга;
- 2) прямохождение (бипедализм);
- 3) хватательная кисть с развитым большим пальцем;
- 4) опущение гортани и предъязычной кости;
- 5) уменьшение размера клыков;
- 6) менструальный цикл;
- 7) редукция волосяного покрова.

Уже в рамках дефиниционной парадигмы человек-животное прослеживается стремление подчеркнуть социальные аспекты видового бытия человека. Так, Барух Спиноза, сыгравший весомую роль в утверждении модернистской мировоззренческой парадигмы, оперировал аристотелевским тезисом о человеке как «политическом животном». Животным, создающим орудия труда, определял человека американский президент и просветитель Бенджамин Франклин. Впоследствии это определение было повторено в рамках доказательства трудовой парадигмы антропогенеза Ф. Энгельсом. «Аристократом среди животных» называл человека Генрих Гейне. Художественно-поэтическое определение, естественно, мало что давало для раскрытия антропологической проблемы, но оно показательно в иллюстрации устоявшегося взгляда на человеческую природу через призму животной-биологического бытия.

Традиция следования животной парадигме определения человека доходит до абсурда в версии экзистенциалистов. Для А. Камю человек — это религиозное животное. Но религиозность категориально опровергала животность. Развитие дефиниции доходило до того предела, когда типовая характеристика — «это животное ...» становилась помехой для дальнейшего антропологического познания. Преодоление же ее означало возвращение на новом уровне к религиозному взгляду на природу человека.

Постантропология постмодерна: деструкция человека

Однако, вопреки сформулированной перспективе антропологической сборки, постмодерн направил развитие антропологии в прямо противоположном направлении дробления и релятиви-

зации человеческой природы. Звучавшая в свое время как эпатаж фраза Протагора «человек — мера всех вещей» становится главной постмодернистской интенцией. Вместо характерной для периода модерна антропологии индивидуума (неделимый, самодостаточный) в качестве основного антропологического объекта постмодерна утверждается дивидуум (делимый). Прежняя интенция «быть самим собой» снимается с актуальной повестки. Каждый конкретный человек может быть «много кем». Продуцируемые через Интернет виртуальные миры создают у него иллюзию множества идентичностей. Человек может выступать под разными именами — «никнеймами» (компьютерными «никами»). Характерной для модерна жесткой привязки индивидуума к имени теперь более не существует. Формируется жанр «каскада идентичностей».

У современного человека, как это ни парадоксально, атрофируется способность к абстрактному мышлению. Мысль в условиях утвержденной сензитивной модели повседневного бытия становится избыточной. Формируется особый тип «клипового мышления». Массовая культура — и прежде всего телевидение — обесмысливает пространство человеческого бытия.

Происходит деконструкция личности. Одним из ее направлений становится психоанализ. Различия психологии и психоанализа принципиальны. Психология исходит из цельности внутреннего мира человека. В буквальном переводе она есть наука о душе (псюхэ — душа). Психоанализ основывается на представлении о существовании находящейся за традиционными границами псюхэ сферы бессознательного. Главное в нем уже не «Я», как в модерне, и не «сверх-я», как в религиозной традиции, а «оно» — как совокупность неосознанных инстинктивных влечений³⁴.

Другим направлением деструкции личности явилась переакцентировка антропологии на проблему реконструкции генома человека³⁵. Генетический код человека имеет цифровое выражение. Число оказывается эквивалентом индивидуума. Идентичность человека в постмодерне сводится к цифровой комбинации. В социальном плане — это штрих-код. Измени комбинацию чисел — и это будет иной человек, аннулируй цифрового двойника — и че-

³⁴ Фрейд З. Я и Оно. Л., 1924; Фромм Э. Психоанализ и культура. М., 1995.

³⁵ <www.genomics.energy.gov>.

ловек вовсе перестанет существовать. Совсем как по сценарию Откровения Иоанна Богослова.

Общественное сознание будоражат периодически появляемые сообщения о разработке миниатюрных чипов, вживляемых в человеческое тело в качестве своеобразного датчика и электронной карты. Инплантация их на лбу и руке кодируемых убеждала в том, что речь идет именно об «антихристовой печати».

На повестке вопрос о целевом управлении геномом человека. Аккумулирующий ныне огромные финансовые средства мировой спорт, представляющий сегодня в значительной мере соревнование допингов, формулирует логику такого рода запросов. Если человек есть дивидуум, а соответственно, он разлагаем на составные элементы кода, то его природу можно комбинировать, разбирать и собирать заново. Клонирование человека при таком подходе — лишь дело времени. Футурологи рисуют картины появления на земле «расы мутантов». Мутационные изменения генома будут задаваться желаемыми функциями. Уже сегодня существуют организации, ставящие перед собой задачи такого рода³⁶.

Проведенный анализ подтверждает правильность выдвигаемого в рамках витального подхода понимания многоуровневости человеческой жизни. Сужение сущности человека до какого-либо одного уровня бытия деформирует его природу. Именно такие деформации представили претендующие на всеобщность идеологии. Линия деструкции человека была еще более усугублена в дискурсе постмодерна. На повестке стоит задача изменения данных тенденций. Это предполагает проведение антропологической сборки. Необходимо восстановить цельный образ бытия человека во всех бытийственных аспектах его проявления.

Мегаэволюция в ракурсе витального подхода

Определение движущих сил эволюции позволяет понять, какие именно потенциалы следует развивать применительно к человеку. Обладая возможностью выбора и целеполагания собственного развития, он может предпочесть и ошибочный, с точки зрения видовой жизнеспособности, путь. Соответственно, определение механиз-

³⁶ <www.transhumanism-russia.ru/content/view/.../110/ — >.

мов и целей эволюции само становится эволюционным фактором. Принципиально важно ответить на вопрос о движущих силах антропогенеза. Предположительно, то причинное основание, благодаря которому возник человек, должно было в дальнейшем в нем максимизироваться. Развитие данного качества можно, таким образом, трактовать как эволюционный критерий очеловечения.

Эволюция и флуктуации

Фиксированная история человечества занимает крайне незначительный интервал в масштабах человеческого филогенеза. Если брать за точку отсчета предполагаемое появление *Homo sapiens*, то этот период занимает на общей временной шкале существования вида чуть более 3%. Преувеличение значения данного интервала (а уж тем более, каких-то его составляющих) для человеческого филогенеза может привести к деформации видения общего направления эволюции. Но ведь именно это и наблюдается сегодня. Освящаемый идеологией либерализма современный вектор индивидуализации выдается сегодня за основное содержание категории прогресса. Между тем, двести тысяч лет человечество развивалось в прямо противоположном направлении. Отрезок в 0,1% от общей развертки человеческого филогенеза выдается за выражение общей направленности процесса видовой эволюции. Корректнее было бы говорить о некой флуктуации — возможно, об эволюционном надломе, — но никак не об исторической заданности³⁷.

Эволюционный процесс не укладывается в схемы линейного восхождения. Наряду с биологическим прогрессом, известен феномен биологического регресса. Он характеризуется в животной среде снижением численности особей, сужением ареала обитания, уменьшением видового многообразия группы. Применим все эти характеристики к современному состоянию России — депопуляция, геополитическое сужение, понижение в связи с распадом СССР уровня гетерогенности, — и биологический регресс налицо. Истории известны многочисленные примеры не просто упадка,

³⁷ Сулакишин С.С. Категориальная (сущностная) эволюция человечества в мегаистории и бесконечном будущем // Категориальная сущность и эволюция человечества в мегаистории и бесконечном будущем. Материалы научного семинара. М., 2011. Вып. 1.

но и гибели цивилизаций³⁸. Цивилизационных систем, прекративших свое существование, значительно больше, чем ныне существующих. Данный факт указывает, что флуктуационные откаты от общей линии эволюционного развития на локальном уровне — явление достаточно частое. За всю историю человечества не было, по сути, ни одного периода, когда мир не свидетельствовал бы о гибели, либо упадке какой-либо из цивилизаций. Однако общий эволюционный процесс данные катастрофы не отменяли. Напротив, факты «цивилизационной смерти» служили назиданием остальному человечеству и зачастую выступали катализатором его совершенствования. Таким импульсом духовного развития для Московской Руси явилась, к примеру, гибель Византии³⁹.

Возможны, впрочем, откаты и в масштабах всего биологического вида. Так, в биологии хорошо известен феномен катагенеза⁴⁰. Он, как известно, выражается в упрощении биологической организации и связывается чаще всего с переходом к паразитарным формам существования. Происходит структурная дегенерация, при том что комфортность жизни возрастает. Биологи трактуют катагенез как форму прогресса, имея в виду адаптивную целесообразность для соответствующего вида. Однако в общей эволюционной логике, раскрывающейся через процесс усложнения жизни, налицо проявление биологического отката. И опять напрашивается параллель с современными социальными процессами. Не есть ли современное развитие западной цивилизации явление, раскрываемое понятием катагенеза? Духовные качества в парадигме общества массового потребления атрофируются, притом создаются различного рода паразитарные приспособления, благодаря которым достигается эффект «биологического процветания».

Стадии мегаэволюционного процесса

Витальный подход основывается на интегральном понимании процесса эволюции. Социальное бытие в нем есть одна из стадий мегаэволюционного развития. Ему стадийно предшествовало

³⁸ Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. М., 2001.

³⁹ Чичуров И.С. Политическая идеология Средневековья. Византия и Русь. М., 1991.

⁴⁰ Захаров В.Б., Мамонтов С.Г., Сонин Н.И. Общая Биология. М., 2003.

возникновение биологической формы жизни. Биосуществование, как было показано выше, не единственный вид жизненных проявлений.

Древнегреческая этимология «биос» — «жизнь» не отменяет данного вывода. Лингвистика предоставляет множество примеров, когда те или иные термины приобретали с течением времени более широкое или более узкое, нежели изначально, содержание, либо вовсе меняли свой смысл. Апелляция к этимологии — а вот первоначально предлагаемое понятие имело иное смысловое прочтение — для решения раскрываемых через соответствующий категориальный аппарат научных проблем не имеет принципиального значения. Такая корректировка содержания произошла и с древнегреческим лингвистическим конструктом «биос». За биологией, после введения Ж.Б. Ламарком данного понятия в научный оборот в 1802 г., был закреплен вполне определенный предмет изучения, не исчерпывающий категории жизни⁴¹. Слово «витальный» (буквально — «жизненный») тоже производно от понятия «жизнь», но только в латинском эквиваленте — «vita». Однако исторически в большей степени оно связывалось с особой внутренней силой (животворящей силой), обеспечивающей потенциалы жизнеспособности организмов. Именно этот ракурс рассмотрения феномена жизни особенно важен в контексте проводимого нами исследования. Собственно, в виду этой лингвистической традиции понятие «витальный» и было взято для обозначения предлагаемой методологии анализа сложных социальных систем.

Биологическому этапу мегаэволюции, соотносящемуся с формированием биосферы Земли, предшествовали физическая и химическая стадии. Более низшие эволюционно формы бытия на более высоких уровнях жизни не отменяются, а входят в них составной частью. Поэтому биология не дает адекватного представления о жизни биоорганизмов без соответствующих знаний физических и химических процессов. Так же и общественные науки не могут в своем анализе обойтись без естественно-научного фундамента. Отсюда обязательное для витального подхода требование междисциплинарности. Оно задается не просто установкой расширения

⁴¹ Комаров В. Л. Ламарк. М.–Л., 1925; Пузанов И.И. Жан Батист Ламарк. М., 1959.

инструментария, а самим многоуровневым пониманием предмета исследования — явления жизни. Каждый из уровней предполагает акцентированное включение соответствующих наук.

Переходы от одной эволюционной стадии к другой не осуществлялись единомоментно. Жесткой временной границы между ними не существовало. Началу биогенеза предшествовал период химико-биологического перехода. В дальнейшем с доминанцией биологической составляющей правильнее было уже говорить не о химико-биологических, а о биохимических процессах.

Точно такой же переход фиксируется применительно к антропогенезу. Появлению социального бытия предшествует формирование биосоциальных проявлений в животном мире. У человека социальное уже доминирует над биологическим. Поэтому применительно к данной стадии мегаэволюции речь идет не о биосоциальной, а о социобиологической парадигме развития. Последовательность составляющих — биосоциальное, либо социобиологическое — имеет здесь принципиальное значение. Разница между ними столь же значительна, как разница между бого-человеком в христианстве и человекобогом в фашизме.

Социальная форма жизни явилась более высокой эволюционной стадией по отношению к биологическому бытию. В.И. Вернадский видел обусловленность перехода к ней в формировании человеческого разума⁴². Утверждается, таким образом, стадия оразумленного бытия. Предложенное французским математиком и философом Э. Леруа для характеристики данного стадийного уровня понятие «ноосфера» акцентировало именно оразумленность⁴³. Этимологически оно производилось от «Noos» — древнегреческого обозначения человеческого разума. «Биосфера, — писал В.И. Вернадский, — перешла или, вернее, переходит в новое эволюционное состояние — в ноосферу — перерабатывается научной мыслью социального человека»⁴⁴. Достигается, провозглашал он, эра вселенского «торжества разума». И здесь В.И. Вернадский

⁴² Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1987; Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991; Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 1989.

⁴³ Le Roy E. L'exigence idealiste et le fait de l'evolution. P., 1927.

⁴⁴ Вернадский В.И. Размышления натуралиста. М., 1977. Кн. 2. С. 20.

ставил точку эволюционного развития. Ему виделось в обозримой перспективе утверждение единого в масштабах Земли планового хозяйства⁴⁵. «Человек, — писал Вернадский, — впервые реально понял, что он житель планеты и может — должен — мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государства или их союзов, но и в планетарном аспекте»⁴⁶.

Но из чего следовала такая перспектива? Наличие разума у человека вовсе не означает отказ его от своекорыстных интересов в пользу общего блага. Отдельно взятый индивидуум — «разумный эгоист» — с большей вероятностью будет мыслить в интересах личностной выгоды, нежели в параметрах планетарного благополучия. Оразумливания бытия для нравственного развития человечества оказывалось, таким образом, не достаточно.

Соответственно, речь уже идет о следующей эволюционной стадии бытия — духовной жизни. В развертке мегаэволюции она стоит ступенькой выше этапа оразумленного существования. Более высокий уровень развития, как и ранее, не упраздняет нижних ярусов. Духовное бытие не отменяет ноосферного преломления существования человека. Дух без разума невозможен. На новой стадии развития именно он задает основное направление мыслительных процессов.

Стадия одухотворенного существования в мегаэволюции жизни еще не наступила. Формирование ее элементов составило лейтмотив социальной истории человечества. Характерно, что в основе возникновения всех без исключения цивилизаций наличествовала определенная религия, задающая ценностную матрицу их функционирования. Номированные ценности сущностно совпадали, варьируясь лишь по форме их трансляции в каждой из религиозных традиций. Имея в виду перспективу перехода на новую, более высокую ступеньку эволюционного развития устойчивое представление о человеке как «венце эволюции» нуждается в пересмотре. Исторический период существования человечества имеет в большей степени признаки периода эволюционной переходности. В традиционных религиях эту принципиальную неза-

⁴⁵ Вернадский В.И. Размышления натуралиста. М., 1977. Кн. 2. С. 109.

⁴⁶ Там же. С. 29.

вершенность, неполноту человеческого прекрасно осознали. Из ее констатации следовала телеологическая перспектива эсхатологического преображения.

Представления об эволюции не только не противоречат религии, но, напротив, получают в ней последовательное преломление. Совершенно в духе эволюционного учения звучат, к примеру, слова одного из отцов православной Церкви святого Василия Великого (Кесарийского): «Человек — это животное, призванное стать Богом»⁴⁷.

Что будет представлять собой грядущая стадия эволюционно-го проявления жизни — в деталях не ясно. Мы говорим в данном случае лишь о самой логике эволюции, выводящей на соответствующую футурологическую перспективу.

II. Витальные факторы и условия функционирования сложных социальных систем

Доказательством действенности объяснительной модели витального подхода может служить установление взаимозависимости различных уровней бытия социума. Необходимо, во-первых, доказать факторную роль применительно к сложным социальным системам биологической компоненты человеческой природы. Второе направление доказательства — обусловленность биологического (популяционного) состояния факторами социального происхождения. Выдвигаемая нами гипотеза заключается в том, что как применительно к отдельному человеку, так и сложной социальной системе, познание происходящих внутренних процессов должно строиться на интегральном многоуровневом рассмотрении феномена жизни.

Природно-географическая среда социальной жизни.

Географическая компонента социальных процессов: генезис теории

Существование любого животного или растения связано, как известно, с определенным ареалом обитания. Перенеси его в иную географическую среду — и оно может погибнуть. Для объяснения

⁴⁷ Шихляров Л. Введение в Ветхий Завет // <lib.eparhia-saratov.ru/books/24sh/.../6.html — >.

этих адаптационных процессов сегодня биологи активно оперируют понятием «экологическая ниша». Ведется разработка теории экосистемной эволюции.

Еще с XVIII в., со времен Ж. Бюффона, предпринимались попытки связать эволюционный процесс со сменой геологических эпох в истории Земли⁴⁸. Сегодня в цепочку факторных связей, приводящих к новому видообразованию, относят: колебания в скорости вращения Земли, смещение континентальных и океанических плит, тектонические процессы, трапповый магматизм, рифтогенез, изменение солнечной и космической радиации, геохимические аномалии, климатические изменения, динамику биомассы и биологического разнообразия и др.

А что человек? Значение географической среды для него — особенно на ранних стадиях социогенеза — также весьма значимо. Наличие такого влияния, казалось бы, достаточно очевидно. Еще древнегреческий философ и целитель Гиппократ указывал, что не только физический облик, но также нравы и общественные порядки в значительной степени зависят от природы страны. У Аристотеля географический фактор рассматривался как первооснование политических различий. Создатель теории государственного суверенитета Ж. Боден распределял значимость средовых факторов существования народов в следующей последовательности: климат, ландшафт, плодородие почвы. Концептуальное оформление теория географического детерминизма получила в трудах Ж. Дюбо и Ш. Монтескье⁴⁹. С рассмотрения влияния природных стихий на характер народных воззрений открывался знаменитый лекционный курс В.О. Ключевского⁵⁰. На обращении к фактору географии выстраивалась теория геополитики, а затем геоэкономики и геокультуры⁵¹.

⁴⁸ *Маракуев В.Н.* Знаменитые естествоиспытатели: Линней, Бюффон, Паллас и Кювье, М., 1874; *Канаев И.И.* Жорж Луи Леклерк де Бюффон, М. — Л., 1966; *Разумовская М.В.* Бюффон-писатель (французские естествоиспытатели XVIII в. и литература). СПб., 1997.

⁴⁹ *Дюбо Ж.-Б.* Критические размышления о поэзии и живописи. М., 1976; *Монтескье Ш.* О духе законов // Избр. произв. М., 1955.

⁵⁰ *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 1. С. 33–59.

⁵¹ *Wallerstein I.* Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge, 1991; *Дугин А.Г.* Основы геополитики. М., 1997; *Кочетов Э.Г.* Геоэкономика (Освоение мирового экономического пространства). М., 1999; *Цымбур-*

Устойчивость государственных территорий

Верификация выдвигаемой гипотезы осуществлялась в двух рассмотренных. Первое состояло в анализе устойчивости/изменчивости границ государств при смене этнического состава населения. Если государственная территория воспроизводится всякий раз вне зависимости от того, какие этносы создают соответствующее государство, то это доказывает, что сама географическая среда предопределяет, в известной мере, политические установления. Только в таком случае геополитика, как политика, производная от «гео» — земли, методологически оправданна.

Обратимся к данным исторической географии. Предпринятый анализ исторической изменчивости государственных границ позволяет утверждать о высокой степени постоянства территории государств. Смена этнического и конфессионального состава не приводила к принципиальным изменениям геополитического измерения. Следовательно, география диктует в определенной мере политические конфигурации мира.

Природная среда и религиозные кластеры

Вторым направлением доказательств явилось соотнесение конфессиональных групп стран с природно-климатическими параметрами.

Генезис цивилизаций связан с определенным в каждом конкретном случае географическим ареалом (месторазвитием). Для специфичных средовых условий существует свой адаптационный оптимум институциональных форм и механизмов. Отступления от него, увлечение иносистемными экстраполяциями объективно ведут к снижению жизнеустойчивости всей системы. Из этого предположения вытекает основная исследовательская задача — проверить правильность цепочки зависимостей «природная среда — религия — менталитет — цивилизационная специфика»⁵².

ский В.Л. Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М., 2000; *Замятин Д.Н.* Образ страны: структура и динамика // *Общественные науки и современность.* 2000. № 1; *Империя пространства. Геополитика и геокультура России. Хрестоматия / Сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин.* М., 2003.

⁵² *Багдасарян В.Э.* Религиозное измерение ценностных портретов цивилизаций // *Фундаментальные и актуальные проблемы цивилизационногенеза. Труды*

Ключевая методология исследования состояла в применении метода группирования (он часто обозначается как метод кластеризации). Если страны группируемы в зависимости от религиозной принадлежности по природно-зональному параметру, то гипотеза подтверждается.

Проверка проводилась на основе группового распределения стран по средней температуре января-июля, количеству годовых осадков, урожайности зерновых и зернобобовых, показателям животноводства. Предположение о страновом конфессиональном группировании по природному параметру подтвердилось⁵³.

Полученный вывод не означает, вместе с тем, принятие абсолютизирующей фактор географии теории географического детерминизма. Речь в данном случае идет о том, что религии (а соответственно, и цивилизации) формировались как адаптация человека к определенному природному ареалу при всем нелинейном многообразии адаптационных процессов.

Природно-климатический фактор и цивилизационные модели хозяйствования: географическая парадигма России

Природная среда выступает важнейшим фактором формирования специфической модели национальных экономик — цивилизационной системы хозяйствования. Рассмотрим его действие на примере России. Очевидно факторное значение для нее особых климатических условий. Они в значительной мере предопределяли характер трудовой ритмики традиционного крестьянского хозяйства. Европейский работник трудился равнодинамично в течение почти всего года. Сравнительно мягкая европейская зима сглаживала сезонные различия трудовых затрат. Совсем другое дело — контрастный континентальный климат России. Доля труда в летнем бюджете времени русского крестьянина была более чем в два раза выше, чем в зимнем. Крестьянское хозяйство функционировало в режиме календарных рынков⁵⁴.

Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. № 18. М., 2010.

⁵³ Страны мира. Современный справочник. М., 2010.

⁵⁴ Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 236–259.

Исследователи русского крестьянского мира пишут о закреплении сезонной ритмики труда в структуре национального менталитета в целом. Весь ход отечественной истории разворачивался по существу в режиме рывков⁵⁵. Указанная специфика национальной ментальности дает реалистические основания для выработки стратегии форсированных экономических прорывов. Далеко не ко всем мир-экономикам она ментально применима. Режим рывков предполагает особый формат управления, традиции сильного государства и коллективистско-общинные механизмы организации труда. Нужен особый командный импульс, пробуждающий Россию от зимней хозяйственной спячки.

Цивилизационно-страновое сравнение бюджета трудового времени крестьянских хозяйств позволяет также опровергнуть сформировавшийся на Западе стереотип о традиционной русской лени. Русский крестьянин работал в течение года даже больше европейца. Снижение его рабочей ритмики в зимний период связано с адаптированным к природной среде релаксационным механизмом максимального восстановления физических и эмоционально-психологических сил организма.

В специфических российских природных условиях для развития промышленной сферы, науки и культуры, а по большому счету — для выживания России требовалась выработка особых форм социальной организации. Ее специфические черты — более высокий, в сравнении с другими регионами мира, оптимум автаркичности, этатичности, общинности. Российская природа в значительной мере задавала характер формируемой исторически цивилизационной модели.

Цивилизации под ударами природных катаклизмов

Представленные выше примеры описывают воздействие природы на человека в длительной временной развертке. Но были и прецеденты стремительных единомоментных природных катастроф.

Современный уровень развития техники не привел к заметной минимизации численности жертв неподконтрольной пока человеку природной стихии. Недавний пример технически сверхраз-

⁵⁵ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

витой Японии — особо показателен. Что же до экономического ущерба от природных катастроф, то он и вовсе устойчиво возрастает. При расчете ущерба на один из произошедших за десятилетие наиболее разрушительных катаклизмов обнаруживается на рассмотренном интервале второй половины XX столетия факт стремительного роста масштабов наносимых разрушений⁵⁶. Так что говорить на сегодня о преодолении человеком природной зависимости, по меньшей мере, преждевременно.

Средовая адаптация этнических мигрантов

Еще одно доказательство значимого воздействия географической среды на бытие человека состоит в следующем мыслительном эксперименте. Если природно-средовые условия действительно оказывают определяющее воздействие, то при смене некоей общностью природных сред в ее жизнеустройстве должны произойти сущностные адаптационные трансформации. Так ли это?

Для проверки выдвигаемого предположения целесообразно обратиться к данным масштабных этнических миграций. Как правило, при переселении народа в иную природную зону наблюдается смена модели его жизненного уклада. Особенно иллюстративно данное положение выглядит в случаях миграционно-территориальных расколов единого этнического ядра, когда значимые части одного и того же народа оказывались в различных географически условиях существования. Характерный пример — ранняя история болгарского этноса⁵⁷.

Примеры длительного сохранения традиций исходной этничности в условиях масштабных миграционных переселений тоже известны (евреи, цыгане). Но они носят исключительный характер и приводятся в этнологии как исторически уникальные феномены. Сила культурной традиции оказывалась в этих случаях факторно значимей силы природной среды. Для евреев таким фак-

⁵⁶ Кондратьев К.Я., Крапивин В.Ф., Потапов И.И. Статистика природных катастроф // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов: Обзорная информация. М., 2005. № 5. С. 57–76.

⁵⁷ Краткая история Болгарии (С древнейших времен до наших дней). М., 1987; Бариев Р. Волжские болгары: история и культура. СПб., 2005; Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура. (Домонгольский период X века — начало XIII века). Казань, 1990.

тором явился, в частности, иудаизм. Не случайно присутствующее в нем освящение традиции еврейской этничности. Но даже среди евреев, в зависимости от географической среды расселения, сложились субэтноты, существенно отличающиеся друг от друга.

Показательно проследить соотношение существующих на сегодня цивилизационных ареалов и языковых семей. Единое семейство языков указывает, как известно, на историческую общность происхождения. Так, индоевропейцы, представляющие множество народов, выступали изначально как единый этнос. Далее по ходу истории они распространяли ареал своего обитания. Отдельные группы прежде единого этноса оказались рассредоточены по различным природно-географическим средам. Далее возникают цивилизации. Они формировались как адаптация человека к конкретным средовым условиям бытия. И оказалось, что народы, представляющие одну и ту же языковую семью, исторически распределились в рамках разных цивилизационных систем. Фактор среды оказался более значимым, нежели реминисценция о единых этнических первопредках. Индоевропейцы сформировали ядро, как минимум, четырех современных цивилизаций — западной, русской (российской), индийской и латиноамериканской. К тому же, наряду с арабами, они играют достаточно значимую роль в цивилизационной системе исламского мира. Роль стран с преобладанием индоевропейского населения — таких как Иран, Афганистан, Пакистан — для цивилизации народов ислама очевидна. Родственными семитскими народами — евреями и арабами — были созданы на Ближнем Востоке фундаментально различные государственно-онтологические системы, находящиеся в состоянии длительной перманентной борьбы друг с другом. По разным цивилизационным ареалам оказались рассредоточены также народы уральской (включая финно-угорскую группу) и алтайской (включая тюркскую группу) языковых семей⁵⁸.

О географическом редукционизме

Из приведенного анализа следует, что природная среда действительно является действенным факторным условием социальных процессов. Бытие народов, шире — цивилизационных

⁵⁸ Народы мира: историко-этнографический справочник / Гл. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1988.

систем, формируется как адаптация к соответствующему природному контексту. Однако действие географического фактора не должно быть абсолютизировано. Любой из видов детерминизма противоречит логике витального подхода, выстраиваемого на понимании многоуровневой природы бытия. Жизнь социальной системы многомерна. Она не исчерпывается взаимодействием человека с природной средой и не детерминируется географическими обстоятельствами. Сводить сложные социальные процессы исключительно к географии означало бы существенную антропологическую редукцию.

Перспективы конвергенции цивилизаций

Географический фактор, как было показано выше, играл ключевую роль в генезисе цивилизаций. Действенность его определялась необходимостью адаптации человека к соответствующим природным условиям проживания. Цивилизационная специфика бытия соотносилась с многообразием географической зональности.

Своеобразие всех значимых норм жизнеобеспечения народов находит свое природно-средовое объяснение. Повседневные поведенческие установки, закрепленные в обрядово-ритуальной этнической практике и религиозных бытовых предписаниях, также напрямую восходят к географии. Так, присутствующие во всех религиях запреты и ограничения на определенные продукты питания имеют в соответствующих природно-климатических условиях очевидное значение в качестве здравоохранительной рецептуры. Само понятие «родина» лингвистически связана в русском языке с биолого-географическими основаниями бытия. Отсюда семантическая цепочка однокоренных слов: «природа» — «роды», «родители» — «род», «родовой» — «народ».

Однако развитие человечества не исчерпывается решением задач адаптации. Существует еще и мегавременный вектор общечеловеческой эволюции. Формирование социального уровня бытия ведет объективно к снижению факторной зависимости цивилизаций от локальных географических условий. Конечно же, при возникновении у человека иллюзии полного освобождения от природы она ему напоминает о себе посредством экологического

кризиса. Но речь уже идет об экологии не в локальном, а планетарном масштабе. Происходит развитие мировых коммуникаций. Человек социально уже не привязан к месту своего рождения. Расширяется трудовая миграция — внутристрановая и межстрановая. Семимильными шагами идет развитие сферы туризма. В период традиционного общества человек мог прожить всю жизнь, не покидая ни разу собственной деревни. Выезд за ее пределы мог стать для него тяжелейшим психологическим потрясением. Сегодня для большинства социумов такой изоляционизм жизни уже невозможен.

Принципиально изменяется характер геополитических взаимодействий. Определяющее значение для геополитики прежде имел фактор территориальной близости. При современных технических потенциалах — это не принципиально. Воздействие одной страны на другую может быть оказано и в случаях их максимального пространственного удаления. Характерный пример — политика США на Ближнем Востоке и в Центральной Азии — зонах максимальной удаленности от Американского континента. При наличии глобальной информационной сети деактуализируются и традиционные геополитические понятия, связанные со сторонами света. Пространственно-географические ориентиры не имеют для технологии Интернета никакого смысла.

Все эти тенденции говорят о перспективе цивилизационной конвергенции. Историческая основа локальности цивилизаций — географическая среда — перестает в условиях роста глобальных коммуникаций иметь прежнее значение. Средой существования человека становится, как минимум, вся планета, а вероятнее всего — и внеземные сферы. Но это футурология. Пока на современном этапе задача сохранения цивилизационной идентичности как фактора обеспечения жизнеспособности больших социальных систем сохраняет свою актуальность.

Как и у животных популяций, бытие социальных организмов адаптировано к соответствующей природной среде. Как и в биологическом мире, у человеческих сообществ имеются территориально определенные ареалы обитания — цивилизационные пространства. Цивилизации и иные сложные социальные системы исторически возникают в качестве адаптации народов к природным условиям

своего бытия. Однако детерминированности действия географических факторов, подобно той, которая программирует поведение животных, в отношении человека не существует.

Расово-генетическая компонента цивилизационогенеза

Об актуальности выявления биолого-популяционных оснований цивилизаций и рисках расизма

Феномен биологических популяций раскрывается через две основные качественные характеристики. Первая, как было показано выше, связана с ареалом обитания. Но есть и второй основной параметр характеристики популяций — наследственность. Безусловно, она проявляется на уровне индивидуума⁵⁹. Но значим ли фактор наследственности в применении к социальному существованию?

Казалось бы, очевидно, что если наследственность проявляется по отношению к каждому человеку — дети похожи на родителей, — то она должна проявиться и для их совокупности. Народы объединены общностью происхождения. А это означает их единство не только в социальном плане, но и на генном уровне. Однако тема оказалась политически табуизирована. На этих запретах сказался негативный опыт гипертрофированного преподнесения фактора наследственности.

С одной стороны, это теория биологического происхождения сословного иерархизма⁶⁰. Высшие сословия, согласно ей, антропологически лучшие. Их положение в обществе определяется «благородной наследственностью». Для демократического направления мысли это было категорически неприемлемо.

Другим возможным следствием преувеличенной акцентировки на данном факторе явилась теория расизма. В соответствии с ней наследственность определяет степень социальной успешности рас. Есть высшие и низшие расы. После 1945 г. эта теория была, естественно, выведена за скобки науки⁶¹.

⁵⁹ Биология. В 2 кн. / Под ред. В.Н. Ярыгина. М., 2007. Кн. 2. С. 6–7.

⁶⁰ Мельников О.А. Естественные сословия. Социально-генетическая психофизиоморфология, полиморфизм и функциональные подсистемы гомеостаза в социумах гоминид // <masterint-21h.webzone.ru...>.

⁶¹ Гонтар Г. Избранные работы по расологии. М., 2005; Авдеев В. Расология. М., 2005.

Но сама-то проблема соотнесения наследственности и специфичности существования сложных социальных систем не была решена. От нее отмахнулись, как от потенциально рискогенной в плане политических выводов. Но не содержит ли таких же рисков абсолютизация и иных факторов развития человечества? Опасность вульгаризации науки, как известно, всегда существовала и очевидно будет существовать. И потому само наличие опасности не есть основание для табуизации тех или иных сфер познания.

Биолого-генетически народы различны. Эти различия находят определенное (причем, не доминантное) преломление в социальной сфере. Базовому для современной биологии понятию генетического кода соответствует вводимое нами понятие цивилизационного кода. Единственно универсальный критерий бытия народов — сама жизнь. Нет такого этноса, который исторически (философские концепции могут быть различными) ориентировался бы на смерть. Но пути повышения жизнеспособности не универсальны. Они задаются в значительной мере биологическо-популяционными различиями человечества. Но не только ими.

Группы крови и цивилизационогенез

Одним из идентифицируемых проявлений наследственности является, как известно, группа крови. Для человека соответствующая групповая принадлежность имеет медицински фиксируемые последствия. Доказана предрасположенность лиц, имеющих ту или иную группу крови, к определенным заболеваниям. Все большее распространение получает концепт о связи групп крови с темпераментом⁶².

Имеют ли все эти предрасположенности отношение к социуму? Наличие таких зависимостей было бы актуально в случае установления устойчивых соотношений групп крови в рамках единой социальной общности. Действительно, выявление факта кровяной кластерной структуры, при констатации определенных эпидемиологических корреляций и средовой адаптированности, означало бы прямые выводы применительно к сфере демографии. Если же группа крови связана также с темпераментом, то это подразуме-

⁶² Биология. В 2 кн. / Под ред. В.Н. Ярыгина. М., 2007. Кн. 2. С. 43–44.

вает принципиальные проекции к рассмотрению генезиса национального менталитета⁶³.

Предположение состояло в том, что собственная уникальная структура групп крови наличествует и на уровне существования цивилизационных общностей. Для проверки этого предположения был проведен кластерный анализ по распределению лиц с соответствующей групповой принадлежностью по странам мира. Обнаружилось, что страны единых цивилизационных ареалов действительно кластеризуемы по удельному весу представителей групп крови⁶⁴.

Из проведенного анализа также с очевидностью следовало, что по параметру крови Россия — не Европа и русские — не европейцы. Зато очевидна генетическая общность славянского мира. Поляки оказываются устойчиво, по всем группам крови, близки к русским. В кластерной близости к России находятся также финно-угорские и тюркские страны, указывая на факт происходящего в Евразии активного кровосмешения.

Проверка предположения о наличии опосредованной связи между цивилизационногенезом и биолого-популяционным уровнем бытия человека была проведена также по имеющимся в нашем распоряжении данным по удельному весу лиц с отрицательным резус-фактором крови⁶⁵. Россия опять-таки очевидно не входит в западный кластер. Удельный вес лиц с отрицательным резус-фактором крови в ней меньше, чем в любой из стран Запада. И вновь фиксируется ее наиболее близкое расположение на шкале рассматриваемого спектра к славянским, финно-угорским и тюркским странам. Запад же, невзирая на широкие географические параметры западной цивилизации, вновь един.

⁶³ Стояновский Д.Н. Группа крови и здоровье человека. М., 2004.

⁶⁴ Группа крови // <enci.ru...>; Группа крови. Резус-фактор // <lakmus.ucoz.ru>; <bloodbook.com...>; <anthro.palomar.edu...>; Тюняев А.А. Группы крови. История возникновения современных групп крови // liveinternet.ru...; Афонин А.А. Генетика групп крови. М., 2006; Д'Адамо П., Уитни К. 4 группы крови — 4 пути к здоровью. Минск, 2001; Тюняев А.А. К вопросу о корреляционной связи между этносом и группами крови // Organizmica № 3 (15), 2008.

⁶⁵ Группа крови // <enci.ru...>; Группа крови. Резус-фактор // <lakmus.ucoz.ru>.

Эпидемиологический фактор генетической и цивилизационной изменчивости

Современная генетика отказалась от прежнего, считавшегося классическим, представления о том, что наследственность определяется исключительно размножением. Было доказано, в частности, влияние различного рода мобильных генетических элементов. В качестве переносчика чужеродного генетического материала назывались прежде всего вирусы. При значимом вирусном воздействии могла произойти геномная трансформация, вплоть до нового видообразования. Причем происходила она достаточно быстро, не длительным дарвиновским путем накопления благоприятных признаков, а в рамках смены одного-двух поколений⁶⁶. С исследований французского эмбриолога Поля Вентребера утвердилась идея о связи филогенеза и иммуногенеза⁶⁷. В ответ на проникновение в организм антигенов иммунная система продуцирует новые гены-производители соответствующих антител. Это приводит к изменениям генетической структуры. И, как следствие, происходит вероятная биологическая мутация. Через иммунологию выявлялся таким образом один из важнейших механизмов эволюции⁶⁸.

Человек, как и все живое, подвержен болезням. Следовательно, и применительно к нему действителен фактор вирусного влияния в отношении наследственности. При массовых заболеваниях, соответственно, могла возникнуть определенная тенденция антропогенной трансформации. С этой точки зрения целесообразно соотнести известные массовые эпидемии и пандемии в истории человечества с процессом цивилизационногенеза. Действительно, появлению нового культурного типа человека предшествовал в ряде случаев период пандемий. Массовая смертность, вызванная той или иной болезнью, не единожды выражалась демографической катастрофой. Но с преодолением катастрофической полосы

⁶⁶ Голубовский М.Д. Век генетики: эволюция идей и понятий. СПб., 2000. С. 215; Назаров В.И. Революция не по Дарвину. Смена эволюционной модели. М., 2011. С. 411.

⁶⁷ Wintrebert P. Le vivant createur de son evolution. Paris, 1962.

⁶⁸ Назаров В.И. Революция не по Дарвину. Смена эволюционной модели. М., 2011. С. 178-179.

часто обнаруживались фундаментальные изменения на уровне цивилизационной антропологии⁶⁹.

Были рассмотрены все признаваемые в литературе в качестве крупнейших эпидемии в истории человечества. Проверялось наличие связи между ними и процессами цивилизационногенеза. Обнаружилось, что такая связь существует. На выходе из фазы пандемии фиксировался факт цивилизационно-антропологических трансформаций. Возможно, что данная связь представляла собой лишь ментальный отклик на обрушившиеся на человека моровые бедствия. Но в контексте современной концепции о мобильных генетических элементах (МГЭ) вероятным являются и определенного рода генетические трансформации. В ряде случаев наличие их уже подтверждается в рамках генетики. Дальнейшая разработка этого вопроса связана с расширением спектра историко-генетических исследований. Но в любом случае для нас важен сам факт воздействия биологических процессов — каковыми являются, в частности, вирусные экспансии — на изменения в структурах бытия сложных социальных систем.

Полученный вывод подтверждается, со своей стороны, феноменом этнических болезней. Существуют, как известно, заболевания, распространенные исключительно или со значительно большей вероятностью среди определенного этноса. Но этнос считается категорией социальной, тогда как болезни имеют биологическую природу. И таким образом, если указанная избирательность существует, значит обнаруживается и биолого-популяционный уровень бытия систем социума⁷⁰.

⁶⁹ Литтре Э. Великие эпидемии // Медицина и медики. СПб., 1873; Крупнейшие эпидемии в истории человечества // <picanal.narod.ru...>.

⁷⁰ Близицея Е.А., Кириллов А.Г., Гинтер Е.К. и др. Молекулярно-генетическая причина остеопетроза в Чувашии // Медицинская генетика. 2005. Т. 4. № 7. С. 315–321; Вассерман Н.Н., Тверская С.М., Зинченко Р.А., Поляков А.В. Популяционная частота мутации С598Т в гене VHL, приводящей к развитию аутосомно-рецессивного эритроцитоза / V Съезд медицинских генетиков. Уфа, май 2005 // Медицинская генетика. 2005. Т. 4. № 4. С. 165; Гинтер Е.К., Зинченко Р.А. Наследственные болезни в российских популяциях // Вестник ВОГиС. 2006. Т. 10. № 1. С. 106–125; Гинтер Е.К., Зинченко Р.А., Ельчинова Г.И. и др. Роль факторов популяционной динамики в распространенности наследственной патологии в российских популяциях // Медицинская генетика. 2004. Т. 3. № 12. С. 548–555; Зинченко Р.А., Ельчинова Г.И., Гинтер Е.К. Генетическая эпидемиология наследственных болезней // Современные технологии генетических исследований / Под ред. В.Н. Чернышева.

Фактор генетического скрещивания

Современные исследования генома человека четко фиксируют многочисленные факты межрасовых и межэтнических скрещиваний. На их основе формировались генетически новые человеческие популяции. На биолого-генетической основе выстраивалось далее здание специфичного социального бытия. Возникали этносы. Каждый из них соотносился, как правило, с особым вариантом генетических комбинаций.

Факт такого синтеза мы обнаруживаем на ранней фазе истории большинства народов. Фактор этнического смешения раскрывается при соответствующем анализе как универсальный опыт этногенеза. Это прямо опровергает расистские мифы о «расовой чистоте». Генетически чистых, несмешиваемых общностей никогда не существовало. Геномная природа любого народа, по меньшей мере, дуальна. Конечно, в ней может быть доминирующий генный компонент. Но само образование соответствующей этнической группы определялось не этой доминантой, а смешением⁷¹.

Культурная традиция находилась в эпоху традиционного общества в интегральном единстве с соответствующим генотипом. Локализованность бытия этносов в этот период определяла генетическую эндогенность, а соответственно, и устойчивость генофонда. Брачная замкнутость нарушалась только в периоды войн и переселений народов. Движущей силой генных трансформаций выступали исторически расовые и этнические миграции. Просле-

Ростов-на-Дону, 2004. С. 16–24; Зинченко Р.А., Ельчинова Г.И., Нурбаев С.Д., Гинтер Е.К. Разнообразие аутосомно-доминантных заболеваний в российских популяциях // Генетика. 2001. Т. 37. № 3. С. 373–385; Зинченко Р.А., Ельчинова Г.И., Гинтер Е.К. Этнические особенности спектра наследственных болезней в популяциях России // Алексеевские чтения. Москва, 15–17 ноября 2004. М., 2004. С. 254–255; Зинченко Р.А., Ельчинова Г.И., Балановская Е.В. и др. Влияние генетической структуры популяций на размеры груза моногенных наследственных болезней в российских популяциях // Вестник РАМН. 2000. № 5. С. 5–10; Медико-генетическое описание населения Адыгеи / Под ред. Е.К. Гинтера. Майкоп, 1997; Наследственные болезни в популяциях человека / Под ред. Е.К. Гинтера. М., 2002. С. 132–162; MacKay AP, Fingerhut L.A., Duran C.R. Health, United States. With adolescent health chartbook. Nayatsville, Mayaland, 2000; Степанов В.А. Геномы, популяции болезни: этническая геномика и персонафицированная медицина // Acta Naturae. 2010. Т. 2. № 4. С. 24.

⁷¹ Народы мира: историко-этнографический справочник / Гл. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1988.

живается прямая связь между ними и начальной фазой цивилизационного генеза.

Процесс глобализации породил новую реальность в геномных изменениях человека. Расширение международных коммуникаций, с одной стороны, объективно разрушает этнические геномы. Брачная изолятивность этносов, хотя и остается значительной в отдельных регионах, в целом по миру уходит в прошлое. С другой стороны, мировые миграции носят теперь преимущественно индивидуальный характер и не выражаются более в формате целенаправленного переселения народов. Отсюда прежняя модель этногенеза, когда скрещивание двух этносов вело к формированию нового генома, более не действует. Генный обмен приобретает открытый в планетарном масштабе характер. В соответствии с этими тенденциями футурологическая перспектива видится в генетической конвергенции человечества. Геномные различия этносов будут со временем все более ослабевать. Конвергенция человечества на биологическом уровне предполагает соотнесение с ней процесса конвергенции цивилизаций.

Уже сейчас в мире число мигрантов превышает 175 млн чел., что больше, к примеру, совокупной численности населения России. Но геномная конвергенция произойдет не завтра. Пять из шести жителей планеты проживают еще в том месте, где и родились⁷². Первым в фазу существенных генетических трансформаций вступит западный мир. Доля мигрантов в нем по отношению к общей численности населения находится в диапазоне от 9,1% — в странах «евро» и до 20,5% — в Австралии. Для сравнения, в Китае их удельный вес на сегодня составляет лишь пять сотых процента⁷³. И миграционное давление на Запад, имея в виду усугубляющиеся цивилизационно-страново диспаритеты в качестве жизни, в дальнейшем будет только усугубляться.

О расовом редукционизме

Влияние генно-популяционного уровня жизни на развитие цивилизационных систем, таким образом, существует. Однако действие его ограничено.

⁷² Юдина Т.Н. Социология миграции. М., 2006. С. 89.

⁷³ Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Становление интегрального экономического строя — глобальная трансформация XXI века. М., 2008. С. 72–73; World Development Indicators. Washington, 2007; World Development Indicators. Washington, 2008. P. 372–374.

Нельзя сказать, что расовая или этническая составляющая не играют никакой факторной роли. Но эта факторная роль не превышает совокупно 16%⁷⁴. Индивидуальные различия людей оказываются в геноме человека гораздо более значимыми. Следовательно, цивилизационогенез расово не детерминирован.

Используя параметр генетического расстояния, современная генетика позволяет количественно (без расистских мифологем) оценить степень различия рас в общей мегаэволюционной проекции развития мира⁷⁵. Она позволяет также ответить на вопрос: с каким из типов биологических топосов соотносятся сложные социальные системы, такие как цивилизации. Величина расстояния для больших человеческих рас составляет 0,03%. Много это или мало? Для сравнения, межвидовое расстояние составляет от 0,5% и выше. Диапазон генетического различия подвидов — от 0,17 до 0,22%. Таким образом, не видами, не подвидами расы не являются. Зато показатель генетического расстояния в 0,03% соответствует в животном мире уровню местных популяций. Следовательно, популяция и есть наиболее адекватная категория на уровне биологического измерения бытия цивилизационных систем⁷⁶.

Духовная парадигма воспроизводства человеческих популяций

Предложенное в рамках витального подхода интегральное многоуровневое понимание жизни в применении к сложным социальным системам предполагает установление взаимосвязи между собой различных уровней бытия. Выше обосновывалось наличие зависимости социогенеза (а шире — цивилизационогенеза) от факторов биологического содержания. Соответственно, необходимо также рассмотреть вопрос о возможности обратного воздействия. Верифицируется в данном случае гипотеза о потенциальной возможности и целесообразности оказания воздействия через

⁷⁴ Биология. В 2 кн. / Под ред. В.Н. Ярыгина. М., 2007. Кн. 2. С. 155.

⁷⁵ *Nei M. Mathematical models of speciation and genetic distance // Population Genetic and Ecology / Eds S. Karlin, Nero E. N.Y., 1976; Животовский Л.А. Популяционная биометрия. М., 1991; Дерябин В.Е. Многомерная биометрия для антропологов. М., 1983.*

⁷⁶ Биология. В 2 кн. / Под ред. В.Н. Ярыгина. М., 2007. Кн. 2. С. 156.

идейно-духовный уровень жизни социума на его биологическое состояние. Наиболее очевидный параметр биологии — численное состояние популяции. Оно определяется показателями репродуктивности, смертности и продолжительности жизни особей. Во временной развертке это интегрально выражается в виде популяционной динамики. Минимизация численности популяции свидетельствует о ее кризисе, максимизация — об установлении благоприятных условий существования. Применительно к человеческим сообществам аналогичное рассмотрение осуществляется с позиций демографии. Следовательно, решаемая задача должна состоять в анализе факторной роли идейно-духовного уровня бытия человека в изменчивости демографических показателей развития социума. Если наличие значимого воздействия такого рода подтвердится, то это подтвердит и правильность вышеизложенной версии мегаэволюции. Духовная компонента в сложных социальных системах доминирует (или становится более значимой) в фазе цивилизационного подъема, биологическая — в периоды цивилизационных упадков. Если это так, то значит и эволюция человечества заключается в векторе его одухотворения.

Четырехфакторная модель витальности российского народа

Между тем, математический анализ влияния фактора идейно-духовного состояния общества на демографические показатели уже существует. Он был проведен в рамках исследовательского проекта Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования — «Государственная политика вывода России из демографического кризиса»⁷⁷. Полученные в нем выводы резко диссонировали с официальной стратегией опоры исключительно на материально-социальный фактор.

Потенциалы жизнеспособности страны декомпозируются на множество факторных компонентов. Понимание государственности как живой системы позволяет сгруппировать их в рамках четырех интегральных факторов: материально-социальный, идейно-духовный, цивилизационной (национальной) идентичности и качества государственного управления.

⁷⁷ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. М., Научный эксперт, 2007.

Определяемые факторы требовалось оцифровать. Материальное состояние социума рассчитывалось статистически через совокупность наличных социальных благ. Остальные факторы, ввиду своей слабой формализованности, вычислялись экспертным путем по многопараметровому интегральному измерению. В эксперименте оцифровки слабоформализуемых ценностных параметров в режиме экспертной сессии приняли участие 24 эксперта, представляющие различные вузы и научные организации. Замер осуществлялся на столетнюю временную глубину, охватывая период с 1897 г. по 2007 г. Оцифровка велась в режиме десятилетнего шагового интервала. Всего для оценки идейно-духовного фактора использовались 38, а фактора цивилизационной (национальной) идентичности — 34 индикатора.

Посредством корреляционного анализа была установлена следующая шкала факторной значимости:

- 1) идейно-духовный фактор;
- 2) фактор цивилизационной (национальной) идентичности;
- 3) фактор качества государственного управления;
- 4) материальный фактор.

Критика материального редукционизма в демографии

На неоднозначность воздействия материального фактора на демографические процессы обращалось внимание еще в советской науке. Так, старейший отечественный демограф Б.Ц. Урланис рассматривал материальное благосостояние как разновекторное по своим последствиям для демографии обстоятельство, в одних случаях способствующее повышению рождаемости, в других же — снижающее имеющиеся в обществе репродуктивные потенциалы⁷⁸.

В преломлении к ряду исторических отрезков материальный фактор и естественное воспроизводство населения находятся в отрицательной корреляции. Рост потребления в эти периоды оказывается обратно пропорционален снижению репродуктивной активности. Характерно, что худшими показателями коэффициента рождаемости в современном мире обладают экономически преуспевающие Германия (8,1‰) и Япония (8,2‰)⁷⁹.

⁷⁸ Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 62.

⁷⁹ Демографический ежегодник России. 2005: Статистический сборник. М., 2005. С. 587.

Опыт осуществления демографической политики в западных странах (причем неудачный опыт) говорит о том, что купированное использование материального фактора тенденцию депопуляции не только не исправит, но, напротив, способно усугубить.

Заключаящаяся в материальном неоднозначность воздействия на демографические процессы признается и многими мыслителями на Западе. «У богатых, — констатирует американец П. Бьюкенен, — меньше детей, чем у бедных.... Чем богаче становится страна, тем меньше в ней детей и тем скорее ее народ начинает вымирать»⁸⁰.

Материальный фактор отрицательно сказывается на репродуктивных показателях не только в историческом разрезе, приводя, в частности, к тренду старения западных наций, но и при социологическом измерении его последствий. Сформулированная во многих религиях мира истина о развращающей роли богатства оказывается при переводе на язык демографических показателей не просто сентенцией, а устойчивой статистической закономерностью.

Цивилизационная жизнеспособность и демографические показатели

Тренд снижения рождаемости и связанного с ним сокращения численности населения может рассматриваться в качестве индикатора грядущей гибели цивилизаций. В связанном с падением репродуктивного потенциала населения режиме депопуляции функционировали на финише своего существования многие из погибших цивилизационных систем⁸¹. В этой связи современный репродуктивный упадок экономически развитых стран Запада является скорее не отражением мирового универсального характера демографического развития, а симптомом кризисного состояния только одной из цивилизаций, а именно — западной.

⁸⁰ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2003. С. 56.

⁸¹ Историческая демография: население Древнего Рима // <civru.com/forum/index.php?...>; <athanatoi.livejournal.com/52445.html — >; Chandler T. Four Thousand Years of Urban Growth: An Historical Census. The Edwin Mellen Press, 1987; Maddison A. The World Economy: a Millennial Perspective. P., 2001; Russell J.C. Late Ancient and Medieval Population. Philadelphia, 1958; Mc Evedy C., Jones R. Atlas of World Population History. H., 1978.

Демографический феномен воюющих наций

Особого внимания в свете рассмотрения воздействия духовного фактора заслуживает демографический парадокс воюющих наций. Казалось бы, объективно в условиях войны естественное воспроизводство населения должно понижаться. Однако во многих случаях наблюдается прямо противоположная тенденция. Удивительным для контекста трагедии Второй мировой войны являлся заметный и устойчивый рост рождаемости в ряде воюющих государств в первую половину 1940-х гг. То, что именно военный фактор сыграл определяющую роль в репродуктивной динамике, указывает устойчивый тренд ее снижения во второй половине 1930-х гг. В этой связи совершенно не соотносится с хронологией демографического процесса популярное среди демографов (А.Г. Вишневский и др.) утверждение о компенсаторной, послевоенной природе «бэби-бума» на Западе. В действительности «бэби-бум» начался в западных странах еще во время Мировой войны, а в послевоенные годы сохранил уже заложенную траекторию подъема. Аналогичным образом военно-мобилизационная обстановка отражалась на демографических показателях в конфликтах более позднего времени.

Цивилизационная специфика демографических процессов в истории России

Данные демографии являются весьма индикативным показателем для отражения идейно-духовного состояния народа и в истории России. Находясь в психологически комфортных условиях, человек живет сам и воспроизводится через потомство. Утрата же смысла существования напрямую ведет к падению рождаемости и росту смертности. Именно это и происходило в периоды деидеологизационных инверсий. В истории России достаточно четко идентифицируются смены периодов почвенной национально-идентичной идеологии и периодов деидеологизации или переноса неких универсальных иноцивилизационных идеологем. При почвенных ориентирах государства демографические показатели устойчиво возрастали, в условиях космополитизации — снижались⁸².

⁸² Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.; Русское хозяйство. М., 2006. С. 587; Движение населения в Европейской России за

Духовный кризис как причина депопуляции

При долгосрочном ретроспективном анализе выявляются глубинные истоки феномена малодетности и сверхсмертности в России. Кризисное в отношении к традиционным семейным ценностям духовное состояние характеризовало еще, казалось бы, сравнительно благополучную в статистическом выражении демографическую ситуацию в Советском Союзе. Целенаправленное насаждение материалистического миропонимания и секуляризационная государственная политика привели к вытеснению из общественного сознания сакрального отношения к процессу воспроизводства.

Симптомы репродуктивного кризиса в духовной сфере обнаруживались еще в советское время, когда показатели рождаемости оставались сравнительно высокими. Согласно проведенному в 1980-е гг. опросу, 150 молодых московских семей были недовольны своим досугом ввиду наличия у них маленьких детей. Появление ребенка рассматривалось как обстоятельство, препятствующее приобщению москвичей к культурным благам. В восприятии детей в качестве некоего препятствия для родителей и заключался главный результат происходившей ценностной трансформации⁸³.

Признание идейно-духовного состояния общества в качестве основного фактора популяционной динамики предполагает существенное изменение демографической политики. Помимо материально-дотационного рычага она должна включать в себя меры управленческого воздействия на мировоззренческо-ценностные ориентиры населения.

1899–1910 годы. СПб (Пг) 1904–1916; *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913): Статистические очерки. М., 1956; *Араловец Н.А.* Городская семья в России 1897–1926 гг. Историко-демографический аспект. М., 2003. С. 72–76; *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 42–45; *Рыбаковский Л.Л.* Динамика и факторы демографического развития СССР во второй половине XX века // Демографическое развитие СССР в послевоенный период. М., 1984; *Кваша А.Я.* Демографическое эхо войны // Проблемы исторической демографии СССР. Киев, 1988; Население России в XX веке: Исторические очерки. М, 2001, Т. 2, 1940–1959 гг.

⁸³ *Дементьев И.Ф.* Проблемы досуга молодой семьи // Актуальные вопросы семьи и воспитания. Вильнюс, 1983. С. 144–146.

Коэффициент витальности как инструмент диагностирования состояния сложных социальных систем

Витальные потенциалы человеческих сообществ могут повышаться и понижаться. Установление соответствующего вектора зависит от множества факторов. Человек, в отличие от животного, может управлять ими целевым образом. В этом, собственно, и состоит фундаментальная характеристика оразумленной жизни. Для эффективного управления витальными потенциалами нужно знать, соответственно, факторные параметры жизнеспособности управляемой системы. Оценка же их состояния предполагает установление адекватных количественных показателей. Но человеческие сообщества не однотипны. Они исторически формируются в различных средовых условиях. Эти среды и определяют в значительной мере их специфику. Для разных сообществ оптимум состояния факторных параметров может иметь существенные различия. Народная сентенция — «что русскому хорошо, то немцу — смерть» — именно об этом⁸⁴.

Но как сопоставить витальные потенциалы России и других стран? Для решения этой задачи необходимо введение некоего универсального, количественно формализуемого параметра. И такой инструментальный параметр был найден. В рамках уже упомянутого выше исследовательского проекта Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования — «Государственная политика вывода России из демографического кризиса» в данном качестве впервые в научной практике был предложен коэффициент витальности⁸⁵. Он использовался как аккумулятивная величина по отношению к базовым показателям демографического развития. Коэффициент витальности применялся в указанном проекте к анализу популяционной динамики России. На его основании рассчитывался российский витальный потенциал во временной развертке XX столетия. Сейчас задача

⁸⁴ Сулакшин С.С. Категориальная сущность и эволюция человечества в мегаистории и в бесконечном будущем // Категориальная сущность и эволюция человечества в мегаистории и в бесконечном будущем. Материалы научного семинара. М., 2011. Вып. 1. С. 29–30.

⁸⁵ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. М., 2007. С. 52–61.

ставится шире — взять для расчета не только Россию, но и другие геополитически весомые и цивилизационнообразующие страны мира.

Коэффициент витальности: методология расчета

Как известно, основными параметрами, описывающими демографическое состояние, являются численность населения, рождаемость, смертность, ожидаемая продолжительность жизни. Действенное проявление их не одновекторно и не синхронно. Характер их изменчивости зависит в значительной степени от исторически сменяемых и цивилизационно варьирующихся моделей воспроизводства. В этой связи существует очевидная потребность в установлении интегративного целевого и ценностного параметра, характеризующего демографическое состояние и успешность демографической политики в целом.

Но как «суммировать» такие величины, как, например, рождаемость и ожидаемую продолжительность жизни? Они даже измеряются в различных единицах — в количестве родившихся и в количестве лет. Для достижения указанной цели было предложено ввести единый интегративный показатель демографической успешности — коэффициент витальности страны.

Расчет его в рамках проекта осуществлялся по следующей формуле:

$$B(t) = N \left(\frac{P}{1000\Delta t} - \frac{C}{1000\Delta t} + \frac{1}{OПЖ} \frac{d(OПЖ)}{dt} \right) + M;$$

где N — численность населения (чел.), P — рождаемость (чел. на 1000 чел населения за год), C — смертность (чел. на 1000 чел. населения за год), $t = 1$ год, ОПЖ — ожидаемая продолжительность жизни (лет), B — прирост населения с учетом эффективных человеческих жизней в связи с изменчивостью продолжительности жизни (эфф. чел. жизн. в год).

Философское основание данной формулы связано с представлением о самоценности жизни. Именно в императиве «жизнь ценна сама по себе» и состоит ценностный пафос витального подхода. Существование человека, а шире — человеческого сообщества, выступает высшим мерилom государственно-управленческой

успешности. Все компоненты формулы соотносятся с этой установкой. Рождаемость — прибавление человеческой жизни, смертность — ее убытие, продолжительность жизни — прожитое человеком время.

Принципиально важен учет в предложенной формуле параметра численности населения. Индивидуум может состояться как человек только в социальном измерении. Поэтому коэффициент витальности применяется не к персоне в ее индивидуальном бытии, а к социуму. Это снимает присутствующий во многих международных индексах парадокс, когда карликовые государства оказываются более успешными геополитически, чем доминирующие в мире державы⁸⁶. Безусловно, материальное качество жизни в Люксембурге выше, нежели в Китае или Индии. Люксембуржцы живут дольше, чем китайцы и индусы. Но столь же очевидно, что витальность Китая и Индии несопоставимо выше витальности Люксембурга. Учет в коэффициенте витальности численности населения все расставляет по своим местам.

Страновой рейтинг витальных потенциалов в современном мире

Первая решаемая задача состояла в расчете коэффициента наиболее геополитически значимых и цивилизационнообразующих стран современного мира. Предстояло ответить на вопрос: какие цивилизации доминируют сегодня по своим витальным потенциалам? При этом мы исходили из предположения, что геополитическая мощь государств могла иметь совершенно иные, непропорциональные коэффициенту витальности показатели. Расчет таких показателей проводился, в частности, научно-экспертной группировкой под руководством В.С. Садовниченко и А.А. Акаева⁸⁷. Его аналог — коэффициент жизнеспособности страны — расчи-

⁸⁶ Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Строганова С.М. Качество и успешность государственных политик и управления // Качество и успешность государственных политик и управления. Материалы научного семинара. М., 2011. Вып. 1.

⁸⁷ Винокуров Г.Н., Ковалев В.И., Малинецкий Г.Г., Малков С.Ю., Подкорытов Ю.А. Россия в контексте мировой геополитической динамики: количественная оценка исторической перспективы, современного состояния и перспектив развития / Проекты и риски будущего. 2011. С. 89–105.

тывается в ряде новационных работ Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования⁸⁸.

Полученные в результате расчета показатели весьма информативны для оценки соотносимости развития различных цивилизаций на современном этапе с вектором мегаэволюции человечества (рис. 1)⁸⁹.

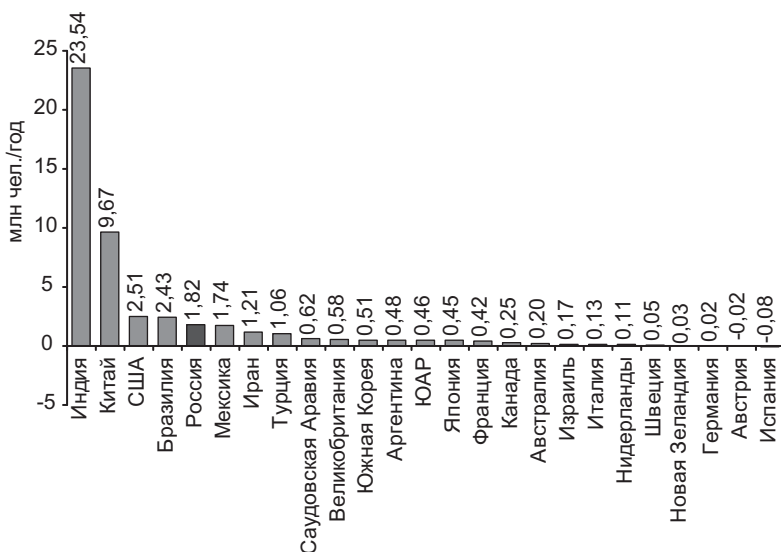

Рис. 1. Коэффициент витальности по ряду стран современного мира

Для определения мощи государств, помимо состояния народа, значимы также факторы территории и качества государственного управления. Безусловно, все они связаны друг с другом. При высокопрофессиональном государственном управлении витальные потенциалы народа возрастают. И, напротив, при непрофессионализме власти, а тем более — при ее несuverенности, народ дегра-

⁸⁸ Национальная идея России. Программа действий. М., 2009; Сулакишин С.С., Багдасарян В.Э., Строганова С.М. Качество и успешность государственных политик и управления // Качество и успешность государственных политик и управления. Материалы научного семинара. М., 2011. Вып. 1. С. 13.

⁸⁹ Страны и регионы 2008. Статистический справочник Всемирного банка. М., 2009; <<http://databank.worldbank.org/ddp/home.do>>.

дирует. Но все-таки коэффициент витальности — самостоятельный показатель. Он акцентирован именно на оценке жизненных потенциалов соответствующего народа. Классический гегелевский тезис — «каждый народ достоин своего правительства» — не имеет универсального применения. Истории известны многочисленные примеры великих побед, одержанных народом при бездарном правительстве. Так, в Смутное время Россия вообще безо всякого правительства справилась за несколько лет и с поляками, и шведами, и с собственными ворами и изменниками. Фактор качества управления в данном случае был минимальным, тогда как решающую роль в спасении Отечества сыграли сохраненные народом витальные потенциалы.

Коэффициент витальности стран в клиодинамическом преломлении

Расчет коэффициента витальности в разрезе клиодинамики сталкивается прежде всего с затруднением нахождения адекватной статистической базы. Сравнительно репрезентативная статистика на длинных временных рядах имеется по ограниченному числу государств, принадлежащих главным образом к западной цивилизации. Опираясь на нее, мы провели расчет витальных потенциалов геополитически ведущих стран мира на временном интервале последней трети XIX в. — начала XXI в. Сравнились позиции России, основных государств, представляющих западную цивилизацию, и Японии (рис. 2)⁹⁰.

Расчитанные показатели многое объясняют в природе боязни Запада возрождения «русского империализма». Российский (русский) народ по своим витальным потенциалам был на большей части рассматриваемого, почти полуторосотлетнего временного интервала сильнее любой из западных наций. Запад часто переигрывал Россию политически. Но когда столкновение происходило лоб в лоб, как в период Великой Отечественной войны, индустриальной гонки или соперничества в освоении космоса, российский

⁹⁰ Здесь и далее: *Миронов Б.Н.* История в цифрах. Математика в исторических исследованиях. Л., 1991. С. 131, 133, 134; <<http://databank.worldbank.org/ddp/home.do>>.

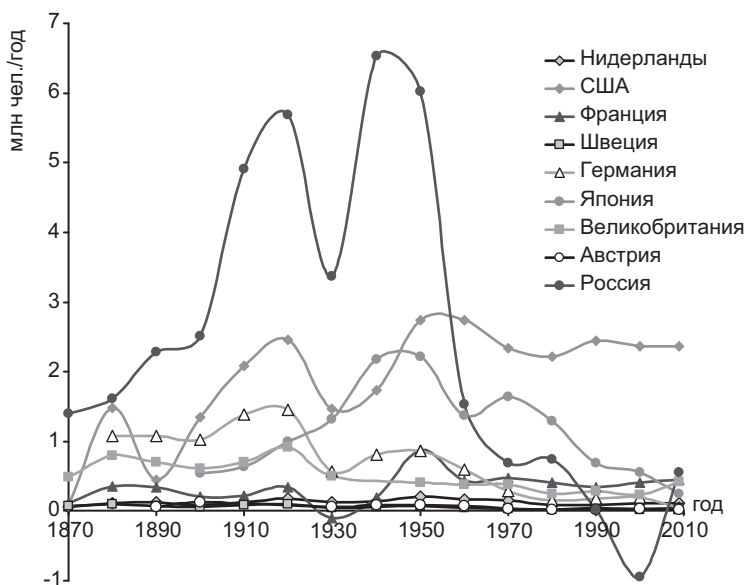

Рис. 2. Коэффициент витальности в исторической динамике по ряду стран мира

народ для достижения победы находил в себе больше внутренних ресурсов, чем противники. Духовные потенциалы, способность к мобилизации в чрезвычайных условиях — оказывались выше. Из этого следовало выдвинутое после 1945 г. западными аналитиками положение о невозможности победы над Россией в прямом противоборстве. Следствием такого заключения явилось инициирование разработок новых латентных технологий последующей борьбы с российской государственностью⁹¹.

Популярностью среди экспертов по странам Востока пользуется сравнение индийской и китайской моделей развития. Попытаемся и мы провести такое сопоставление в применении к исследуемой нами проблематике. И Индия, и Китай демонстрируют сегодня одни из самых высоких темпов роста ВВП среди геополитических

⁹¹ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакишин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М., 2009.

тически значимых стран мира. Но все же, КНР превентует в этой гонке. Казалось бы, именно китайская модель развития должна быть признана более успешной. Однако расчет коэффициента витальности дает прямо противоположный вывод. Еще в середине 1960-х гг. более высокими витальными потенциалами обладал Китай. Он превосходил соответствующие индийские показатели на это время в 4,5 раза. Однако грянувшая с 1966 г. «культурная революция» нанесла непоправимый удар по цивилизационно-ценностным накоплениям страны. Именно с этого времени коэффициент витальности Китая резко пошел вниз. К концу правления Мао он снизился в 2,7 раза от прежнего уровня. Дальнейший модернизационный курс руководства КПК хотя и способствовал высокой экономической динамике, но будучи философски акцентирован на материальной стороне жизни, негативно сказался на духовных потенциалах китайского народа. Несколько возросший за 1980-е гг. коэффициент витальности понизился далее от уровня 1987 г. до настоящего времени в 2,2 раза (рис. 3).

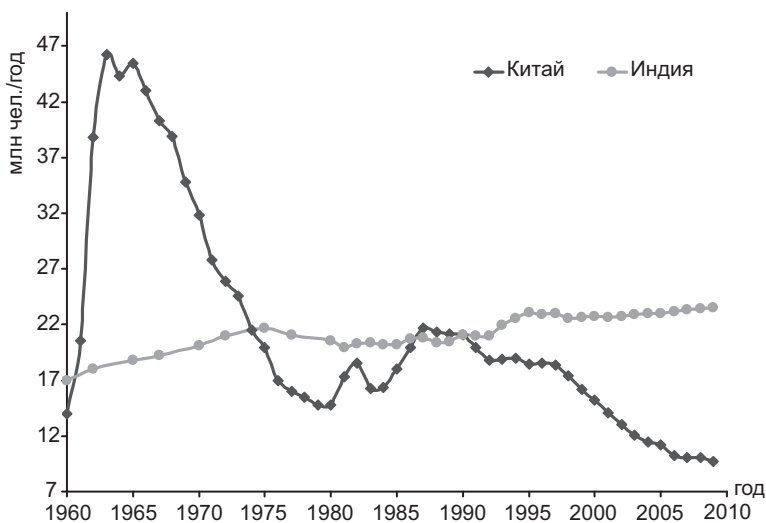

Рис. 3. Соотношение коэффициентов витальности в истории Индии и Китая

А между тем, витальные потенциалы Индии за то же самое время, пусть не стремительно, но достаточно устойчиво, возрастают. В середине 1970-х гг. Индия уже обходит Китай. К началу 2000-х гг. разрыв между ними становится уже значительным и продолжает усугубляться.

Резюме

Проведенный анализ подтверждает выдвинутую нами гипотезу о правомерности и целесообразности рассмотрения сложных социальных систем в качестве одного из видов живой системы. Категория жизни имеет множество вариантов проявлений. Развитие междисциплинарного направления исследований позволяет поставить вопрос о целесообразности пересмотра жесткого разграничения между собой живой и неживой природы. Каждая ступень мегаэволюции мира была связана с возникновением новых, более сложных и совершенных форм жизни. На определенном этапе данного эволюционного восхождения возникает и феномен социальной жизни. Однако с возникновением человека мегаэволюция не завершается. Формируется новый, более высокий в иерархии эволюционного восхождения уровень жизни. Складывается трехуровневая модель бытия, включающая биологическую, социальную и духовную компоненты. При этом вектор эволюции состоит именно в указанном последовательном восхождении. Первоначально — фаза оразумления жизни, далее — ее одухотворения. Признав данное положение, мы можем оценивать как научный факт современную модель развития Запада в качестве антиэволюционной. Еще в большей степени это относится к современной России.

Витальный подход позволяет реабилитировать в общественном дискурсе категорию прогресса. Распространенное сегодня сведение его исключительно к материальному измерению извращает сам смысл эволюционного развития, ведет к подмене телеологических ориентиров.

Понимание того обстоятельства, что жизнь человека не может состояться без наличия социального и духовного компонентов,

выводит на принципиальную ревизию либеральной модели индивидуумной антропологии. Перспектива же развития состоит не в дальнейшей индивидуализации, а, сообразно с религиозным видением, в духовном преображении человечества.

Цивилизации на биосоциальном уровне своего существования могут быть идентифицированы в качестве популяционных систем. Они, как биосоциальные феномены, подобны популяциям, существующим в животном мире с известной их степенью усложнения. Две основные характеристики популяций — природный ареал и наследственность — факторно действуют и применительно к цивилизационногенезу. Цивилизации формируются как адаптация человека к средовым условиям своего бытия. Характер природы задает на первоначальном этапе цивилизационногенеза модель цивилизационного жизнеустройства. Многие социальные и культурные нормы общежития, специфика менталитета вырабатываются как оптимизационный механизм жизни для ответствующих сред обитания.

Однако принципиально неприемлемым представляются факторная редукция в объяснении сложных социальных систем, сведение к тому или иному виду биологического детерминизма. Предлагаемая в витальном подходе трехуровневая модель понимания природы социальной жизни позволяет избежать указанной редукции. Безусловно, и география, и генетическая наследственность оказывают определенное влияние на развитие цивилизационных потенциалов. Но их влияние не абсолютно. Действуют и иные факторы цивилизационного развития. Более весомым, как это было показано выше, выступает фактор идейно-духовного состояния общества. Соответственно, полного тождества между цивилизационной и популяционной системами не существует. Цивилизации представляют собой структурно более сложный тип жизни. Популяционное же бытие, определяемое биологическими параметрами существования, раскрывает лишь один из уровней цивилизационной модели жизни.

Введение особого параметра оценки страновой успешности — коэффициента витальности — позволяет мониторить различные цивилизации и страны по критерию содержащейся у народа жизненной силы. Возможность измерения рассматриваемого фе-

номена предполагает потенциальную возможность воздействия на него целевым образом. Витальными потенциалами страны можно управлять.

Сам по себе взгляд на цивилизационные системы с позиции категории жизни имеет значительную пользу для практики государственного управления. Осознание бытия цивилизации в настоящем и будущем в качестве высшей ценности задает интегральный смысл деятельности органов государственной власти. В соответствии с целевой установкой максимизации способности к жизни могут быть уточнены функции и определены основные институты государственного управления. Такая реконфигурация привела бы к созданию принципиально иной, нежели мы наблюдаем сегодня, модели государственности.

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (И.Л. Андреев):

Вы сделали прекрасный доклад, поздравляю Вас! Здесь выявились некоторые вещи по поводу исторического и философского подхода. Проблемный анализ Вы сделали скрупулезно, добротнo. Но возникает вопрос: а что потом? Поскольку это Центр не только проблемного анализа, но и государственно — управленческого проектирования, — какие возможные проекты Вы видите в качестве развития результатов, достигнутых Вами в докладе?

Ответ:

В начале доклада были приведены цитаты наших политических лидеров. Они именно так — через эффективность и прибыль — определяют и стратегическое целеполагание. Если мы вводим критерий «жизнеспособность страны», то можно определить, куда страна движется. Можно диагностировать вектор ее движения: идет ли она к максимизации или минимизации своей жизнеспособности? Исходя именно из этого, и нужно оценивать эффективность государственной власти. Эффективна ли государственная власть, укрепляет ли она жизнеспособность страны или ведет страну к гибели? Утверждение этой методологии оценок и составляет главный пафос доклада. А далее — должно быть определено, какие государственно-управленческие решения максимизируют жизнеспособность страны. Определяя их, выстраивается развернутая пакетная программа государственной политики.

Вопрос (Т.А. Чикаева):

Я не увидела духовного элемента... Говорилось о материальной схеме, материализации способности существовать и т. д. Духовный элемент должен присутствовать или нет? Есть ли отличие просто жизни и социальной жизни?

Второй вопрос: Вы показываете, что религия формирует ментальность. Это строго последовательно? То есть сначала на базе природных факторов формируется религия, хотя это достаточно серьезное мировоззренческое явление, и только потом формиру-

ется менталитет. Означает ли это, что приход новой религии будет менять менталитет нации, как было в России, когда язычество сменилось на православие? Изменился ли менталитет?

И последний вопрос. Я, может быть, прослушала ответ на него: в каких единицах можно измерить духовный потенциал нации? Мне понятно, как измеряется ВВП, а вот духовность — непонятно.

Ответ:

Предложена дефиниция жизни. Эта дефиниция относится не только к человеку. Специфика человеческой жизни состоит в появлении, помимо биологического, еще и социального, и духовного уровня бытия. Весь доклад об этом. Существовать не значит существовать сугубо биологически. Максимизация жизненных потенциалов для социальной системы — это, ввиду категориального трехосновного определения жизни человека, есть максимизация и материальных, и социальных, и духовных потенциалов. Никакой материализации здесь нет. Напротив, принцип «быть», как в свое время подчеркивал Э. Фромм, противостоит сугубо материальному принципу — «иметь».

Различные формы жизни возникают на разных стадиях эволюции. Одним из эволюционных этапов явилось возникновение жизни социальной. Переход к нему в человеческом сообществе связывался с установлением системы табу. Посредством табуизации человек вводил ограничения на действие биологического начала.

Различие религий определялось в значительной мере различием природных сред. Адаптация человека к средовым условиям закреплялась первоначально посредством религиозных установлений. Эти установления соотносились с формированием национального менталитета. Христианство сменило на Руси язычество. Соотносилась ли такая замена со сменой менталитета? Изменения в менталитете, безусловно, произошли. Но язычество на Руси было специфически русским язычеством, так же как христианство — специфически русским христианством. Ценностной пропасти между ними, как это было принято считать, не существовало. Не было такой пропасти также между православием и идеологией коммунизма.

Связь «религия — менталитет» сохраняется и сегодня. Казалось бы, в современном секулярном мире фактор религиозной принадлежности существенной роли не играет. Однако проведен-

ный эксперимент убеждает в обратном. Были взяты различные экономические, социальные, политические показатели и сопоставлены с различной религиозной принадлежностью стран. Получилось, что страны по этим параметрам четко кластеризуются в зависимости от конфессии. И это при том, что большинство населения многих из рассмотренных стран относится к категории неверующих. Значит религия проявляется в данном случае не на уровне веры, а на уровне менталитета.

Духовный потенциал — как его измерить? Конечно, это задача нетривиальная. Мы с ней впервые столкнулись в исследовании, связанном с разработкой демографической проблематики. Понятно, материальный фактор рассчитывать было не сложно. Весь вопрос состоял в нахождении репрезентативной статистики. А как рассчитать слабоформализуемые несиловые параметры? Здесь мы пришли к выводу о необходимости экспертной оцифровки. Группа экспертов оцифровывала на длинной шкале исторического времени с шагом по пять лет, более чем по 70 индикаторам состояние духовности и цивилизационной идентичности России. Суммировав и усреднив показатели, мы получили некую кривую, характеризующую оцифруемые нематериальные потенциалы российского общества.

Но есть и статистически верифицируемые косвенные показатели. Достаточно посмотреть, к примеру, на показатель суицида. В XIX в. Российская империя, вместе с Испанией, имели наименьшие показатели суицида в Европе. Минимум самоубийств соотносился с наличием смыслов жизни, задаваемых традициями религии. Сейчас ситуация прямо противоположная. По количеству самоубийств показатели России, вместе с Украиной и Литвой, — худшие в мире. Россияне кончают жизнь самоубийством чаще, чем они гибнут в результате убийств.

Другим косвенным показателем является коэффициент преступности. Есть, таким образом, методы экспертных замеров состояния духовности, а есть методы ее опосредованного статистического раскрытия.

Вопрос (С.Г. Кирдина):

Спасибо за доклад. У меня вопросы в продолжение вопросов коллеги. Суть Вашего доклада сводится к тому, что сложная соци-

альная система может рассматриваться как чисто биологическая. И с этой (Вашей) точки зрения та система, которая размножается лучше, она и развивается лучше. Насколько правомерно, на Ваш взгляд, оценивать уровень развития *сложной* социальной системы только параметрами ее демографической мощности? Нет ли здесь противоречия с тем, что Вы пытаетесь показать отличия социальной жизни от жизни как таковой? Это первый вопрос.

Второй вопрос связан с анализом разбалансировки системы. Вы говорите, что имеет место, в частности, духовная деградация и другие негативные процессы. Можно ли сравнить влияние на разбалансировку системы таких факторов, как упоминаемое Вами падение нравов и снижение потенциала самоорганизации, когда входят в противоречие политические и экономические компоненты институционального механизма самоподдержания целостности системы?

И третий вопрос. Когда Вы показывали данные по уровням заболеваемости среди представителей разных рас, проживающих в одной стране, — проверялась ли значимость влияния фактора уровня жизни?

Ответ:

Суть доклада понята с точностью до наоборот. Доказывалось как раз то, что социальная система не может быть сведена исключительно к биологическому бытию. Есть более интегративный показатель жизнеспособности. Этот показатель рассчитывается на основе трех базовых потенциалов сложной социальной системы: а) территории; б) народонаселения, которое характеризуется в параметрах не только демографических; в) качества государственного управления. Но в рамках дальнейшей факторной декомпозиции важно учесть и показатели, связанные с демографическим потенциалом.

Причем демографические показатели не исчерпываются, как это представлено в вопросе, исключительно размножением. Коэффициент витальности включает также показатели смертности и ожидаемой средней продолжительности жизни. Хотя и по репродуктивности можно судить, насколько общество ориентировано на самовоспроизводство (ориентир «дети» противоположен эгоцентричному ориентиру).

С.Г. Кирдина:

Позвольте я поясню. Вы сводите социальную систему к системе биологической. Почему не учитывается уровень образования, качество и т. п.? Вопрос у меня относился к духовной компоненте.

Ответ:

Повторяю еще раз: социальная система не сводима к биологическим показателям. Наиболее интегральной формулой, характеризующей социальную систему, является коэффициент жизнеспособности страны (КЖС). На его расчете внимание в докладе не акцентировалось ввиду того, что ранее на его представление был акцентирован специальный доклад С.С. Сулакшина.

Рассчитываемый по демографическим показателям коэффициент витальности менее интегративен. Но для характеристики состояния системы он тоже важен. Показатели рождаемости в человеческих сообществах не тождественны размножению («кто размножается лучше...»). Рождение нового человека не сводится исключительно к биологическому воспроизводству. Это и вопросы воспитания, личностной социализации, самоограничения родителей в пользу ребенка, вопросы альтруизма. Альтруистический подход для биологической жизни не характерен. Он имманентен жизни социальной. Поэтому через показатели рождаемости можно получить косвенные представления о духовных потенциалах общества. Причем, как показывает факторный анализ, через данные демографии духовные потенциалы проявляются гораздо индикативнее, нежели потенциалы материально-биологического состояния.

Что касается деградации социумов. Конечно, деградационный процесс определяется не только эрозией потенциалов народов, но и эрозией власти. Если мы посмотрим, к примеру, на факторную роль предательства элит в распаде СССР, то она окажется наиболее значимым фактором. Поэтому качество государственного управления — это тоже важный, а в определенных случаях — самый важный параметр в характеристике жизнеспособности социальной системы.

Единственная оговорка. В вопросе прозвучало противопоставление идеологии самоорганизации социумов. Зачастую именно идеология выступает в качестве важнейшей скрепы самоорганизации. Национальная идея, продуцируемая самим народом как опыт

обеспечения жизнеспособности страны, задает ту матрицу, которая обеспечивает в значительной мере единство и развитие нации.

По поводу данных по США в отношении расовой вариативности распространения болезней. Существует много исследований этого феномена. Есть болезни, которые задаются действительно различием социальных уровней жизни. Но, согласно данным американских исследований, есть и болезни расовые. При равном социальном статусе представители разных рас оказываются устойчиво подвержены им в большей или меньшей степени.

Вопрос (С.А. Кравченко):

Мне понравился Ваш доклад. Здесь уже говорилось о том, что предложенный подход — это историко-философский анализ. Как-то так получилось, что социологическая проблематика, социологические наработки оказались вне поля зрения автора. Те исторически обоснованные корреляции, которые Вы проводили, с Вашей точки зрения, адресованы и могут быть использованы для интерпретации сложных систем. Но это линейные корреляции, относящиеся всегда к внешним факторам. Вы достаточно детально рассматривали их и переносили на сложные системы. Вместе с тем, все-таки сложные системы, как я себе представляю, это нелинейно развивающиеся системы, это системы, которые развиваются совершенно по другим — сложным причинам, включающим в себя не только *внешние*, но и *внутренние* факторы в виде саморефлексии, вдруг-событий, разрывов, травм, системных кризисов, «нормальных аварий», описанных Чарльзом Перроу. Первый вопрос: собственно внутренние причины Вы как-то рассматривали?

Далее. Сообразно тому, что Вы сказали, хотелось бы услышать Вашу точку зрения относительно будущего цивилизаций в свете Вашего тезиса о возможности цивилизационных откатов.

И последний вопрос: Вы говорили о взаимовлиянии биологического, социального, духовного. С Вашей точки зрения, биологическое изменяется или нет? А духовное? Каким образом?

Ответ:

Методология, в рамках которой осуществляются многие исследования Центра проблемного анализа и государственно — управ-

ленческого проектирования, представлены системой факторной декомпозиции (деревом проблем). Первоначально выявляются причины интегральные. Дальше в результате проблемной декомпозиции мы выходим на понимание причин атомизированных, доведенных до элементарного уровня. «Сложное» через факторный анализ доводится до «простого». И в этой логике обнаруживаются факторы, проявляемые самым различным образом, действующие как линейно, так и нелинейно. Обнаружилось, в частности, что государственно-управленческие решения по разным направлениям политик осуществляются с различным лагом во времени. И это учитывается.

Учитывались ли в нашей разработке эндогенные причины? В докладе рассматривались как раз исключительно внутренние причины. Базовые потенциалы государственности — территория, народонаселение и государственное управление — образуют сложную социальную систему. Влияние их друг на друга, а также влияние отдельных их элементов и составляют внутренние причины развития социальной системы. А есть еще внешние факторы — влияние других цивилизаций и государств. Оно акцентированно исследовалось в других работах Центра — в частности, в рамках монографии «Новые технологии борьбы с российской государственностью».

Предложенный декомпозиционный подход был применен при анализе каузальных связей в разработанном в Центре учебнике по истории России для учителя. Влияло ли воспитание императора на принятие стратегий государственного развития? Влияло. А какво было это воспитание? Чаще всего — западническим. А почему оно было западническим? Потому что, начиная с Петра I, был выбран западнический ориентир развития. Интегральным фактором в объяснении оказывается государственное западничество, атомизированным — западническое воспитание императора.

Будущее цивилизаций. Ход всемирной истории выражается двумя противоположными процессами — дивергенцией и конвергенцией. Был период дивергенции, когда человек, рассредоточившись по земле, приспосабливался к тем средовым условиям, в рамках которых ему приходилось существовать. И сейчас в актуальной повестке по-прежнему еще стоит вопрос о соотношении модели государственности с цивилизационным кодом успешности. Но в дальней перспективе, как футурологический прогноз, когда у человека

возрастают коммуникативные связи, мобильность перемещений, человек отрывается от природной среды, происходит генетическое смешение, и на повестке все более будет актуализироваться вопрос о цивилизационной конвергенции. Но опять-таки это перспективы дальние. Сегодня же главная задача для России — не конвергенция, а сохранение собственной цивилизационной идентичности.

Цивилизационные откаты. Мы пытались уйти от линейной схемы прогресса. В развертке мировой истории были периоды как цивилизационных подъемов, так и откатов. В частности, такой цивилизационно-ценностный откат мы наблюдаем и сегодня. Но он не отменяет общего тренда мегаэволюции.

Модель изложения истории в значительной степени зависит от того, в каких исторических масштабах мы мыслим. Если мы мыслим в масштабах существования отдельной личности, то реализуется версия антропоморфного подхода. В масштабах существования цивилизации — цивилизационный подход. В масштабах мегапроекта существования человечества — это подход мегаэволюции.

Ничто существующее не является неизменным. Изменяется и биологическое, и социальное, и духовное бытие. Конвергенция сама по себе противоречит законам природы. Другой вопрос — в каком направлении идут изменения. Мы объясняем тренд изменений мегаэволюцией переходов от одного уровня жизни к другому. Биологическая жизнь изменяется в направлении социализации, социальная — в направлении одухотворения. И опять-таки, на этом пути возможны «откаты», тупиковые ветви развития.

Вопрос (А.А. Акаев):

Хочу искренне поблагодарить Вас, Вардан Эрнестович, за замечательный доклад. Я с удовольствием ознакомился с ним.

Большинство исследователей сегодня убеждены, что такие показатели, как ВВП и многие другие традиционные показатели являются не самыми лучшими характеристиками развития государств в современном мире. В этом смысле очень важно то, что делает Степан Степанович Сулакшин и сотрудники его Центра. Коэффициент жизнеспособности, другие интегральные характеристики (я вижу существенное развитие в Вашем докладе) могут лечь в основу новой парадигмы, которая будет лучше характери-

зовать сравнительные преимущества государств на ближайшие десятилетия в XXI в.

Мой первый вопрос. Во многих исследованиях как западных, так и российских ученых, касающихся ближайшего будущего Китая, Индии, в традиционных показателях (ВВП и прочих) утверждает-ся, что, хочу подчеркнуть, условно, как бы в кавычках «недемократичность» Китая сегодня служит преимуществом. Тренд развития современного Китая гораздо более динамичный, чем тренд развития Индии. А «демократичность» Индии служит тормозом. Это выводы, к которым пришли многие ученые, занимающиеся долгосрочными прогнозами и в США, и в Европе, и в России.

Но есть и другие мнения. Вы четко показали, что тренды жизнеспособности в Китае и в Индии сейчас прямо противоположные. У Индии он имеет позитивную тенденцию, у Китая, наоборот, нисходящую, негативную. Как Вы это объясняете? Есть ли тут противоречие? Этот полученный Вами результат мне кажется потрясающе интересным.

Ответ:

Первая часть вопроса — по поводу демократичности и недемократичности. Мне представляется, что политические институты надо рассматривать с точки зрения того, адаптивны ли они к цивилизационно-ценностным накоплениям. Большой вопрос вызывает степень демократичности западных политических институтов. Если в значительной степени политические решения определяются финансовыми мешками — демократия ли это? В этом плане демократичность Китая мне представляется выше, чем демократичность западных стран. Выше, в сравнении с Западом, был и уровень демократичности СССР.

По поводу второй составляющей вопроса — о степени жизнеспособности современного Китая. Я не китаевед, и потому предлагаемая оценка является гипотезой. Мне представляется, что Китай в настоящее время, несмотря на сохранение коммунистической идеологии, в значительной мере прельстился материальной стороной жизни. Потребительские ориентиры становятся все более очевидны. Происходит гонка ВВП, ставка делается именно на материальный фактор. В долгосрочной перспективе это может подорвать китайскую

систему. Опыт Индии в большей степени, чем Китай, свидетельствует о некоей духовной альтернативе по отношению к западной онтологии. И это коррелируется с демографическими показателями.

А.А. Акаев:

И второй вопрос: каков тренд жизнеспособности России на ближайшее будущее? Он положительный или отрицательный?

Ответ:

Апогей в динамике коэффициента витальности в истории России пришелся на 1950-е гг. А далее фиксируется тенденция его понижения. Вектор изменения в сторону повышения витальных потенциалов обозначился со второй половины 2000-х гг. Насколько этот поворот системен или же зафиксирована не более чем флуктуация? Наша версия состоит в том, что улучшение демографических показателей не отражает витальных потенциалов, а определяется достижением репродуктивной фазы многочисленного поколения рожденных во вторую половину 1980-х гг. И этот эффект в скором времени закончится. Оснований для утверждения, будто Россия меняет тренд системной деградации, нет.

В Центре был проведен анализ по нескольким десяткам отражающих развитие России статистических показателей. Очень ограниченное количество этих показателей действительно улучшается. Но судя по подавляющему большинству параметров деградация продолжается. Уменьшилась, в сравнении с 1990-ми гг., скорость падения, но сам тренд падения так и не был изменен.

Вопрос (С.И. Реснянский):

На мой взгляд, выступление было блестящее, можно даже сказать, что гениальное, глубина необъятная.

Мой вопрос. У науки и религии — разные духовные коды. Наука, на мой взгляд, это прежде всего структурирование действительности в некую понятную модель, которую сегодня показал докладчик. Религиозное же объяснение событийной канвы истории всегда сопряжено с неким Откровением, оно часто ускользает от вербального оформления. В истории религиозный подход — это прежде всего историософия упадка, регресса, это Армагеддон

в конце жизни. Вы пытаетесь соединить религиозный и научный подходы. Насколько их конвертируемость возможна в жизни?

Второй вопрос. Жизнь у Вас выступает как главный критерий ценности. Это совпадает с религией — например, идеей преобразования жизни в православии через преодоление греховной природы человека. Но в религиозной системе ценностей есть более значимые ценности, чем жизнь. Насколько правильно определять жизнь как главную ценность?

И третий вопрос. У Вас религия представлена как адаптация к средовым условиям. Отсюда естественен вывод о множественности истин — одна религия, другая религия. Где же, на Ваш взгляд, «истинная» истина?

Ответ:

Что касается науки и религии. Наука исторически возникла на определенном этапе развития познания. Изначально знания были универсальные. Они не делились на знания религиозные и нерелигиозные. Существовала единая когнитивная система. Философским основанием деления на религию и науку суть разграничения сводилась к тому, что есть истина трансцендентная, знания о Боге, а есть знания об эмпирическом уровне бытия (религия). Религиозный уровень, пояснял Ф. Бэкон, мы выносим за скобки, мы его не рассматриваем. Но выведение за скобки еще не означало его отрицания. Далее эмпирическое знание стало дробиться на отдельные дисциплины. При этом возникает проблема утраты интегрального знания. Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования подготовлена монография по проблеме соотношения научного и религиозного знания. Наш вывод, к которому мы подошли: принципиальных различий как в методах, так и в содержательных выводах между наукой и религией не существует. И вновь на повестке вопрос объединения религии и науки.

Когда-то на начальной стадии модерна различия казались принципиальными. Однако современные научные открытия приводят все больше к тому, что научное и религиозное знание корреспондируются.

Вопрос о прогрессе и регрессе. По отношению к религиозной историософии сложился стереотип, связанный с возникновени-

ем идеологии консерватизма. Представление о религиозной историософии как историософии упадка идет от Жозефа де Местра. Это была реакция на Французскую революцию. Однако изучение самих религий, а не их интерпретации в рамках идеологии консерватизма, не позволяет говорить о схеме регресса. Пришествие Христа, христианизация языческого мира — что это как не исторический подъем? «Третий Рим» по отношению к Византии и Ветхому Риму — это деградация или подъем? Мы видим, что позиция регресса в религиозной историософии не предопределена. Есть «откаты», периоды упадка, но есть и периоды подъемов. Поэтому религиозная историософия не должна, как минимум, противопоставляться идее эволюции человечества.

Для религии, как утверждается в заданном вопросе, есть более значимые критерии, чем жизнь. Религиозные подвижники отдавали свою жизнь во имя высших идеалов. Упрек был бы справедлив, если жизнь трактовать исключительно в биологическом смысле. Стереотип пошел от Ж.Б. Ламарка. Это он вывел от термина «биос» — «жизнь» понятие «биология», которая рассматривается в ракурсе животных аспектов бытия.

Мы же говорим, что есть жизнь не только биологическая, но и духовная. В плане религиозном есть жизнь вечная. Но опять-таки жизнь. И не ради ли этой вечной жизни шли на биологическую смерть религиозные подвижники! Потому жизнь для религии — тоже главная ценность. Мы расширяем границы понимания жизни, выводя ее за рамки чисто эмпирико-биологического значения.

Ответ на вопрос о средовых условиях и вариативности религий я проиллюстрирую рисунком в виде пирамиды (рис. 1).

Разные ее уровни — разные традиции. Есть традиция, условно назовем ее примордиальной. Это традиция, которая обнаруживается во всех религиях. Это «белый» ценностный пакет человечества. Все религии на этом уровне говорят об одном и том же. Однако на следующем уровне уже обнаруживаются различия. Это уровень цивилизационный. Различия религий связаны с различием среды существования человека. Третий уровень — традиции локального бытия: различия становятся еще более существенны. И здесь важно подчеркнуть, где начинаются расхождения между религиями. Они расходятся на уровне сред, тогда как на более вы-

Рис. 1. Иерархия традиций

соком уровне они едины. И недоразумение, а зачастую провокация — столкновение религий. Задача — это обеспечение их диалога и обнаружение общих оснований.

Вопрос (Д.С. Чернавский):

Мне очень понравился доклад. Во-первых, понравился его естественнонаучный подход. Это хорошо представлено. Второе, что понравилось, это баланс детерминизма и духовности. Да, действительно, между ними должен быть баланс. Детерминизм — это предопределенность с точки зрения условий геологических, климатических и т. д. Все ли это определяет целиком и полностью? Нет. Есть еще нечто, с моей точки зрения, — это условная информация, она же есть духовность. Там детерминизм не обязателен, хотя это научно-естественный подход.

Ну и, наконец, религия и менталитет. Что было первым из них? Ответ мне очень понравился: и то, и другое. Это взаимосвязанные, влияющие друг на друга категории.

Краткий вопрос на уточнение: правильно ли я понял, что демократическая идеология и выживаемость, т. е. витальность, в России противоречат друг другу? Мне бы хотелось, что бы в ответе не было о том, что демократия — это то-то и то-то. Демократия у нас в России понимается определенным образом: вот что есть — то и демократия. Правильно ли я понимаю, что Вы четко ставите вопрос: демократические ценности, демократическая идеология в России ведут к регрессу?

Ответ:

Для России не приемлем вариант либеральной демократии, для которой человек есть индивидуум и которая ориентирована на разборку социума. В России исторически была выработана своя модель народовластия. В имперский период она была выражена в формуле православной народности. Есть царь, есть народ, и они объединены православным учением. В период существования СССР формой народовластия были советы. Каждая цивилизация выработала свою идентичную модель демократии.

Мне импонирует подход, который был предложен Аленом де Бенуа. Он говорил о трех вариантах демократии, соотносимых с триадой французской революции: свобода, равенство, братство. Первый вариант — это либеральная демократия. Для нее главное ценностное основание — индивидуум и его свобода. Второй вариант — эгалитарная демократия, для которой главное уже не индивидуум, а совокупность этих индивидуумов и их равенство. Но есть и третий вариант демократии — это органическая демократия, соотносимая с категорией «братство». Главная ценность для нее — народ, понимаемый как культурно-историческая общность, с акцентом на традициях, цивилизационно-ценностных накоплениях.

Вопрос (С.С. Сулакшин):

Позволю себе небольшую преамбулу к вопросу. Основная гипотеза работы заключается в том, что социальные системы, проще — социум, есть форма жизни. Нет сомнений, что отдельный человек — это форма жизни. Но утверждение состоит в том, что совокупность множества отдельных жизней составляет единичную целостность как самостоятельную форму жизни. Ряд доказательств иллюстративного плана в докладе были приведены.

Мой вопрос: если механическая совокупность, условно механическая, множества людей есть самостоятельная, самозначимая форма жизни, то являет ли собой самостоятельную, самозначимую форму жизни стадо особей, например, антилоп гну или муравьев, собравшихся в свое сообщество? Предполагаю, что в ответе может прозвучать утверждение: нет. Стадо — это не есть форма жизни, а вот социум, как человеческое стадо, — это есть форма жизни. Тогда вопрос окончательный: что делает множественное собрание

отдельных людей целостностью? Что их соединяет и позволяет говорить, что unit — неделимая, иная форма жизни? Есть ли невидимая глазу какая-то скрепа, которая отдельные части, атомы, объединяет в новый вид целостности, в новый атом, новую форму жизни? Что это может быть такое?

Ответ:

В Вашем вопросе заложено несколько подвопросов, в том числе о применимости жизни в отношении социума. Были возможны три варианта ответов. Вариант первый: жизнь социума — это жизнь организма, с соответствующими его природе органами. Второй вариант: категория «жизнь» применительно к социуму используется как аналогия. Третий вариант: мы говорим о живой системе, элементами которой являются природа, биологическая популяция и соединяющие их связи. Полученные результаты говорят о правильности именно третьего подхода. Возникновение различных форм жизни — биологической, социальной, духовной — выражается различными ступенями эволюции. У животных тоже есть элементы социального. Но тут вопрос о пропорциях. У животных доминирует биологическое начало, у человека — социальное. Социализация и является той скрепой, которая объединяет социум.

Социализация выражается посредством норм. Первыми такими нормами являлись табу. Через эти нормы общество формируется как единая и целостная система. И наоборот, снятие данных скреп ведет к эрозии социальной жизни.

С.С. Сулакишин:

Вынужден сделать уточнение. Ваш ответ апеллирует к такому инструментализму. В определении жизни есть апелляция: жизнь стремится к самовоспроизводству, т. е. должны быть потенциалы, которые увеличивают ее способность быть жизнеспособной. Вы сказали, что социализация — это инструмент, который увеличивает жизнеспособность человеческого сообщества по отношению к биологическому сообществу. Абсолютно согласен. Но это лишь инструмент, который характеризует потенциал. А мой вопрос касался поиска некоторой вульгарно-материальной первопричины, субстанции, которая механическое сомножество делает целост-

ным. В чем? Не только ведь в инструментах, на какой-то договорной основе. Есть ли некая абсолютная материальная субстанция, которая эту форму жизни делает неделимой, целостной?

Ответ:

Существует ли субстанция, которая делает народ народом или общность социальной общностью? Мне представляется, что если искать основания в материальной сфере, то назвать какую-то одну субстанциональную основу социальной жизни нельзя. Действует комплекс факторов. Другое дело, если мы расширим поиск субстанциональных основ, включив в него идеальные категории, традиционно рассматриваемые в рамках религии. Речь идет о некой задающей телеологическую перспективу идеальной силе. В рамках теории эволюции она связана с осмыслением феномена эмерджентности.

Реплика (А.А. Акаев):

Имеется ли аналогия с львиным прайдом у человечества? В человеческом обществе есть такие единицы, как львиный прайд?

Ответ:

Определенные аналогии найти можно. Но они относятся не ко всему человечеству, а скорее к определенным общественным типам. Аналогии с прайдом можно провести, в частности, применительно к системам гаремов. Сильнейший самец заводит гаремы, тогда как слабейшие лишаются права брачности. Такие отношения возникают при обострении биологического по своей сути императива. Развитие же человечества идет в направлении солидаризации.

Можно найти и другие аналогии. Существует, например, теория социальной паразитологии. Паразитарную модель представляет, в частности, современная мировая экономика. Но есть, как известно, и паразиты биологические. К паразитам относят примерно 5% видов животных.

А.А. Акаев:

Вы сформулировали как «социальные животные». А «политические животные» — уместна ли такая трактовка?

Ответ:

Вот западный подход к рассмотрению человека, идущий от Аристотеля, а потом повторенный Спинозой: человек — политическое животное. Только принадлежащий к «политес» и есть человек. А если людская особь не относится к «политес», элитаристскому уровню социальности, значит, в рамках этого подхода, он и не человек. На этой основе исторически реализовывался западный проект. Он стал основанием колониализма и расизма как в их классических, так и современных модификациях.

Наш подход состоит в том, что на человека общее определение «животное» (будь то животное социальное или политическое) распространять не корректно. По отношению к человеку доминирует социальная форма жизни, по отношению к животному — биологическая.

Реплика (С.А. Кравченко):

На мой взгляд, есть такой фактор, который отличает любое человеческое сообщество от стада, — это символы. Только символы цементируют людей и объединяют их в сообщества, стоящие на порядок выше, и на порядок качественно иным получается взаимодействие между людьми.

В.Э. Багдасарян:

А откуда у человека появилась возможность продуцировать символы? Эта возможность, очевидно, связана с абстрактным мышлением. Развертывая такие каузальные связи, мы опять-таки выходим не на одну субстанциональную основу, а на комплекс причин социогенеза.

Если говорить в рамках религиозной объяснительной парадигмы, то тогда единую субстанцию можно обнаружить. Согласно христианской традиции, отличие человека от животного определялось существованием души. Есть душа, то говорим о человеке, нет души — говорим о животном. Конечно, душа есть сущность метафизическая и эмпирически трудно верифицируемая, но, тем не менее, сам подход требует развития и осмысления.

Востребованность комплексного, междисциплинарного подхода к анализу сложности

С.А. Кравченко, доктор философских наук

Я уже дал оценку доклада — она весьма положительная. Доклад был сделан в историко-философском ключе. Однако в нем не было социологии, представители которой имеют существенные достижения в исследовании сложного социума. Думаю, что это упущение. Со своей стороны, я готов сделать собственно социологическое сообщение на эту тему.

Так, в докладе поднимался вопрос о *критериях жизнеспособности* социальной системы. На этот счет имеются интересные социологические наработки, которые следует учесть. В частности, американский социолог Т. Парсонс в свое время вывел формулу — AGIL — жизнеспособности *любой* системы: чтобы быть функциональной и эффективной она должна отвечать четырем основным требованиям:

1. *Адаптация* (adaptation) предполагает приспособление системы к ее внешней среде.

2. *Целедостижение* (goal attainment) означает, что система должна вырабатывать цели и достигать их.

3. *Интеграция* (integration) предполагает способность системы осуществлять внутреннюю регуляцию и координацию элементов системы действия.

4. *Латентность* (latency) в живых организмах, по существу, выполняет функцию *генетического кода*, обеспечивая *скрытое* поддержание и воспроизводство института социальной практики и т. д. В итоге формируется *подвижное равновесие* существования системы.

С тех пор, когда данный подход обосновывался (40–70-е гг. прошлого столетия) и использовался многими учеными, прини-

мался на вооружение практиками-управленцами, прошло не так много времени. Но социум — согласно постулата «стрелы времени», обоснованного И. Пригожиным — усложнился существенно, приобретая новые качества. Если прежде жизнеспособность системы обеспечивала функциональность *относительно стабильных* ценностей и норм, которая в случае тех или иных девиаций достаточно эффективно восстанавливала социальное равновесие системы, то ныне ситуация меняется: по мере усложнения социума усилия по восстановлению социальной системы, порядка и т. д. почти всегда порождают *дальнейшие непредвиденные последствия*, возникающие прежде всего за счет саморефлексии системы и социальных акторов. Они часто бывают такого характера, что отодвигают систему дальше от упорядоченного равновесия. Кроме того, ее функциональность все более зависит от сложных сетевых связей с другими системами. Функциональный сбой в одних вызывает турбулентность в других.

В докладе поднимались вопросы по поводу медицины и болезней. Однако приводились прямые, линейные корреляции, которые применять к реалиям сложного общества некорректно. Есть современная социология медицины, которая делает акцент на изучении нелинейных корреляций заболеваний. В развитых, относительно социально благополучных странах порой наблюдаются просто взрывы заболеваний, которые имеют сложную природу, культурно обусловлены — они порождены не только (и не столько!) биологическими, бактериологическими факторами, сколько факторами культурных травм, медиализации и т. п.

Приведу лишь несколько примеров нелинейных корреляций заболеваний, когда усилия по оздоровлению обретают ненамеренные, а то и обратные последствия.

Медиализация приводит к тому, что ранее считавшиеся «нормальные» практики рассматриваются в терминах болезни или расстройств, обретают статус патологии. Это касается прежде всего еды: имеет место рационализация диеты, утверждаются диетологические дискурсы, по существу навязывающие принудительный выбор продуктов питания. В итоге растет чувство того, что социологи называют «рациональным невежеством», которое ставит под вопрос традиционную кухню, характерную для локального социума. Кро-

ме того, медиализация может вести к появлению «экстремальных форм озабоченности здоровьем», «гигиенического стресса», развитию «целительства», холистической медицины, а фитнес-центры все шире применяют лекарства для ускоренного эффекта бодибилдинга, порождая новые культурно созданные риски.

Нет надобности говорить о том, что латентные последствия употребления ряда лекарств имеют отложенный негативный эффект для здоровья пациентов и, вероятно, могут даже сказаться на последующих поколениях.

Мы привыкли к утверждениям, согласно которым бедность и болезни находятся по одну сторону, а богатство и здоровье — по другую. В сложном обществе это далеко не так. Социолог М.Л. Рей из Испании поставил эту «истину» под вопрос, отметив возникшие новые нелинейные корреляции: «Диабет описан как болезнь богатства: он практически отсутствует в бедных странах, число случаев заболеваний им высоко в развитом мире, и оно драматически увеличивается в развивающихся странах... В настоящий момент в мире насчитывается порядка 150 млн людей, страдающих этой болезнью, и по оценочным данным их численность удвоится в ближайшие два десятилетия»¹.

В докладе также поднимались некоторые вопросы, относящиеся к роли демографического фактора. Убежден, прямые корреляции в демографической сфере сегодня не надо допускать, особенно когда мы говорим о сложных системах. Современная демография предполагает использование сложного теоретико-методологического инструментария, к которому следовало бы обратиться.

Приведу лишь один пример. В докладе показывались четыре фактора, непосредственно влияющие на рождаемость, но не назывались латентные, роль которых в сложном социуме возрастает. Один из них — образование. Оно является лучшим латентным «противозачаточным средством». Во всех странах, где растет образование, репродуктивное поведение женщины становится совершенно иным. Кроме того, возникли совершенно новые потребности, влияющие на демографию. Медийные симулякры нашего

¹ The 8th Conference of the European Sociological Association. Conflict, Citizenship and Civil Society, Glasgow, 3rd — 6th, September, 2007. Abstract Book. P. 229.

телевидения с утра до вечера воспроизводят *желание желания*. Эту искусственно созданную потребность удовлетворить в принципе нельзя. Соблазны новинок шоппинга, отдыха, развлечений, естественно, изнутри подрывают многовековые традиции воспроизводства детей.

В других странах — свои демографические проблемы, обусловленные культурно локальными факторами. В некоторых из них проводится определенная биополитика со стороны государства, которая накладывает отпечаток как на культурные традиции, так и на технологические инновации в медицине. К чему это приведет? Социологи бьют тревогу. В сегодняшнем докладе приведен пример демографического бума в Индии через призму линейного моделирования современных тенденций. Но, по мнению самих индийских социологов, данные тенденции способны дать сбой. Так, современная медицинская диагностика позволяет выяснять, кто родится — мальчик или девочка. В силу существующих традиций оставляют мальчиков. Каковы будут ненамеренные последствия этого через одно-два поколения? Никто точно не знает.

Словом, в сложном социуме, повторяю, возникают очень и очень сложные корреляции. Их можно и нужно учесть на основе комплексного, междисциплинарного подхода к анализу сложности.

В поисках методологии анализа сложных систем

С.Г. Кирдина, доктор социологических наук, кандидат экономических наук

Еще раз спасибо за доклад, в котором поставлены очень важные проблемы. Масштабность поднятых вопросов порождает, в свою очередь, вопросы к докладчику.

Главный из них, на мой взгляд, заключается в поиске необходимой методологии, способов анализа сложных социальных систем, чему и посвящены основные заседания нашего семинара. Тот метод, на который ссылается автор, который им используется, вызывает у меня вопрос: насколько он адекватен для анализа нашего

сложного системного объекта? В этом я поддерживаю замечание Сергея Александровича Кравченко: действительно, вряд ли можно так механистично анализировать сложные социальные системы. Полагаю, что нам всем важно определиться в этом вопросе.

Второе соображение касается определения того, что такое витальность. То, как Вы определили витальность сложной социальной системы, легко можно отнести к витальности того самого стада антилоп гну, о котором говорил Степан Степанович Сулакшин. Вы можете взять это стадо, посчитать, сколько там особей, какова средняя продолжительность жизни, рождаемость и т. д., и определить витальность. Но можно ли говорить о витальности социальных систем лишь с такой точки зрения? Каждая социальная система сегодня находится во взаимодействии с другими социальными системами. И дело не только в том, чтобы система воспроизводилась количественно, а в том, чтобы она была способна удерживать эту свою жизненную силу. А мы знаем многочисленные примеры ряда стран — Индонезия и др., — которые имеют и высокую рождаемость, и предоставляют хорошее образование, но возникают другие центры притяжения их многочисленного образованного населения за пределами этих стран. Даже если население в социальной системе хорошо размножается, а потом наиболее образованные и в наилучшем фертильном возрасте граждане уезжают в Европу или Америку, то является ли такая система жизнеспособной?

Хочу высказать еще пару конкретных замечаний, которые, возможно, окажутся небесполезными для развития исследований, проводимых нашим уважаемым докладчиком. Первое касается перехода от нелинейности к линейности. Это сложный вопрос. Все мы понимаем, что сложная система — нелинейная система. В то же время при построении математических моделей мы, взяв за исходную точку процессы нелинейные, потом переходим к логарифмам, системам линейных уравнений, т. е. это нормальный шаг. Человеку трудно эту нелинейность, эту сложность как-то предъявить, но все же какие-то «переходные мосты» нужно делать, и делать это следует более аккуратно.

Второе замечание касается религии и точки зрения на то, как она структурирует общество. В той же Библии написано, что Богу

Богово, а кесарю кесарево. Все-таки религия в основном, как мне кажется, адресована к душе человека, и она — по крайней мере после времен средневековья — не ставит своей задачей предписывать, как должен быть устроен социум. Думаю, что у Бога не было такой задачи. Поэтому приведенные на эту тему показатели, а главное — объяснения кажутся мне уязвимыми.

В целом, несомненно, мы присутствуем при обсуждении очень важной и трудно поддающейся решению проблемы. Мы и сами над ней мучаемся: как анализировать сложные нелинейные СОЦИАЛЬНЫЕ системы и избежать при этом искушения воспользоваться подходами в духе механицизма и эволюционизма? Давайте думать над этим вместе.

Что есть живое и что такое духовность

Д.С. Чернавский, доктор физико-математических наук

Я уже говорил, что доклад мне очень понравился, поэтому сразу перейду к замечаниям, причем в основном положительного характера.

Первое замечание — определение живого. Предлагаю включить в определение живого генерацию *условной* информации. Что имеется в виду: всякое живое способно к самоорганизации, оно образует внутри своего сообщества генетический код; каждое живое социально способно генерировать свой язык и т. д. Это все примеры условной информации, и они важны.

Теперь определение человека. Предлагаю включить, что человек — животное, владеющее членораздельной речью. Членораздельная речь позволяет оперировать не только предметами, но и символами. Считаю, что это одно из очень важных дополнений.

Следующее. Влияние духовного на медицину и биологическое состояние. Берусь показать на молекулярно-биологическом уровне, на уровне физиологическом и нейрофизиологическом, что да, действительно, духовное состояние человека, вера или отсутствие таковой очень серьезно влияют на системные заболевания — та-

кие как стенокардия, онкология, диабет. Здесь я позволю не согласиться с коллегой Кравченко. Я не соглашусь с тем, что изменение питания является главной и единственной причиной возникновения диабета. Духовное может быть триггером, если эта духовность или ее отсутствие захватывает многих.

Наконец, последнее — определение понятия «сложность». Разумеется, мы работаем со сложными системами. Интуитивно это понятно. С другой стороны, философ XVIII в. Григорий Савич Сковорода говорил: «Слава тебе, Господи, что создал все нужное несложным, а сложное — ненужным». Что это значит? Это значит, что если вы четко сформулируете цели и задачи исследования и поймете, что вам нужно узнать об этой системе, то в конце концов вы найдете этот ответ и сможете сформулировать его в максимально допустимой простой форме. В математике это одна из глав теории катастроф, где есть понятие о коразмерности, и оно эквивалентно понятию сложности.

Всегда нужно иметь в виду, что в любом исследовании вы должны четко ставить цель: для чего вы исследуете и что вы хотите понять и увидеть. Кузьма Прутков говорил: «Бросая в воду камушки, смотри на круги, ими образуемые. Иначе твое занятие будет пустою забавою».

Жизнь — категория всеобъемлющая

*С.С. Сулакишин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук*

Мое выступление — это не какое-то утверждение, а скорее еще один взгляд на поставленный в докладе Вардана Эрнестовича вопрос.

Позволю себе некую иллюстрацию. Основное рассуждение идет в смысловом пространстве «живого». Обнаруживается ли новая форма жизни на высоком социальном этапе эволюционного коридора? Окружающее мироздание находится в состоянии «не-жизнь». Оно состоит из микрочастиц, атомов и простейших мо-

лекул, постепенно в ходе длительной эволюции превратившихся в то, что маркируется как человеческое общество, «сложная социальная система». В промежутке, как можно увидеть, было некое движение, в логике которого возник вопрос о сложной социальной системе и ее «жизнеподобности». Правомочен ли такой образ, к которому доклад подводит способом богатой, насыщенной иллюстрации? Свойства и особенности сложной социальной системы, похожие на таковые у бесспорно живых субъектов, позволяют усмотреть и предположить, что мы имеем дело с некоторым качественным скачком (рис. 1).

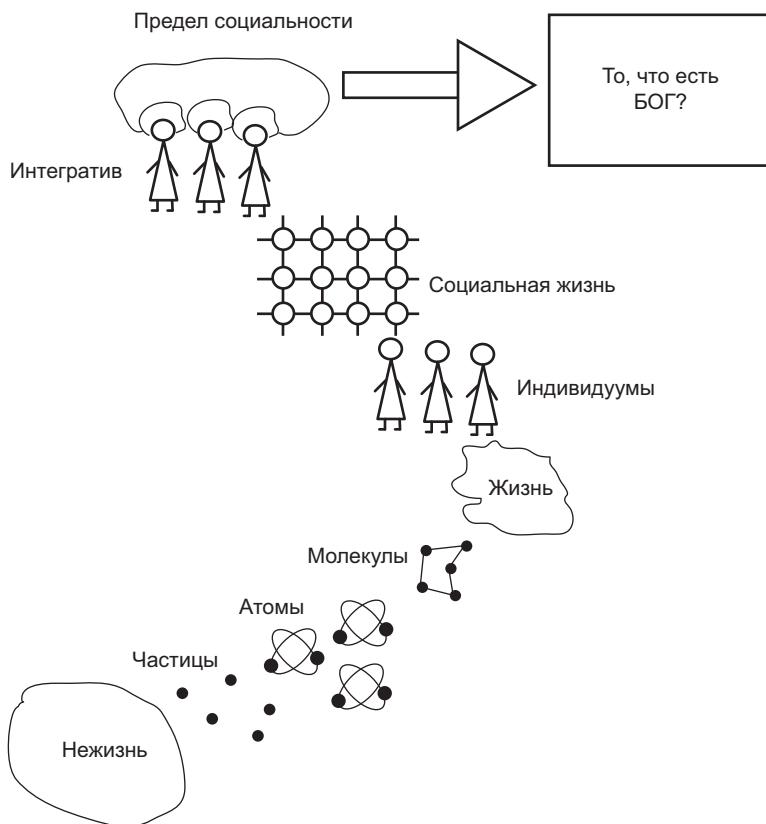

Рис. 1. Эволюция «живого»

Итак, отдельные явно неживые элементы природы — атомы — слипаются в силу своих законов в простейшие молекулы, которые впоследствии образуют сложные, громоздкие длинные молекулы; они порождают органические формы, которые слепляются в белки, клетки; клетки образуют потом организмы; организмы превращаются затем в особи; особи собираются в протосоциальные стада, рои. Признаки жизни, которые были приведены в докладе, — а Дмитрий Сергеевич Чернавский их еще потом расширил не противоречащими, а уточняющими особенностями, — действительно характеризуются самым главным: все это усложнение, вся эта эволюция ведет к повышению способности субъекта (жизни) быть живым, т. е. его жизнеспособности. Существовать, воспроизводить себя означает, соответственно, реализовывать временную экспансию через воспроизводство, пространственную экспансию — через обеспечение материальных, ресурсных потенциалов для своего существования. Даже смерть в такой парадоксальной закольцовке — это свойство, повышающее способность быть живым.

Я очень долго не мог понять православную религиозную формулировку: «смертию смерть поправ». То есть поправ смерть, породить жизнь. Может, это у меня вольная трактовка, но смерть отдельной особи дает возможность закрепить позитивную флуктуацию, передавая ее по наследству следующему поколению, что повышает жизнеспособность этого субъекта жизни, который множественен и состоит из особей. Особи повышают свою жизнеспособность, борясь с невзгодами, ресурсными недостатками. И вот появился человек. У него появилась некая новая а именно — разумная, сознательная характеристика. У него появилась социальность как инструмент противостояния агрессии природы. Это стало повышать жизнеспособность, явно более мощно и эффективно, чем просто инстинктивные, даже протосоциальные, биологические инструменты. Следующий шаг в этой расширяющейся эволюционной воронке — когда люди собрались в свое сообщество, называемое сложной социальной системой.

Мой вопрос заключался в этом. Особь явно живая, живой субъект. Но объявляется ли их сообщество (стадо) отдельным, самостоятельным, качественно отличным на своем этапе от предыдущего субъектом жизни, отличающимся от предыдущей эволюционной

формации так же, как молекула от атома, сложные органические молекулы от простейших молекул, клетка от вируса, многоклеточный организм от клетки и т. п.? Если это эволюционный скачок, качественно порождающий новую форму жизни, ее новую субъектность, состоящую в своей цельности из множества жизней, то тогда *нечто* должно быть единым началом, единой субстанцией, которая уничтожает множественность внутренней структуры и позволяет о ней забыть, наблюдая целостность. Достаточно важно и методологически производительно представлять себе целостность сложной социальной системы в виде живого организма, чтобы ее исследовать. Это не редукционизм, это модель сложного кусочка мироздания. Это может быть эффективным.

Кстати, следующий вопрос таков: а что в ходе эволюции произойдет дальше? Вызов в этой дискуссии угадывается ровно такой, как в нашем заседании семинара, посвященном проблеме сознания, проблеме разума. Сейчас проводятся очень серьезные исследования. Можно упомянуть американский мировой проект — «Глобальное сознание». Он уже дает свидетельства в пользу того, что индивидуумные характеристики, сделавшие качественный скачок от биологической природы к социальной, все соединены. Есть субстанция, которая задает целостность. Это — на чем я и в прошлый раз настаивал — заставляет логически сделать вывод: сознание человека от его тела отделимо; сознание любого человека является частью неделимого, единого, глобального сознания. Сознание материально.

Следующий шаг, который у кого-то вызывает магическое сопротивление, такой: каким же словом эту интегративность называли до нас, уже тысячи лет назад? Это слово «Бог»... Видите, у вас реакция именно такая, о которой я и говорил. Я пришел к этому выводу, не вырвав его из какого-то контекста, не взяв с потолка. Этот вывод естественным образом вытекает как некое логическое требование из предыдущего. Здесь нет пока научной модели. Или хотя бы обширной эмпирики. Просто рассматривая эволюцию живого шаг за шагом приходишь к требованию конечного единства и целостности. Здесь полшага остается до того, чтобы предположить наличие интегративной материальной субстанции, для которой человек какие-то слова и обозначения

придумывает. Я не имею основания утверждать о тождественности этого термина и подразумеваемого объекта гипотетического поиска или гипотетического номинирования смысла единой целостной структуры. Это вопрос, это вызов. Я так и сказал в начале, что моя реплика — это не утверждение, а скорее постановка вызова или вопроса.

Витальный подход к исследованию сложных социальных систем — принципиально новое слово в методологии

Т.А. Чикаева, кандидат философских наук

Мне очень понравился доклад Вардана Эрнестовича. Следует отметить, насколько хорошо и наглядно показана возможность применения витального подхода к сложным системам в отношении России. Представляется очень важным обратить внимание на некоторые принципиальные методологические принципы витального подхода.

Анализ сущности витального подхода к сложным социальным системам, а также определенное представление об иных методах научного исследования, позволяют сформулировать следующие положения.

Во-первых, витальный подход предполагает рассмотрение всякой социальной системы как целостной сущности, где целое больше суммы элементов, и эта сумма может приобретать свойства, которыми не обладает ни один из элементов, а структуры и элементы системы неравнозначны и неравноценны.

Во-вторых, указывается на обязательность рассмотрения системы во взаимодействии всех ее элементов и в связи с окружающей средой.

В-третьих, доказано, что социальную систему необходимо рассматривать динамически, т. е. в ее историческом развитии, в противоположность статическому анализу системы, допускающему неточности в результате игнорирования изменчивости системы.

Все три положения хорошо известны в науке. Так, например, широко известный диалектический метод познания основывается на таких принципах, как системность, историзм, всеобщая взаимосвязь и др. Однако витальный подход, рассмотренный в докладе, совершает в некотором смысле методологический переворот. Если гносеологические концепции исходят из приоритета духа, абсолюта, материалистические — материальных явлений, а применительно к социальным системам — экономики, то витальный подход в качестве основополагающих сущностей социальной системы рассматривает природу, т. е. среду возникновения, формирования и развития системы, ее материальные условия существования и менталитет. Иными словами, преодолевает ограниченность как идеалистического, так и материалистического подхода. Но главный, революционный методологический прорыв заключается в рассмотрении всего через призму идеи жизнеспособности, которая подчиняет себе любую активность системы или ее части. Таким образом, витальный подход предполагает применение методологических принципов диалектики — таких как системность, взаимозависимость, объективность, конкретность, историзм — под вектором идеи жизнеспособности. Этот подход позволяет по-новому взглянуть на такие вечные проблемы, как цель существования социальной системы, ценности социальной системы, смысл жизни человека и общества.

Новацией описанного в докладе подхода является четкое представление о том, что определяющую роль в жизнеспособности социальной системы играют ни материальные, а духовные факторы. Какими бы ни были развитыми материальные условия бытия сложной социальной системы, без жизнеспособной духовности она обречена на гибель. Применительно к нации это означает, что именно раскрытие лучших черт национального самосознания, наличие духовных ценностей и стремление к идеалу свидетельствуют об ее жизнеспособности. История знает немало примеров (наиболее яркий из них — Римская империя), когда социальная система потеряла жизнеспособность, несмотря на высочайший уровень развития материальной базы.

Напротив, отечественная и зарубежная история — как древняя, так и довольно близкая — свидетельствует о том, что в усло-

виях идеологического подъема, приоритета духовного, преобладания высоких нравственных категорий в общественном сознании жизнеспособность социальной системы возрастает. Великая Отечественная война, начавшаяся в совсем нелегкие для Советского Союза времена, завершилась победой советского народа — в первую очередь благодаря его духовному превосходству, господствующим в общественном сознании целям и ценностям отражения вражеского натиска.

Понимание важности идеи, идеологии при рассмотрении социальных систем имеет значение не только с научно-методологической, но и с практической точки зрения. Важно не только осознать, что духовное играет определяющую роль в существовании сложной социальной системы, но и строить собственную жизнь, собственную деятельность через призму данного тезиса. Это означает, что бесполезно создавать и изменять те или иные материальные условия, предполагая и надеясь на то, что новый базис создаст новую надстройку, т. е. изменится духовная сущность социальной системы. Перемены к лучшему возможны исключительно при внимательном отношении, понимании и раскрытии лучших духовных элементов системы. В отношении государства следует говорить о развитии национальной идеологии, которая позволила бы актуализировать лучшие черты национального менталитета, определяющие сущность нации, предложила бы идеал, который воспринимался бы в качестве такового в национальном самосознании, не вызывал бы неприятия и отторжения. Применительно к российскому обществу можно говорить о необходимости национальной идеологии, отхода от аморфного принципа паритетности идеологий и ценностей. Преобразования идеологии, сознания непременно приводят к изменениям в социальной и материальной жизни.

Вместе с тем, доклад оставил недостаточно освещенными некоторые аспекты применения витального метода познания сложных социальных систем. Профессор Багдасарян явственно показывает различие цивилизаций Запада, России и Востока, определяет понимание сущности жизнеспособности в отношении каждой из них. На примере России можно отчетливо видеть, как изменяются факторы, определяющие жизнеспособность Российского госу-

дарства, наблюдать в исторической ретроспективе его рождение, взросление, гибель и возрождение. Но блестяще примененный к уровню государства витальный подход в докладе, к сожалению, не был применен к сложным социальным системам иного уровня. Так, за рамками сегодняшнего анализа остался вопрос о том, каким образом можно оценить жизнеспособность человечества как системы, т. е. использовать витальный метод в отношении наиболее общей социальной системы. Не было приведено достаточно аргументов в пользу тезиса о том, как жизнеспособность нации, как элемента социальной системы более высокого уровня — человечества, влияет на его жизнеспособность в целом, а следовательно, остался нераскрытым вопрос о том, может ли социальная система быть жизнеспособной при нежизнеспособности определенных элементов, и какими могут быть эти элементы. Насколько будет оправдан вывод о том, какая бы система ни была жизнеспособной — будь то российская, основными ценностями которой являются соборность, духовность, коллективизм, обожение человека, т. е. связывающая жизнеспособность с приоритетом всеобщего при внимании к единичному, или западная, американская система, где идея жизнеспособности тесно связана с сохранением индивидуума, приоритетом единичного субъекта, — человечество как глобальный уровень социальной системы будет жизнеспособным всегда? Или, напротив, тезис о принципиальных различиях фактора жизнеспособности подсистем позволяет сделать вывод о том, что система в конце концов придет к состоянию нежизнеспособности, т. е. человечество завершит свое существование? Эмпирических данных для соответствующего вывода явно недостаточно. Мне, например, не известна ни одна социальная система, которая существует вечно. Было бы методологически целесообразно проанализировать влияние жизнеспособности отдельных подсистем на жизнеспособность системы в целом — в частности, определить, как и почему увеличение или уменьшение жизнеспособности одной нации, одного государства влияет на жизнеспособность всего человечества.

С другой стороны, не ясно, насколько правомерно применение витального метода на более низком уровне социальной системы, т. е. не государства и нации, а группы; или к ней не применимы

принципы витального подхода, т. е. она не может рассматриваться в терминах жизнеспособности.

Приведу для наглядности конкретный пример: является ли группа лиц, собравшаяся на нашем семинаре, жизнеспособной социальной системой? Применим ли к ней витальный подход и возможно ли говорить о жизни данной группы? Или в отношении нее невозможно говорить о какой-либо системе, о жизни, а можно говорить только об отдельных элементах, их простой математической совокупности? Возможно ли рассматривать как социальную систему любую иную группу? А если прийти к выводу о том, что группу нельзя анализировать как витальную сложную социальную систему, то насколько оправданным является анализ групп? Можно ли говорить об общественном мнении или общественном сознании применительно к группе?

Требуется также более детального раскрытия сама категория «жизнеспособность». В частности, целесообразно было бы продолжить анализ приоритетности факторов, обратив особое внимание на духовные факторы, играющие определяющую роль в оценке жизнеспособности системы. Ответ на данный вопрос позволит определить критические и некритические факторы жизнеспособности, среду их формирования, устойчивого и неустойчивого развития.

Анализ культурного кода Запада и Востока позволяет классифицировать следующие подходы к обеспечению жизнеспособности системы. *Западный подход*: система жизнеспособна, поскольку жизнеспособны ее «лучшие» элементы, победившие в конкурентной борьбе. *Восточный подход*: система жизнеспособна, поскольку ее развитие гармонирует с вечно жизнеспособной при отсутствии вмешательства природой, ее элементы строго иерархичны, а взаимосвязи между ними устойчивы; важна лишь жизнеспособность отдельных элементов.

Русское национальное самосознание в принципе соборности, соборной личности соединяет в преобразованном виде эти два подхода, преодолевая как индивидуализм и рационализм Запада, так и созерцательность и подавление личности Востока. Русский философ В. Соловьев справедливо замечал, что Запад ведет к безбожному человеку, а Восток — к бесчеловечному богу, и оба эти пути пагубны для человечества. Русское же самосознание, по

его мнению, лишено пороков и того, и другого кода. Мыслителям прошлого представлялось, что само существование Российского государства и русского общества, подобающее ему высокое место в мире являются гарантией дальнейшего существования человеческого сообщества в целом.

Сегодня достаточно много исследователей, в том числе весьма известных и заслуженных, предлагают относиться к Российскому государству как одной из абсолютно равноценных с иными национальных социальных систем. Данный подход оставляет без внимания ценностную оценку национальной культуры, ее значимость в масштабе мировой культуры, воздействие судьбы России и русской личности на судьбы человечества.

Представляется интересным продолжить исследование затронутой в докладе темы и показать, как изменение жизнеспособности России воздействует на мир в целом, сформулировать оптимальный взгляд на перспективы внутренней и внешней среды ее развития.

В целом витальный подход к анализу сложных социальных систем представляется научно обоснованным, позволяющим учитывать сложную совокупность объективных и субъективных элементов в их сложной взаимосвязи, находить, оценивать и предполагать детерминированность изменений сложных социальных систем с учетом среды их формирования и деятельности, т. е. с учетом природных факторов. Можно сделать вывод о его научной состоятельности и признать в качестве новаторского метода научного познания социальных объектов.

Мы вышли на финишную прямую! Пора одуматься!

*Н.В. Асонов, доктор политических наук,
кандидат исторических наук*

Я с большим удовольствием ознакомился с докладом, а когда прослушал его, то лишний раз убедился в том, что нам не дано, как выразился Козьма Прутков, «объять необъятное». Желание чело-

века претендовать на объективное понимание законов бытия — пусть даже в рамках социальных систем, опираясь на свои знания в области всех фундаментальных и прикладных наук, — обречено на поражение. Печальным итогом такого поражения становится вырождение, казалось бы, объективных аналитических выводов в миф. Так как нельзя в совершенстве познать все науки и поставить их на службу своему творческому поиску, мы способны проводить исследовательскую работу в рамках только того диапазона, который предоставляют немногие освоенные нами дисциплины с характерным для них методическим и методологическим инструментарием.

Вот почему без помощи коллег, ведущих параллельный поиск ответов на те же проблемы социального развития, что и мы, но в рамках своих научных познаний, обойтись нельзя. Этот синергетический принцип обязан лежать в основе современной исследовательской работы, решающей глобальные вопросы социального бытия. Он, так или иначе, составил сущность творческого поиска еще античных мыслителей — от Китая до Египта и Греции.

Но если мы говорим об изучении социальных систем, надо обязательно определиться с тем, какие дисциплины должны петь «первым голосом», а какие «вторым». Если мы в основу своего анализа социальных систем в качестве научной парадигмы кладем социальный аспект, рассматривая его как главную основу формирования, развития и трансформации человека и общества, тогда следует признать ведущее значение за теми науками, которые стараются понять человека через созданные им, и более никем из живых существ, социальные сферы (духовно-культурную, нормативно-правовую, экономическую, политическую и научно-техническую). В данной связи работа представителей других наук, направленная на объяснение социальных явлений и процессов через проявление биологических, физических, химических или математических закономерностей, может носить только вспомогательный характер, даже в том случае, если анализ имеет междисциплинарный характер.

Объясняется это тем, что такие категориальные пары, как: «добро» и «зло», «любовь» и «ненависть», «нравственность» и «безнравственность», «совесть» и «бесстыдство», «вера» и «ате-

изм» — кроме человеческой сферы больше нигде не имеют своего конкретного приложения. Я уже не говорю о таких сложных составляющих нашей жизни, как политическая система общества и окружающая ее социокультурная среда, понять которые без опоры на общественные науки нельзя. Если уйти от них, закрыв глаза на тот колоссальный духовный разрыв, отделяющий человека от остального мира живых существ, тогда в основе нашей деятельности, подобно «братьям нашим меньшим», окажется один животный интерес. Тогда и рекомендации по исправлению допущенных ошибок будут строиться без учета выше означенных категориальных пар, упрощая человека до уровня обезьяны.

Прямым следствием внедрения таких рекомендаций в практику социально-политической жизни станет упрощение граждан до примитивного уровня, когда их духовное развитие подменит соответствующая процедура дрессировки, делающая из общества стадо с присущими животному миру интересами и потребностями. Это тоже вид витального подхода, но иного рода. Его главной чертой выступает желание уравнивать не только все народы и государства между собой, но и опустить их до уровня жизни обезьяны — биологического примитива, если сравнивать ее с человеком.

Там, где основу политической борьбы составляют корыстный интерес, желание получить властные полномочия ради собственной наживы и бесконтрольного монопольного управления материальной сферой в ущерб духовному росту граждан, их умственному преображению и духовному обожению, подобный научный подход всегда будет востребован. Ведь его мировоззренческой основой является, как справедливо отметил докладчик, желание подменить «успешность как жизнеспособность пониманием успешности как прибыли», переведя все многообразие социально-политических отношений с духовно-нравственного на денежный (вещественный) эквивалент — более примитивный, но более доступный для рационального воплощения подавляющей частью населения. Соответственно, положив такой научный подход в основу технологий политического управления, власть получит возможность бесконтрольного обогащения и выдвижения на первые роли в управлении не самых умных и честных, а самых богатых, прикрывая свою жажду к сверхприбыли известным аме-

риканским постулатом: «Если ты такой умный, то почему ты такой бедный?».

Это пример «чистой» хрематистики. В рамках данного направления витального подхода она действительно ставит получение материальной прибыли главной целью жизни и ради нее отказывается от многоквартирного «Дома», представляющего собой цивилизационное многообразие национальных квартир с характерными для их обитателей культурно-историческими традициями, ценностями и целями, причем порожденными не животным, а социальным развитием жизни. Таким образом уничтожается не только наш «Дом», но и мы, как люди, перестаем быть, т. е. лишаемся человеческой жизни. Ведь ломая цивилизационные перекрытия и создавая на их месте огромную казарму-фалангу, хрематистика опирается на идеологию мондиализма, уравнивающую нас, подобно обезьянам, в один вид, размещенный в «человеянике» по имени Земля. И тогда на смену лозунгу «Страна должна быть», который привел уважаемый Вардан Эрнестович, приходит альтернативный лозунг: «Земля должна быть».

Но если цель хрематистики заключается в получении максимальной прибыли, то в социальной структуре «человеяника» обязательно образуется ничтожная по численности, но чрезвычайно влиятельная властная политико-экономическая элита. Она будет жить инстинктами сытых, объевшихся животных-господ. Ее же власть будет распространяться на остальное население Земли, утверждая в нем интересы и потребности домашних животных, выполняющих тягловую работу. Этот вариант дальнейшего общественного развития блестяще изложен устами доктора Хасса в кинофильме «Мертвый сезон». Как помните, доктор мечтал вывести новую породу «людей», когда человек будет знать, что за хорошую работу он получит питательную бобовую похлебку и женщину на ночь. Все человеческие интересы и потребности, мешающие ему хорошо трудиться и воспринимать конкретный результат своей деятельности в виде похлебки и секса, будут устранены, и люди обретут долгожданный покой. «Разве это не гуманно?» — спрашивал доктор Хасс.

Особенности хрематистики как мировоззренческой основы строящихся социальных отношений определяют специфику поли-

тической системы общества, как теперь говорят, «заточенной» на защиту ценностей и целей, связанных с получением максимальных материальных доходов. Институциональная подсистема будет осуществлять управление в интересах политико-экономической элиты. Коммуникативная подсистема будет носить главным образом однонаправленный характер действий, доводя до подчиненных распоряжения и требования властей. Рекрутирование ею в политическую систему если и сохранится, то будет ориентировано не на самых честных и умных, а на тех, кто способен поставить стремление к максимальному материальному доходу выше служения своему «Дому», т. е. тех, кого Конфуций презрительно называл «сяо жэнь» (мелкие людишки). Утверждать их систему ценностей и целей как истину в последней инстанции обязана будет идеологическая подсистема, а защищать — нормативно-правовая и силовая. Поскольку границы исчезнут, силовые структуры понадобятся только для защиты власти от общества, которому духовно-творческое развитие будет противопоказано. Ведь хорошо известно: там, где господствует хрематистика, чем меньше народ знает — тем крепче спит власть.

Не секрет, что умными и честными управлять сложнее. Чтобы они признали стоящую над ними власть легитимной, надо самой власти быть умнее и честнее тех, кем она управляет. Тогда представители не только институциональной подсистемы, но и других элементов политической системы общества будут использовать имеющиеся у них полномочия не для получения сверхприбыли, а для того, чтобы стремящиеся к ней за счет ущемления нравственных человеческих начал не могли войти во властные структуры. В рамках нормативно-правовой подсистемы нравственность снова станет юридической категорией, защищая общество и власть от эгоистических начал как основного источника криминогенности. Любовь к Богу, к людям, к своей стране, к семье и личности в идеологической сфере раскроется как жертвенное, высоконравственное чувство, а не как влечение. Без этой любви рекрутирование во власть станет невозможно, даже если это будет прекрасный профессионал. Поскольку свои знания и опыт такой «профессионал» способен обратить не на благо людей и своей страны, а на свое личное благо в ущерб тем гражданам, которых он призван обе-

регать, принося в жертву не только свое имущество, но и свою жизнь. В границах коммуникативной подсистемы власть и общество получают возможность установить широкий диалог, включив все имеющиеся как прямые, так и обратные связи на всех уровнях человеческого социума. Тогда силовые структуры, преобразившись качественно, начнут служить защите этих связей и сложившейся социальной расстановке, не допуская ее нарушений. Только такой тип политической системы сможет отвечать требованиям аристотелевской экономики как положительного антипода хрематистики.

Но насколько этот образ, как идеал, далек от того, что мы наблюдаем сегодня! Идущее «осовременивание» человеческого общества путем перехода от традиционных ценностей и целей, утвердившихся общественных структур к новым рациональным ценностям, целям и структурам — в зависимости от того, какое направление в научном поиске одержит победу, — приведет нас к одной из двух представленных в докладе крайностей. Либо мы выйдем из системного кризиса и будем строить междисциплинарный анализ и прогноз, опираясь на развитие принципов выведенной Аристотелем «экономики», стараясь сохранить «цветущую сложность» цивилизационного многообразия, о которой писал Константин Леонтьев, и поднимемся в своем духовно-нравственном развитии; либо одичаем, пойдя по пути «смесительного упрощения», отдав себя животным инстинктам, на которые опирается в своем анализе хрематистика.

Завершая свое выступление, хочу отметить, что автор подошел к анализу поставленной перед ним проблемы с позиций именно тех наук, которые в максимальной степени способны проанализировать социальную составляющую витального подхода. Был дан хороший исторический, философский и социологический анализ с элементами политико-экономического подхода. За то, что автор не стал влезать в проблематику социальной биологии или большой химии, честь ему и хвала. Докладчик отвечал за тот раздел наук, в котором он разбирается. Мне кажется, за это не судить, а хвалить надо.

Во-вторых, я для себя отметил тот положительный момент, который разработал Вардан Эрнестович. Касаясь анализа хрематистики,

тистической и экономической составляющих, он вывел их на уровень антагонистического дуализма, где нет места «золотой середине», смысл которой звучал бы так: грабить, но не сразу; предавать, но постепенно. То есть главный закон бытия — закон единства и борьбы противоположностей — не допускающий золотой середины, прозвучал в докладе Вардана Эрнестовича весьма и весьма убедительно, и на многочисленных примерах был им доказан. Мы увидели, что середина есть, но она совсем не золотая. Да, середина есть: можно смешать добро и зло, можно скрестить дурака и умного, но полудурок не является золотой серединой, и гермафродит не является золотой серединой, к которой стремятся в своем развитии мужчина и женщина.

И еще одно. Когда мы касаемся хрематистики Аристотеля, думается, Вардан Эрнестович был прав, указывая на ее либеральное содержание, потому что в тех странах, где начало побеждать хрематическое направление, уже вышла из юридического употребления такая категория, как нравственность. Любовь как жертвенное чувство больше не является синонимом власти, готовой «душу свою отдать за други своя», я уж не говорю о стремительно нажитых капиталах. Там где доминировало домостроительство, т. е. та экономика, которая апеллирует к духовным, нравственным началам, которая помогала человеку быть лучше, а не жить лучше, — там нравственность была юридической категорией. В Новейший период истории она вычеркнута из советской и либеральной системы. Действительно, зачем мне нравственность, если главная цель моей жизни, главная цель того социального коллектива, который я решил представлять или в который я захотел вписаться, — это прежде всего накопление богатства. Что в таком случае для меня люди, материальные ценности? Помните, Пушкин в «Евгении Онегине» замечательно сказал:

«Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно».

То есть люди для тех представителей власти, кто принял систему ценностей и целей хрематистики, — это орудие. К чему заботить-

ся о сохранности своих «орудий», когда есть возможность набрать новых! Закон прибавочной стоимости, свободной рабочей силы работает здесь так же, как он работал во времена первоначального накопления капитала, и он не устарел! Сегодня Вардан Эрнестович уделил и этому внимание, указав что без решительных изменений, без реформ все человеческое сообщество будет деградировать в нравственном отношении, а значит будет двигаться к своему неизбежному социально-политическому концу, где извращаются все «святыне» для каждого человека понятия. Общество и власть торжествующего хрематизма забывают, что бытие всегда двойственно.

Сторонники хрематистического направления забыли, что у нас свобода, согласно закону единства и борьбы противоположностей, имеет два начала — свобода от греха и свобода для греха. Мы с вами видим, что там, где в основе системы ценностей власти и общества положено прежде всего накопление материальных богатств, там свобода для греха оправдана властью. Поэтому не нужно никакого нравственного императива, который был бы закреплен нормой права; поэтому свобода выступает как некая общая, абстрактная система, не понятно что собой символизирующая и что прячущая. Поэтому все нормально и разрешено все, что не запрещено. Грешишь — нормально, не грешишь — тоже нормально. Соответственно, отсюда и любовь принимает такой абстрактный характер. Когда любовь перестает быть со знаком «плюс», она теряет свое значение как естество человеческое и отходит к сфере наших желаний.

Вот, например, моя любимая сказка Пушкина «О рыбаке и рыбке». Есть любовь у старухи? Есть. Она как раз здесь выражает ту самую составляющую, которая характерна для неолиберальной идеологии, — это свобода для греха. У старухи есть эта свобода для греха, которую как грех ни она, ни дед не воспринимают. Это накопление материальных богатств, желание постоянно поднимать свой социальный статус и свою социальную роль. И во что все это вылилось? Превращение старухи в хищника и полное уничтожение старика, опущенного властью до состояния безропотной домашней скотины. Вот вам, пожалуйста, то, что касается хрематистической направляющей, возможного вектора нашего социального развития, точнее — деградации.

Заслуга Вардана Эрнестовича состоит в том, что он показал: парадигма нашего развития, развития всей мировой цивилизации в том и заключается, что если мы дальше пойдем по пути, который нам предлагает хрематистика, наша цивилизация просто-напросто рухнет. То, что последние 50–60 лет нас стали беспокоить глобальные проблемы современности, — это есть результат развития именно хрематистического направления. Это не временные трудности, которые мы переживем, пока будем строить светлое будущее правового государства и гражданского общества. Это те симптомы, которые показывают: «люди, мы вышли на финишную прямую! Пора одуматься, иначе будет поздно!».

«Сцилла» и «Харибда» сложной социальной системы

С.И. Реснянский, доктор исторических наук

Я тоже хочу подчеркнуть, что доклад очень глубокий, очень системный. Здесь я вижу и социологический аспект, и философский, и биологический, и демографический и, конечно, теологический.

Сначала маленькая реплика в связи с выступлением Сергея Александровича Кравченко по поводу болезней. Есть прекрасная работа Юнга о традиционных болезнях народов Запада и Востока, в которой он обосновывает их различия именно на этнической почве.

Из истории известен пример, когда австрийские солдаты заболели брюшным тифом, и из-за этого маленького события ход истории пошел по другому вектору. Можно привести массу примеров из серии бифуркационных точек в мировой истории, которые приводили в действие большие сложные социальные системы, изменяя их. Возьмем, к примеру, диктатора Англии Кромвеля, который, будучи талантливым полководцем, намеревался завоевать всю Западную Европу (британская армия была уже мобилизована и находилась на границе Европы). Ход истории мог резко измениться, однако Кромвель внезапно умирает от маленькой песчин-

ки, попавшей в его мочевой пузырь. И история продолжила свой обычный путь.

Возвращаясь к докладу Вардана Эрнестовича хочу подчеркнуть, что он, конечно, человек гениальный. Это знают многие. Лично я уже с половины выступления буквально утонул в графиках и таблицах, потеряв нить рассуждений, только интуитивно чувствуя, о чем идет речь, да и то лишь потому, что был знаком ранее с сегодняшним докладом.

Общеизвестно, что в философии есть принцип бритвы Оккама: не увеличивай сущности сверх необходимости, т. е. не усложняй сверх меры того, чего не надо. И обратный момент: в кибернетике существует принцип Эшби — «сложности системы должна соответствовать сложность теории, иначе ее просто трудно понять». Я хочу подчеркнуть в этой связи, что Вардан Эрнестович совершенно правильно говорит о том, что социум в своем развитии балансирует между биологическими инстинктами человека, что не отличает его от животного мира и собственно человеческими факторами, которые и делают человека человеком, отличным от всего остального мира. Здесь, на мой взгляд, происходит конвергенция того и другого.

Я думаю, что выступление докладчика, его концепт очень четко коррелирует с христианской моделью человека и прежде всего в его православном концепте. Антропологическая формула христиан — это плоть, душа и Дух. Эту модель можно применить и к социуму. Плоть — это инстинкт, это биология, это телесное, это человек по сю сторону — здесь и теперь. Душа — это некий балансир: или ты приходишь к Духу, к духовности, или ты предпочитаешь плоть. Отсюда и эволюция человека. Плоть — это абсолютизация инстинктов человека, это его чувственность: вверх от обезьяны — вплоть до вершин духовности современного мира с его классической музыкой Бетховена, Чайковского, Моцарта и т. д. Но это вершина достижений секулярного мира, это секулярное начало, безусловно. Это не есть Подобие Бога, до которого нам очень далеко.

В этой связи хочу еще раз напомнить, что точкой отсчета начала складывания сложной социальной системы, какой является социум, по христианской модели, было грехопадение: резкий разрыв

экзистенциальной связи с Богом и переход на автономное существование, черпающее витальную энергию в собственной тварной природе ради своего биологического выживания. В этом случае человек существует как природный индивид, как «разумное животное». Аристотель справедливо отметил: человек преобразует материю мира в плоть своего тела, не более того. И лишь в этой органической сопричастности миру реализуется человеческая жизнь. Однако жизнь человека — это все же не только и не столько биологическое выживание, а связь с Богом, хотя и прерванная актом грехопадения. И в этой связи совершенно справедливо Вардан Эрнестович ставит ключевой вопрос своего доклада, как я его понял, о проблеме «обожения» человека, как единственную альтернативу остаться человеку человеком, как Подобием Божиим, и отречься тем самым от претензий только на свое автономное существование, ибо тварные энергии человеческой природы не в состоянии обеспечить непрерывность (вечность) нашего автономного бытия, а значит нашего смертного существования в этом мире.

Еще раз хочу отметить прекрасное выступление Вардана Эрнестовича Багдасаряна и поблагодарить его за глубокие размышления, доставившие всем нам огромное удовольствие и придавшие творческий импульс нашим соображениям о проблемах нашего собственного бытия.

Необходимо продолжение исследований

В.Н. Шевченко, доктор философских наук

Доклад В.Э. Багдасаряна имеет во многом новаторский характер и представляет большой научный интерес. Одно из главных его положений, на которое я обращаю внимание участников семинара, состоит в выдвигании и обосновании четырехфакторной модели витальности отдельного социума, демонстрации ее состоятельности, в частности, в применении к российскому народу. В этой модели автор дал следующую шкалу факторной зависимости:

- 1) идейно-духовный фактор;

- 2) фактор цивилизационной или национальной идентичности;
- 3) фактор качества государственного управления;
- 4) материальный фактор.

Обширная аргументация, приводимая в докладе, кажется достаточно обоснованной. Но мне представляется, что для большей убедительности нужно продолжить исследование и показать динамику изменения коэффициента витальности социума в историческом аспекте в зависимости от характера воздействующих на конкретный социум внешних факторов. Что я конкретно имею в виду.

Сегодня недостаточно говорить о том, что внешние факторы могут замедлять или ускорять развитие отдельной страны. Необходимо вопрос о роли внешних факторов рассмотреть с позиций системно-синергетического подхода, который позволит более строго выявить формы и способы воздействия внешней социальной среды, окружающей страну, на ее развитие, а это позволит в свою очередь найти, исходя из сложившихся условий, наиболее адекватный вариант реформирования Российского государства, повышения его жизнеспособности.

С точки зрения системно-синергетического подхода отдельная сложно-динамическая система есть открытая система, обменивающаяся с окружающей средой веществом, энергией и информацией. Если теперь посмотреть на отдельное государство как на систему, то можно говорить, что оно находится в постоянном взаимодействии с внешней для него социальной средой (исторические особенности взаимодействия общества с природной средой требуют отдельного анализа).

Отдельное государство как социальная система, социум, активно взаимодействует с окружающей его социальной средой, которая может быть интерпретирована как совокупность самых многообразных общественных отношений — материально-производственных, кооперационных, финансово-торговых, политико-правовых, информационных и т. д. Применение системно-синергетического подхода при анализе взаимодействия отдельного государства с другими государствами на мировой арене предполагает более строгое выявление совокупного эффекта от складывающейся при этом суммы отношений между ними. Прежде

всего это есть в каждом случае субъект-субъектные отношения. Нередко о таких отношениях в современной литературе пишут как об игре. Она носит характер сотрудничества-соперничества. Возможно, конечно, в какой-то период времени установление динамического равновесия как итоговой суммы этих отношений. И тогда полученная константа может не приниматься во внимание.

При изменении параметров социальной среды, окружающей конкретное общество как целостную систему, государство вынуждено искать адекватные способы и формы реагирования, изменять свои функции или (и) свои внутренние структуры. Но если длительные и направленные изменения параметров социальной среды будут носить постоянно неблагоприятный характер для отдельной социальной системы, то они могут привести в конечном счете к необратимым изменениям в ней, причем в худшую сторону. Это будет означать, что у системы отсутствуют реальные рычаги для контроля над внешними факторами и условиями своего существования.

Понятно, что тот субъект, который управляет параметрами социальной среды, окружающей отдельную социальную систему, по сути управляет и дальнейшим развитием этого социального организма, пытается направить это развитие по пути либо прогресса, либо регресса. Причем регрессивная эволюция (или инволюция) сложных динамических систем необратима при переходе через критический порог. В конечном итоге происходит распад такой системы. Так распадались великие империи в первой половине XX в.

Но это самые общие соображения. В них остались неучтенными еще два важных обстоятельства — сущностные особенности той или иной социальной системы и природно-пространственный фактор.

Государство как субъект способно до определенного предела устанавливать контроль над неблагоприятными воздействиями, идущими на него извне. Оно может, к примеру, вполне сознательно свертывать свои взаимодействия с внешним миром, так или иначе закрываться от него. Необходимо принимать здесь во внимание самостоятельную силу реагирования со стороны государственной власти.

От неблагоприятного характера отношений с внешней социальной средой у государства есть довольно надежная подушка безо-

пасности. Наиболее значительные и мощные государства, которые обычно называют империями или государствами-цивилизациями, в значительной мере автохтонны, самодостаточны, они могут длительное время существовать и даже развиваться в неблагоприятных условиях. Приняв решение сократить внешние связи, закрыться, государство будет выживать за счет натурализации жизни его подопечных, существовать в полуразрушенном состоянии, усиливать в этих неблагоприятных условиях авторитаризм властно-управленческой системы. И пытаться минимизировать потери своей жизнеспособности.

И еще один фактор. Обращение государства-цивилизации вовнутрь, в себя, может оказываться сильнейшим импульсом для более интенсивного освоения им своего географического пространства. Более того, это может стать решающим фактором выживания и дальнейшего развития на длительное время.

Подобного рода исследования, несомненно, показали бы существование различных конкретных вариантов взаимодействия и взаимозависимости указанных выше четырех факторов в модели витальности отдельного социума. На этом пути можно ожидать много интересных и неожиданных открытий.

Пространство жизни / жизнь пространства

Д.Н. Замятин, доктор культурологии, кандидат географических наук

Я хотел бы поблагодарить Вардана Эрнестовича за прекрасный доклад — очень мощный, и за ту энергетику, с которой докладчик проводит свой дискурс. Поистине такому дискурсу трудно сопротивляться! Да и нужно ли?

Тем не менее, хочу высказать ряд замечаний, которые, может быть, в какой-то степени скорректируют то, безусловно очень интересное направление, которое Вардан Эрнестович представляет.

Первое, что мне хотелось бы отметить в докладе, — это очень жесткая логика, очень жесткая каузальность, очень тесные связи,

с которыми на самом деле трудно бороться. Здесь, мне кажется, очень интересной может быть книга Талеба «Черный лебедь». Это не совсем научное исследование, но тем не менее, эта книга стала очень популярной в мире. В ней идет очень точная критика каузальности и рациональности, при том что автор — математик и статистик. Я также не сторонник жесткой каузальности. Она работает лишь в ограниченных пределах.

Интересно, что аристотелевская силлогистика, которую использует докладчик, сочетается у него с платонизмом — тут Аристотель и Платон «в одном флаконе». Это, кстати говоря, очень редкое сочетание. В целом я бы сказал, что Вардан Эрнестович очень глубоко постиг основы западной онтологии, которая до сих пор господствует и которая сегодня диктует многое на Западе.

Очень важный методологический горизонт доклада состоит в том, что очевиден христианский «пласт», и более точно — «пласт» православно-методический, что, наверное, хорошо. Взаимодействие науки и религии здесь проявилось достаточно корректно, но в то же время — открыто.

Связи духовности и демографии для меня проблематичны. Я не вижу здесь прямых связей, и корреляции меня тоже, честно говоря, не очень убеждают. Я бы обратил внимание на ту трактовку религии, которая описывается Бенвенистом в его «Словаре индоевропейских социальных терминов». Автор очень четко говорит о христианской трактовке понятия религии и дохристианской эпохе. Это две абсолютно разные трактовки. Древние понимали религию иначе, шире, нежели христиане, христианские и постхристианские мыслители.

Наконец, я бы хотел сказать об очень мощном логоцентризме в докладе. Это понятие современной западной критической методологии. Сейчас с логоцентризмом ведется концептуальная борьба. В нашей традиции можно упомянуть труды культуролога А.А. Пелипенко. Должен сказать, что по некоторым позициям я с ним согласен, хотя не считаю, что логоцентризм должен быть отвергнут полностью.

Теперь я перейду к понятию жизнеспособности. Как у Степана Степановича понятие успешности, так у Вардана Эрнестовича понятие жизнеспособности меня смущают. С одной стороны, достаточно мощные онтологические мотивы в докладе, с другой

стороны — понятие, проистекающее из внешних социологических построений. Вообще говоря, что такое жизнь? Жизнь и смерть? Мы все не знаем, как ответить на эти вопросы, но я обращаюсь к Г. Зиммелю, к его понимающей социологии и «философии жизни». У него, вообще говоря, смерть всегда внутри жизни. Это глубокая не только метафизическая, но и онтологическая проблема. Я бы не рискнул к понятию социальных систем применять анализ жизнеспособности, потому что понятие старости, старения онтологически превосходит на порядок понятие жизнеспособности.

Теперь — о пространстве. У докладчика оно присутствует, но в такой классической социологической трактовке, критикующей традиционный географический детерминизм, что, безусловно, правильно. Но я бы сказал, что здесь нужна более широкая метафизическая трактовка. Собственно экспансия жизни в пространстве — ключевой мотив жизни вообще. Жизнь, по сути дела, и есть расширение пространства. Я бы сказал, что пространство как экзистенция — это уже и есть жизнь.

Обращаясь к проблематике современной России, мне кажется, стоит сказать: если стартовать от понятия жизнеспособности, то современная Россия сейчас не очень хорошо выглядит, а скорее плохо. Но даже примитивные социальные, социально-географические перемещения приводят к тому, что жизнеспособность страны повышается. Для России краеугольной проблемой, простите за банальность, является перенос столицы. Мы пропустили начало XIX в., когда столица не была перенесена в Нижний Новгород; в начале XX в. столица должна была быть на Урале; сейчас, очевидно, это Сибирь. Пока мы не осознаем этого, Россия будет терять свою жизнеспособность.

От проблемного анализа — к государственно-управленческому проектированию

И.Л. Андреев, доктор философских наук

У нас сегодня уникальный семинар, более половины его участников — профессиональные философы.

Давая высокую оценку докладу, я хотел бы отметить, что профессор Вардан Эрнестович Багдасарян очень добросовестно, четко, на обширном материале аргументировал свою позицию. Будучи авторитетным историком, автор профессионально рассказал нам о том, как сложилась нынешняя ситуация, как было дело.

Но именно в этой временной направленности исследования лежит граница соприкасающихся наук. Уважаемый Сергей Александрович Кравченко справедливо заметил, что социологию докладчик упустил из виду, но я сейчас хочу сказать о философии. Понимаете, в докладе изложены красивые, убедительные, трудоемкие, тщательно сработанные вологодские кружева громадного массива фактов, а заключительного аккорда государственно-управленческого выхода в реальную жизнь — зачем и кому это нужно — я не увидел. Ведь ни Путину, ни Медведеву об этом не скажешь, значит нужно искать какие-то другие варианты, создавать на этой информационной базе конкретные актуальные проекты.

Поясню свою мысль. Далеко не каждую цель можно оптимально достичь лобовой кавалерийской атакой *a la Чапаяв*; очень часто более эффективным оказывается обходной и, желательно, неожиданный маневр. Когда-то я прочел объемистую автобиографическую книгу военного теоретика генерал-лейтенанта Игнатова — «Пятьдесят лет в строю». Да, того самого, про которого армейские острословы шутили: «50 лет в строю, и ни одного дня в бою», игнорируя тот факт, что в самом начале своей военной карьеры будущий генерал серьезно повредил ногу и всю жизнь сильно хромал. Так вот, из толстенной книги мне в память врезалась единственная фраза: «Хороший удар под Берлином, и ты можешь захватить Камерун, даже не умея найти его на карте». Поясню: часть нынешнего Камеруна была тогда германской колонией. Резюмирую: опираясь на полученные докладчиком аналитические результаты, нам, как сообществу разно дисциплинарных экспертов, можно и нужно идти дальше, в сферу стратегии — от проблемного анализа к государственно-управленческому проектированию.

Что я имею в виду? В докладе речь шла о витальности, но из витальности практически выпала проблема здоровья, за исключением косвенной статистики рождаемости, смертности и болезней

по регионам и религиям. То, что получен вменяемый результат, — хорошо. Но надо, чтобы каждому из здесь сидящих, каждому из людей на улице была от этого польза, т. е. надо идти дальше.

На прошлом семинаре я заострял на этом внимание, сейчас хочу упомянуть, о том, что многое зависит от экологических факторов: в частности, если говорить о планах семинара на будущий год, то мощным и востребованным может быть реальный стратегический проект, касающийся питьевой воды (кстати, поддержанный академиком А.А. Акаевым). Фармакологические компании не дают ход легкой воде с искусственно измененным изотопным составом, потому что это уникальное и универсальное природное лекарство. В отечественной космической медицине вода с пониженным содержанием тяжелых изотопов водорода и кислорода уже несколько десятилетий рассматривается как эффективное и практически единственное средство «индивидуальной» защиты организма космонавта от жесткой радиации «изнутри». Многие практические достижения космической медицины удачно «приземляются» и входят в нашу повседневную жизни — как, например, памперсы и некоторые системы диагностики. Мне довелось специально рассматривать данную проблему в статье «Земные горизонты космической медицины» («Вестник Российской академии наук», 2009, № 12).

Коснулись наши космические ноу-хау и питьевой воды. Но, к сожалению, отечественные идеи, разработки и патенты, как это часто бывает, оперативно реализуются главным образом за границей. В Венгрии и США легкая изотопная вода с 2002 г. позиционируется как природный онкопротектор. Но когда российские производители легкой воды пришли со своими предложениями в онкологический центр, им там, что называется, «шепнули на ушко»: «Мы даем больным таблетки, которые стоят 2 тыс. долл., а вы предлагаете давать свою воду... Так что же, нам в этом случае всего 300 руб. достанется?».

Проблема пресной воды и, тем более, воды с измененным изотопным составом, имеет государственное значение (Андреев И.Л. Прозрачное золото России // Российская Федерация сегодня, 2012, № 15), и вопрос о включении данной темы в план наших семинаров на 2013 г. вполне может стать предметом заинтересованного

обсуждения на одном из заседаний Попечительского совета Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования.

Если мы, здесь собравшиеся, претендуем на то, чтобы совместными усилиями кардинально улучшить жизнь — свою и наших сограждан, — мы не должны, упиваясь высокопарной убедительной критикой действительности, засиживаться в отгороженной от народа высокой интеллектуальной башне из слоновой кости. Я предлагаю, коллеги, ориентироваться в нашей аналитической и творческой деятельности на земные, реальные, витальные, прагматические, социальные, экономические, политические проблемы, активно переходя от отработанной и тихо уходящей в прошлое парадигмы «кто виноват?» к когнитивной и деятельной синтагме «что делать?». В этом я вижу высшую гуманность и духовность нашего времени. Не просто сокрушаться по поводу нанизываемых друг на друга грустных фактов и бить поклоны идолу тотального критицизма, а что-то конкретное делать для достижения столь высокой цели. Честно говоря, я не разделяю оптимизма Карла Маркса насчет того, что задача философов не просто объяснять, а преобразовывать мир. Я, как ни стараюсь, не вижу себя в роли вершителя будущего. Но порой рискую заглянуть в него хотя бы краешком глаза (Андреев И.Л. Россия: взгляд из Будущего // Вестник Российской академии наук, 2003, № 4) и предложить свои маршруты движения к нему, стремясь минимизировать тем самым хотя бы некоторую часть рисков, неизбежно лежащих на этом неизведанном пути.

Почти 25 веков назад Демокрит и Гиппократ акцентировали роль образованных людей в улучшении здоровья сограждан. Теперь эта тенденция лежит на поверхности. Именно научная *интеллигенция* (заметьте: такого слова, как и слова *духовность*, нет ни в одном языке мира, кроме русского!) может и должна взять на себя ответственность и функцию разработки сценария вывода страны из глобальной валютно-финансовой западни, в которую завели человечество не критическая абсолютизация опыта Запада и навязанные *им* в качестве универсальных выгодные лишь *ему* рецепты жизнедеятельности для всего мира.

Сейчас картина предстает дикая: некогда святая, *бескорыстная помощь* больному (напомню: на стоянке неандертальцев археоло-

ги обнаружили скелет мужчины, долго жившего среди них с одной рукой) законодательно заменяется в федеральных проектах *коммерческой услугой* человеку, не только нуждающемуся в ней, но и способному за нее заплатить. Сопоставьте ключевые понятия происходящей на наших глазах подмены солидарной социальной помощи страждущему платной рыночной услугой! Забота о собственном здоровье законодательно сводится на уровень «вещи», которую можно выбирать, если есть деньги, а если их нет, то приходится отказаться от этой «услуги». Уже канцлер ФРГ Ангела Меркель и президент Франции Франсуа Орланд открыто говорят о том, что рынок, как виртуальный регулятор реальной жизни человека и социума, исчерпал свой некогда динамичный потенциал и стал источником небывалого социального напряжения. Ведь 93% богатств, созданных человечеством в последнее десятилетие, достались всего одному проценту населения Земли — заоблачной верхушке пресловутого «золотого миллиарда» — классу «глобальных олигархов», досконально освоивших и до блеска отладивших финансовый механизм планетарного мошенничества, позволяющий ненавязчиво, втихую грабить весь мир и добывать вполне земные деньги из денег, иначе говоря — «из воздуха» планетарных валютно-финансовых пирамид. (Якунин В.И. Новый мировой класс — вызов для человечества // Свободная мысль, 2012, № 5/6). И это в условиях, когда уличенную в тотальном жульничестве «невидимую руку» рынка энергично вытесняет с авансены современности «виртуальная голова» знания (Андреев И.Л. Россия: взгляд из Будущего // Вестник Российской академии наук, 2003, № 4). Из ежедневно «прокручиваемого» в банках мира триллиона долларов только десятая часть непосредственно связана с обслуживанием производства и потребления. Остальные воспроизводят сами себя. А поскольку закон сохранения является универсальным источником немалой прибыли для банковской системы, фактически оплачивает эти финансовые сальто-мортале все остальное человечество. Недаром банки и корпорации даже визуально отгородились от витальности обычного люда не только до зубов вооруженной охраной, но и бронированными затемненными стеклами, как бы отсекая виртуальное Зазеркалье своих финансовых придумок и замысловатых причуд от реальной жизни простых людей.

Именно появление у человечества «виртуальной головы» информационной экономики знания имели, на мой взгляд, в виду Карл Генрихович Маркс, предсказавший эпоху научно-технической революции, и Владимир Иванович Вернадский, веривший в создание коллективным разумом человечества гармоничной и гуманной ноосферы. Маркс прозорливо писал о грядущей смене машиноподобного труда — продукта индустриальной цивилизации — творческой игрой интеллектуальных и физических сил, а также о кооперации интеллектов в эпоху, названную им научно-технической революцией и эрой овеществляемого в интересах всего общества знания закономерностей внешней и находящейся внутри него самого природы. Гениально предсказанный В.И. Вернадским ноосферный разворот человечества к социально-ориентированному развитию экономики, политики, морали, образования, воспитания, регулирования демографических процессов — сегодня также реальная гуманистическая перспектива. И, вместе с тем, это — весьма актуальная альтернатива опасности его экологического самоуничтожения, по многим параметрам созвучная выводу Маркса о научно-технической революции как перспективе будущего социально-экономического устройства.

Философское осмысление идеи В.И. Вернадского о диалектической связи биосферы и ноосферы безоговорочно приводит к выводу о несостоятельности либеральной рыночной модели, которая оставляет «за кадром» самого человека: его телесное, психическое и социальное здоровье, смысл жизни, мировоззрение, мораль, личностные и семейные отношения, психологический статус, мотивы и стимулы поведения, разнообразные интересы, лежащие за пределами чисто хозяйственной деятельности, но прямо или опосредованно связанные с ней. Информатика, как «разумное» производство, открывает прежде недоступные человеку силы, предметы и закономерности окружающей природы и природы его собственной. Творческая креативная деятельность, упорно прорастая в жизненную ткань современного бытия, незаметно, как бы исподволь подтачивает недавно казавшееся вечным господство индустрии вместе с порожденными ею формами экономического неравенства, социального расслоения и политического антагонизма.

Основой устойчивого развития становятся национальный интеллект и поддерживающая его политическая воля. К сожалению, далеко не все понимают, что созидательной силой Истории выступает сегодня не только экономика, доставшаяся нам от индустриального конвейера, но и психология творческого осмысления мира. Не столько деньги, полученные неизвестно каким путем, сколько продуктивные идеи, рожденные игрой воображения в море информации. Не безалаберная и бездарная растрата отечественных недр, но развитие национального интеллекта. Не материальное богатство и престижное сверхпотребление, а идеальное знание как адекватное отражение действительности в виртуальных образах, создаваемых и преобразуемых творческим сознанием человека с помощью информационно-компьютерных устройств, а также соотнесение разумных стандартов образа жизни с ресурсами природы и интересами других людей.

Эра информатизации переставляет привычные экономические и психологические акценты. *Уметь* в эпоху бурного пересмотра технологических и гуманитарных приоритетов гораздо важнее, нежели просто *иметь*. Одно из ключевых условий выхода России на арену информационной цивилизации — социально-психологическая интеграция различных слоев населения в русле совместного стремления к этой цели, чтобы каждый мог увидеть в ее достижении свой конкретный интерес. Иными словами, нам нужна современная, отвечающая динамичным реалиям грядущей эпохи (важно мыслить и действовать на опережение текущих событий!) *общенациональная идея, вписывающаяся в глобальные процессы современного мира*.

Разве горькое похмелье после эйфории горбачевской перестройки, переросшей в гайдаровские квазизападные реформы и напоминающие сказку о скатерти-самобранке ваучеризация, МММ и ГКО, не развеяли сладких иллюзий о том, что «заграница нам поможет», если мы будем послушными, до дебильной наивности, ее учениками? Вечная наша дилемма — *куда* и *за чем* идти — до боли напоминает рефрен народных сказок: *пойди туда, не знаю, куда, принеси то, не знаю, что!* Или рефлексивные размышления фольклорных персонажей на развилке дорог: *куда* пойти — направо? налево? или прямо? *Куда* ни пойдешь по чужой указке — все

лихо. Поневоле приходится искать собственный путь к вожделенной цели. Не западный, и не восточный, а именно свой, вписанный в реалии ситуации и общие закономерности современной Истории! Тем более что, в силу нашей ментальности, выработанной веками в особых природных и исторических условиях, прямые заимствования иностранных новаций оказываются малоэффективными. А сидеть на коварной «игле» заморских технологий, игнорируя собственные технические задумки, не только хлопотно и разорительно, но весьма небезопасно для обороноспособности и самостоятельного развития страны.

Что ждет нас при слепой ориентации на Запад, к которой зовут доморощенные либералы? Запад как предельно развитая капиталистическая система, а вовсе не по злому умыслу — совокупный эгоист, изворотливый эксплуататор, сам себя неизбежно загоняющий в исторический тупик. Упорно навязываемая нам стратегия «догоняющего развития» в условиях острой конкуренции мирового масштаба заранее обречена на неуспех и добровольную консервацию отставания. *Взятые сегодня за основу вчерашние ориентиры могут завтра привести ... только в позавчера.* Зачем же, рискуя сорваться под колеса, пытаться вскочить на подножку последнего вагона, коли разогнавшийся поезд западной цивилизации мчится в исторический тупик (если не в социальную пропасть?). Но как избавиться от буквально вросших (или коварно вбитых!) в сознание предрассудков, что все лучшее, что есть в этой жизни, появляется на благословенном Западе, а его цивилизационное «приданное» (рынок и либерализм) — единственно возможные формы и гаранты благополучного социального устройства?

Касательно индустрии, подобные иллюзии решительно изживают себя. Информатизация стала ее реальной зримой альтернативой — в экономической, экологической, социальной сферах. К тому же строить (даже на развалинах) легче, чем модернизировать пока еще успешно функционирующее и приносящее прибыль производство, в которое сделаны немалые вложения. Но *сейчас вовсе не обязательно предварительно все крушить и рушить «до основания, а затем...».* Достаточно создать *не вместо, а рядом* (благо, места для этого надо совсем немного) с прежними формами индустриального способа производства (не на их «костях») но-

вый компактный и природосберегающий *информационный уклад хозяйствования и управленческой деятельности*, где функцию «безмозглой» механической «руки рынка» заменит творческая «виртуальная голова», генерирующая *и* материализующая знания в деятельность. Постепенно набирая силу, креативные венчурные структуры могут ускорить кризис изношенных промышленных монстров.

На ум вновь приходит аналогия с появлением миниатюрных млекопитающих среди гигантских динозавров. Первые плавно вытеснили из эволюционного процесса тех, чей ресурс адаптации к переменам оказался в критической ситуации исчерпанным. (Как у индустрии и порожденных ею социальных институтов!).

Помочь нам некому, кроме самих себя. Благо, есть универсальные психологические парадигмы, которые могут настроить на активный поиск выхода из сложившейся ситуации. Среди них — *эффект самореализующейся веры* и мудрая притча о находчивом бароне Мюнхгаузене. Смекалкой он больше напоминает русского мужика, нежели немецкого аристократа. В ситуации, когда на помощь извне нечего было рассчитывать, он самого себя вытащил за волосы из почти засосавшей его трясины. Как молвил наш любимый классик: «Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам — урок!» При этом грубым имперским замашкам извне можно противопоставить партнерство, сотрудничество и союзничество с западным большинством мира. Это не предполагает изолированности от Запада, успехи которого в области революции комфорта неоспоримы и имеют общечеловеческое значение. Другое дело — твердо пресечь навязываемые им под личиной сотрудничества формы паразитической эксплуатации сырьевых и людских ресурсов России.

О некоторых актуальных проблемах наших дней я говорил на предыдущем заседании семинара, но сейчас появилась еще одна печальная новость. Речь идет об очень сложной психической структуре такой демографической группы, как подростки. Об этом догадывался Достоевский. *Подросток: куда расти?* — прозорливо вопрошал великий писатель-психолог. Так вот, недавно в рамках новейшего этапа многострадальной реформы здравоохранения в России под корень ликвидировали очередное реальное

достижение советского времени — подростковую медицину. Теперь моя дочь жалуется, что вынуждена водить трехлетнего внука в детскую поликлинику, где тусуются вполне взрослые девицы лет по 17, явно «не тяжелого поведения». Что там трехлетний ребенок может увидеть, чего послушаться, чему научиться или, не дай Бог, что подхватить? То же самое и с психическими заболеваниями. В результате — прямо на улице можно столкнуться с самыми разными, в том числе неожиданными и опасными для окружающих проявлениями психических болезней у прохожих или соседей в транспортных средствах. Такая извращенная витальность буквально витает в нашей среде обитания, особенно в условиях притягательного для разного рода социальных маргиналов и психических мутантов мегаполиса.

Или возьмем проблему микробиологического здоровья. Я очень уважаю Сергея Александровича Кравченко, но микробов обижать — даже словом — не нужно. Четверть инфарктов, инсультов — от традиционного невнимания к ним. А ведь микроорганизмы невидимо вторгаются не только в человеческий организм, но и в социальную жизнь, нередко деформируя ситуацию в социумах и даже политическую карту регионов. Почему древняя Эллада пришла в упадок? Совсем не потому, что Демокрит с Гиппократом что-то недоглядели, а потому, что в это время увлажнился климат в далекой Сахаре, и анофелесы, снаряженные тропическими бактериями, отличными от европейских собратьев, перелетели через Средиземное море. В результате, цветущая Эллада безо всяких восстаний рабов и иных социальных конфликтов тихо завяла.

Или другой пример: все знают красивую фразу «свобода, равенство, братство». А не было бы этого лозунга, не было бы температурной дамы на баррикаде (вспомните известное полотно Делакруа), если бы в то время, когда прусские батальоны подходили к Парижу, в войсках не случилась вульгарная кишечная эпидемия, из-за которой измученные солдаты вместо того, чтобы смело идти в бой, лихорадочно искали ближайшие кусты. Так была спасена французская революция.

Когда я начал писать о таких вещах, то предложил в один уважаемый журнал статью с названием «Мои эволюционные нанопредки». В редакции мне сказали: «Это, может быть, ваши предки,

уважаемый, но никак не наши. Избавьте нас от такого родства». Сама «трехэтажная» структура здоровья — микрофлора, телесность (которая сейчас все заменяет в наших стереотипах здравоохранения) и психика (кстати, непосредственно граничащая и с политикой, и с поведением) даже в медицинской науке разорвана на части. При этом психика может очень своеобразно вписываться в религиозное сознание.

Когда я читал текст доклада Вардана Эрнестовича, я задумался: в чем, собственно говоря, была ограниченность советского атеизма? Мы считали, что нас разделяет с верующими разница в мировоззрении, но в каждой из мировых религий самым мощным является поведенческий, я бы сказал, мотивационный и мобилизационный момент. О нем, когда у нас состоится обещанный Степаном Степановичем «круглый стол» на тему взаимодействия науки и религии, я собираюсь рассказать специально.

Доклад уважаемого профессора Вардана Эрнестовича Багдасаряна, с моей точки зрения, особенно интересен и полезен не только тем, что он вызвал бурю эмоций и ассоциаций. Главное — он породил горячее, искреннее желание совместно думать над поиском путей исправления той безрадостной, более того — гнетущей ситуации с вынужденным уничижительным образом жизни подавляющего большинства людей, которая сложилась в мире и в России.

Заключительное слово докладчика

В.Э. Багдасарян

Общий пафос выступления был связан с такой вроде бы неочевидной, но определенно существующей причиной, — это поражение российской гуманитаристики. Часто цитируется сегодня высказывание Ю.В. Андропова — «Мы не знаем общества, в котором живем». От выдвижения этой андроповской оценки до развала Советского Союза прошло немного времени. В значительной степени этот развал соотносился с поражением российской гуманитаристики. Она не предоставляла адекватного знания об обществе, о чем и говорил Ю.В. Андропов, а в идеологическом споре не смогла должным образом противостоять западной гуманитарной науке.

Положение после распада СССР только усугубилось. Возникает вопрос: а что мы сегодня можем противопоставить западной гуманитарной науке? Западная гуманитаристика выстраивается на парадигме конструктивизма — разобрать и собрать можно любую систему. Идти по этому методологическому пути — означает быть аутсайдером. Мы можем противопоставить Западу другой путь — путь холистского подхода к социальным системам. Если методология западной гуманитаристики ориентирована на расщепление социума до уровня индивидуума, то русская мысль традиционно ориентировалась на достижение интегральной целостности. Наука тяготела к соединению и с религией, и с литературой. И в этом заключалась не дефективность русской мысли, а ее сила.

Выдвигаемый на экспертное обсуждение доклад содержал в себе и экспериментальную подоплеку. Применение витального подхода предполагает логику синтеза различных наук. Эксперимент в данном случае состоял в мониторинговании состояния — насколько современное, раздробленное по дисциплинарным нишам ученое сообщество способно собраться на общей платформе. Насколько — стоял вопрос эксперимента — экспертное сообщество России способно к решению задач на уровне междисципли-

нарного и инодисциплинарного (взгляд с позиций одной науки на предмет другой науки) синтеза. Мониторинг показал, что барьеры значительны.

Вторая составляющая проводимого эксперимента заключалась в мониторинговании способности экспертного сообщества договориться об интегральных ценностях. Что для нас безусловно ценно? Без такой договоренности последующее познавательное движение вперед невозможно. Гуманитарное сообщество расколото в своих предпочтениях между монархией и республикой, автократией и рынком, традициями и новациями. Возможна ли при таком разбросе позиций интегральная сборка? Вот мы и выдвигаем витальный подход, предлагающий основание для такого консенсуса. Давайте в качестве исходной ценности считать жизнь страны, ее бытие, существование самой России. А уже на этой основе будут выстраиваться все прочие когнитивные конструкции.

Попытаюсь коротко представить свое видение на некоторые прозвучавшие сегодня замечания.

Комментарий на замечания Сергея Александровича Кравченко.

Конечно, на социальные процессы воздействует множество факторов. Любое событие в любое историческое время определяется множественностью факторных влияний. Все в мире взаимосвязано. Александр Македонский умер якобы от укуса малярийного комара. Малярийный комар изменил ход мировой истории. При таком подходе наука лишается своих познавательных потенциалов, т. е. перестает быть сама собой. Это особый вид агностицизма — агностицизм сложности.

Применяемый в данном исследовании факторный анализ позволяет выявить, что влияет на социальные процессы в большей или меньшей степени. Метод проблемной декомпозиции позволяет, в свою очередь, выявить интегральные факторы.

Социальная система — это, безусловно, система высокой степени сложности. Но в том-то и состоит научный анализ, чтобы дойти в изучении сложного до простейших базовых оснований. Если такой выход происходит — налицо научное открытие. Эти базовые основания, собственно, мы и предьявляем в данном исследовании.

Прозвучал упрек, что в докладе не было социологии. Это странно... Разве выявление факторов функционирования сложных социальных систем не составляет предмета социологии? Другой вопрос, если речь идет о применении методики социологического опроса. Такие методики широко применялись в параллельном исследовании, осуществленном в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, — «Высшие ценности Российского государства», представленного одноименной монографией. Соответствующий инструментарий использовался, в частности, для доказательства цивилизационной специфики России. А этот вопрос также находится в поле витального подхода.

Может быть, действительно, Парсонс высказывал идеи, прозвучавшие в докладе. Скажу больше — и не только Парсонс. Речь как раз и шла о том, что существует два направления анализа сложных социальных систем, обнаруживаемых еще в допарсоновские времена. Одно представляет мир как механизм, а другое — как живую систему.

Еще одна столбовая мысль доклада: и биологическая, и социальная, и духовная составляющая жизни находятся в режиме взаимовлияния. Пример с культурными влияниями на эпидемиологию не опровергает, а как раз подтверждает правильность витального подхода.

То же самое можно сказать в отношении образования. Влияние фактора образования на процесс естественного воспроизводства населения специально изучалось в работе Центра — *«Государственная политика вывода России из демографического кризиса»*. Чем более образованное население, тем ниже показатели репродуктивности. Но детерминирована ли эта зависимость? В Израиле образованность высокая, однако общий коэффициент рождаемости в два раза выше российского. Анализ показывает, что на снижение репродуктивности влияет не само образование, а образование определенного типа — гипертрофированно секулярное.

Наш подход в исследовании факторов естественного воспроизводства населения оппонирует претендующей на монопольное положение в современной демографии теории демографического перехода. Эта теория утверждает, что существует предопределен-

ность репродуктивного упадка, связанная с урбанизацией и индустриализацией. Однако историческая хронология противоречит данному утверждению. Репродуктивный упадок в Европе начался, как известно, во Франции XVIII века. Ни об урбанизации, ни, тем более, об индустриализации речь не шла. А рождаемость, тем не менее, снижалась. Соответственно, это снижение соотносилось с другим процессом — дехристианизацией Франции. Не новый технологический уклад, а утрата ценностей определяла репродуктивное угасание.

Комментарий на замечания Светланы Георгиевны Кирдиной.

Со стороны оппонента был предъявлен упрек: «Этот метод не адекватен для анализа». О каком методе шла речь? В данном случае использовались и метод кластеризации, и факторный анализ, и метод проблемной декомпозиции, и компаративистский анализ. Какой из них неадекватен? Почему они не адекватны? Из такого огульного отрицания я делаю вывод, что неприемлемым для оппонента оказались не методы, а предъявляемая ценностная позиция.

Кроме того, было сказано, что я пытаюсь исключительно через демографические параметры определить жизнеспособность страны. Мне упорно навязывается позиция, которую я не разделяю. Жизнеспособность страны не сводится исключительно к популяционной динамике. Коэффициент жизнеспособности страны рассчитывается на основе суммирования трех составляющих — потенциалов территории, народонаселения и государственного управления.

Но демографические показатели тоже принципиально важны и индикативны для определения жизненных сил населения. Как показывает факторный анализ, по ним можно судить о социуме не только в биологическом измерении, но и идейно-духовном. Предвозвестником гибели многих цивилизаций являлся исторически их репродуктивный упадок. Современное репродуктивное угасание в этом плане также следует рассматривать как соответствующий сигнал.

«Богу богово, кесарю кесарево». Новозаветная фраза была перетолкована оппонентом в секулярном смысле. Получилось так: «давайте отделим друг от друга сферу религиозную и сферу по-

литическую». Религиозный смысл фразы был совершенно иной — «нет власти не от Бога». Соответствующее пояснение давал апостол Павел в Послании римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо [начальник] есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите, ибо они Божии служители, сим самым постоянно заняты. Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь». Религиозная модель жизнеустройства была теократичной. Она экстраполировалась на все сферы бытия — от бытового до политического уровня.

Китай, прозвучало следующее возражение, ограничивает рождаемость, а потому и показатели его по коэффициенту витальности ниже индийских. Да, в том числе и поэтому. На демографические показатели, повторю еще раз, в рассчитанной нами модели влияют несколько факторов: цивилизационной идентичности, идейно-духовных потенциалов, материального благополучия и качества государственного управления. Когда в 1930-е гг. соответствующие программы мотивирования детности были введены советским государством, показатели рождаемости пошли вверх. Этот феномен описывается в современной демографической литературе как «сталинский демографический ренессанс». Китайское государство ограничивает рождаемость — соответственно, показатели витальности идут вниз. Фактор государственного управления играл в обоих случаях ключевую роль.

Комментарий на замечания Татьяны Александровны Чикаевой.
Я благодарен Вам за ряд проблемных постановок.

Масштаб рассмотрения проблемы функционирования сложных социальных систем мог быть различным. В данном случае был

взят масштаб существования цивилизационных систем. Об этом была специальная оговорка. Татьяна Александровна предлагает поработать в других масштабах — человечество и микросоциум. Вопрос в данном случае о перспективах применения витального подхода.

Фернан Бродель ввел в свое время в широкий научный оборот понятие «мир-система». Под ней подразумевались системы, способные к самодостаточному существованию. Микроколлективы такой самодостаточностью, как правило, не обладают и интегрированы в более широкие системы. Но по отношению к отдельным локалитетам витальный подход вполне применим.

Человечество как единая система в условиях локального развития отдельных цивилизаций не существовало. Однако в условиях глобализации такая системность становится все более очевидной. Отсюда возрастают перспективы применения витального подхода и в отношении человечества в целом. И разработки в этом направлении в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования уже ведутся. Они связаны с темой «русского послания миру». Исследуется вопрос о факторной роли России по отношению к жизнеспособности мира. Выдвигается гипотеза, что эта связь существенна. Усиление роли России в мире ведет к увеличению жизнеспособности человечества в целом.

Комментарий на замечания Владимира Николаевича Шевченко.

Я не против синергетического подхода, который критиковался экспертом. Одна из главных проблем в науке сегодня — дифференциация по различным дисциплинарным нишам. Мы не можем договориться ни на уровне категориального аппарата, ни на уровне методологии. Сейчас все острее ощущается необходимость когнитивной синергии. Задача состоит в выработке единой научной методологии, и синергетика в этом плане дает эффективные инструменты.

Действительно, категория «цивилизация» по своему генезису соотносилась с западной идеологической матрицей. Ее активное использование соотносилось первоначально с просветительской триадой — «дикость — варварство — цивилизация».

Цивилизация понималась в единственном числе, будучи соотносимой с сообществом Запада. Эта категория использовалась как западнический маркер. Подразумевалось, что цивилизованные страны — это страны Запада. Остальные оказывались нецивилизованные.

Однако с определенного времени значение понятия «цивилизация» принципиально изменилось. О цивилизациях стали говорить во множественном числе, подразумевая под ними локальные культурно-исторические типы. Мы исходим из определения цивилизации как человеческого сообщества, объединенного сходными цивилизационными ценностями-мотиваторами человеческого поведения как кодом и условием его выживания и успешности в разных природно — и социально-средовых исторических условиях.

Нет цивилизаций, которые в своем генезисе оказались бы не определяемы в существенной мере спецификой природно-средовых условий. Нет цивилизаций, которые бы не определялись в существенной мере специфической системой идеального. «Земля» и «Небо» — две обязательные компоненты любого цивилизационногенеза. В этом смысле предлагаемое разграничение систем на духовные и социоприродные противоречит интегральной модели возникновения цивилизаций как проявления трехуровневой природы жизни человека.

Комментарий на замечания Дмитрия Николаевича Замятина.

Я против жесткой каузальности. Идея доклада как раз и заключалась в том, что и материальное влияет на духовное, и духовное — на материальное. Влияние взаимно. Жесткого предопределения не существует. Витальный подход в этом смысле противостоит логике любого из видов детерминизма.

Согласен, что существуют сегодня определенные проявления кризиса рациональности. Но такой кризис исторически происходит не впервые. Кризис рациональности в значительной степени связан как раз с проблемой отсутствия интегральной научной методологии. Мы много сделали для развития инструментария исследования, но ушли при этом от общего осмысления бытия. Я думаю, кризис в значительной степени вызван этим обесмысливанием. Но если мы ведем речь о научном познании, то остае-

ся только путь восстановления рациональности. Это не отрицает того, что есть и другие пути познания. Есть, в частности, художественное познание, где рациональность не обязательна, а зачастую и вредна.

Отвечая на прозвучавший в ходе обсуждения призыв «идти дальше и переходить к практике», сошлюсь на новую книгу Центра — «Качество и успешность государственных политик и управления». В ней подход к рассмотрению успешности сложных социальных систем через призму критерия жизнеспособности нашел преломление в конкретных государственных политиках, включая политики в сфере здравоохранения и сфере экологии.

Уважаемые коллеги! Завершая, еще раз хочу поблагодарить за предоставленную возможность высказаться, за ценные, провоцирующие на дальнейшие рассуждения замечания. И главное, еще раз повторюсь, давайте все-таки договоримся: существование страны — признаем ли мы это главной ценностью? От этого признания или непризнания будет зависеть вся последующая логика научной консолидации, общественного и государственного строительства.

Темы семинара
«Фундаментальные вопросы развития
сложных социальных систем»

1. Витальный подход к сложным социальным системам
2. К понятию успешности сложной социальной системы
3. Возможности теоретического моделирования в познании сложных социальных систем
4. Современное представление о человеческом сознании
5. Биологическая и социальная эволюция
6. Футурология эволюции человека: в чем состоит асимптотический предел?
7. «Ценности» и «цели» в функционировании и эволюции сложной социальной системы
8. «Ценности» и «цели» и современные альтернативы политических парадигм в развитии мира
9. Религиозное (древнее) и современное научное понимание сущности живой природы и человека
10. Доказательство Бога
11. Что такое добро и зло, и каково их воплощение в современных парадигмах (центрах) развития мира
12. «Ценностная» история, современность и прогноз развития России
13. Нравственность в живой и социальной природе

**Список участников семинара
«Фундаментальные вопросы развития сложных
социальных систем»**

Акаев Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор, иностранный член РАН, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем им. И.Р. Пригожина

Андреев Игорь Леонидович, доктор философских наук, главный научный сотрудник Сектора методологии междисциплинарных исследований человека ИФ РАН

Асонов Николай Васильевич, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор Московского государственного педагогического университета

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного университета туризма и сервиса

Бузгалин Александр Владимирович, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, координатор ООД «Альтернатива»

Горин Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Брянского филиала РАНХ и ГС

Замятин Дмитрий Николаевич, доктор культурологи, кандидат географических наук, руководитель Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

Кагарлицкий Борис Юльевич, директор Института глобализации и социальных движений

Кара-Мурза Сергей Георгиевич, доктор химических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН

Кирдина Светлана Георгиевна, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, заведующая сектором эволюции социально-экономических систем Института экономики Российской Академии наук

Кравченко Сергей Александрович, доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии МГИМО (У) МИД России

Кудюкин Павел Михайлович, доцент кафедры теории и практики государственного управления — Высшей школы экономики

Кузнецов Игорь Иванович, доктор политических наук, заместитель декана факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Лексин Владимир Николаевич, доктор экономических наук, руководитель научного направления Института системного анализа РАН

Лисеев Игорь Константинович, доктор философских наук, руководитель Центра био и экофилософии Института философии РАН

Малков Сергей Юрьевич, доктор технических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, профессор кафедры прикладной математики РГСУ

Межуев Вадим Михайлович, доктор философских наук, Институт философии РАН

Ремизов Михаил Витальевич, кандидат философских наук, Президент Института национальной стратегии

Реснянский Сергей Иванович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой философии и культурологии Российского государственного университета туризма и сервиса

Сафонова Юлия Александровна, руководитель информационно-аналитического отдела Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Сулакшин Степан Степанович, доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Тихомиров Юрий Александрович, доктор юридических наук, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

Чернавский Дмитрий Сергеевич, доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева РАН

Чикаева Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент Института экономики и антикризисного управления

Шевченко Владимир Николаевич, доктор философских наук, заведующий сектором философских проблем политики Института философии РАН

Шубин Александр Владленович, доктор исторических наук, руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН

Юревич Андрей Владиславович, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, зам. директора по науке Института психологии РАН

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Витальный подход к сложным социальным системам

Материалы научного семинара
«Фундаментальные вопросы развития сложных социальных систем»

Выпуск № 6

Ответственный за выпуск О.А. Середкина
Редактор Ю.Е. Мешков
Художественное оформление С.Г. Абелин
Компьютерная верстка О.П. Максимова

Наш адрес:
107078, Россия, г. Москва,
ул. Каланчевская, д. 15, подъезд 1, этаж 5
Тел./факс: (495) 981-57-03,
981-57-04, 981-57-09
E-mail: frpc@cea.ru
www.rusrand.ru

Сдано в набор 19.12.2012 г.
Подписано в печать 21.12.2012 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Отпечатано в типографии ГМЦ
105679, Москва, Измайловское шоссе, 44
Тираж 500 экз. Заказ № 2